

21-й ВЕК

ЖУРНАЛ ФОНДА «НОРАВАНК»

21-րդ դար, 21st CENTURY

3 (44)

ЕРЕВАН

2017

21-й ВЕК

информационно-аналитический журнал

3 (44), 2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр Гаспаршвили

Зав. лабораторией МГУ им. М.В.Ломоносова, к.ф.н. (Москва, РФ)

Ара Марджанян

Старший эксперт НОФ «Нораванк», национальный эксперт ПР энергетики ООН, к.т.н.

Арам Сафарян

Кандидат филологических наук

Ашот Тавадян

*Заведующий кафедрой экономико-математических методов АГЭУ,
д.э.н., профессор*

Бабкен Варданян

Директор ОО «Учреждение Айк», старший советник министра обороны РА

Ваагн Аглян

*Советник НОФ «Нораванк», заведующий кафедрой государственного управления
Факультета международных отношений ЕГУ, к.и.н., доцент*

Вардан Арутюнян

Председатель КГД РА, к.э.н.

Гагик Арутюнян (координатор)

Исполнительный директор НОФ «Нораванк», к.х.н.

Грануш Акопян

Министр Диаспоры РА, д.ю.н.

Джордж Костопулос

Профессор кибербезопасности (Афины, Греция)

Завен Екавян

Доктор, профессор (Лиссабон, Португалия)

Карен В. Карапетян

Премьер-министр РА, д.э.н.

Мигран Дабаг

*Доктор, профессор, директор Института диаспоры и геноцида
при факультете истории Рурского университета (Бохум, Германия)*

Мушег Лалаян

Заместитель председателя Республиканской партии Армении

Самвел Манукян

Заместитель директора НОФ «Нораванк», к.с.н.

Сергей Гриняев

*Генеральный директор Центра стратегических оценок и прогнозов, д.т.н.
(Москва, РФ)*

Эдуард Даниелян

Заведующий отделом древней истории Института истории НАН РА, д.и.н.

21-й ВЕК

информационно-аналитический журнал

3 (44), 2017

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
Гагик Арутюнян

*Первый заместитель
главного редактора*
Самвел Манукян

*Заместители
главного редактора*
Ара Марджанян
Ваагн Аглян

*Ответственный
редактор*
Лилит Меликсетян

*Ответственный
секретарь*
Лусине Баграмян

Арестакес Симаворян
Ваграм Овян
Диана Галстян
Карен Веранян

СОДЕРЖАНИЕ

Сурен Золян

Политическая символика Третьей Республики:
в поисках идентичности 4

Эдуард Атанесян

О некоторых аспектах формирования
«безопасностного мышления» 27

Нарек Минасян

Концепция «мягкой силы» в контексте
теорий международных отношений 35

Арман Навасардян

Политические и дипломатические переговоры - 2 43

Давид Степанян

Причины и перспективы корректировок
во внешней политике США 53

Ваге Одабашян

Вопрос развития сотрудничества и партнерских сетей
в процессе создания инновационных технологий 63

Ишхан Сохакян

Возможности развития Армении
с диверсифицированной экономикой 74

Ваге Давтян, Армен Арутюнян, Лиана Самвелян

Внешнеторговые проблемы НКР
в условиях транспортной блокады 80

Сурен Вардумян

Отражение глобальных вызовов в фокусе
региональных проблем (РА – НКР) 92

Георгий Коларов

Почему последние теракты случились именно в Испании 120

Рубен Ангаладян

И.К.Айвазовский. Мир как ветер с моря 130

Памятка автору 135

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ: В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

*Сурен Золян**

Ключевые слова: Республика Армения, политический дискурс, политическая символика, национальная идентичность.

1.

В настоящей статье мы рассмотрим некоторые аспекты символического оформления процессов формирования независимой армянской государственности в начале 90-х годов. Говоря о них, как правило, основное внимание уделяется собственно политическим и экономическим аспектам: борьбе за демократию против тоталитаризма, национально-освободительной борьбе против Кремля, изменению экономического строя и т.п. Между тем, уже само понятие национального государства как явление Нового времени есть прежде всего идея государственности, основанной на национальной идеологии и культуре. Как было отмечено одним из наиболее авторитетных исследователей проблем нации и национализма Эрнестом Геллнером,

«Новый мир, в котором *национализм*, то есть соединение государства с “национальной” культурой, стал общепринятой нормой, в корне отличается от старого, где это было явлением редким и нетипичным. Существует огромное различие между миром сложных, переплетенных между собой образцов культуры и власти, границы которых размыты, и миром, который складывается из единиц, четко отграниченных друг от друга, выделившихся по “культурному” признаку, гордящихся своим культур-

¹ Исследование выполнено при поддержке Государственного комитета по науке МОН РА в рамках армяно-российского совместного научного проекта № 15РГ-24 «Семиотика политического дискурса: трансдисциплинарный подход».

* Д.ф.н., Институт философии, социологии и права НАН РА, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. Им.Канта, Калининград, профессор, в 1990-1995гг. – депутат Верховного Совета Республики Армения.

ным своеобразием и стремящихся внутри себя к культурной однородности. Такие единицы, в которых идея независимости связана с идеей культуры, называются «национальными государствами». В течение двух столетий, последовавших за Французской революцией, национальные государства стали нормой политической жизни» [1, с. 9].

Безусловно, создание независимого государства обусловлено многочисленными политическими и экономическими причинами, но вместе с тем глубинным фактором, определяющим возникновение и полноценное функционирование национального государства следует считать объединяющий данный социум культуру, определяющую коллективную и индивидуальную идентичность данного социума, почему и национальная высокая культура, по Э.Геллнеру и другим теоретикам, есть не нечто дополнительное к государству и его функциям, а составляет единое целое с «идеей независимости». Такое понимание можно встретить и у Д.С.Лихачева:

«Культура – это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации. Если у людей, населяющих какую-то географическую территорию, нет своего целостного культурного и исторического прошлого, традиционной культурной жизни, своих культурных святынь, то у них (или их правителей) неизбежно возникает искушение оправдать свою государственную целостность всякого рода тоталитарными концепциями, которые тем жестче и бесчеловечнее, чем меньше государственная целостность определяется культурными критериями» [2, с. 3].

Но возможно и обратное – основная функция независимой национальной государственности видится именно в сохранении и развитии уже имеющейся национальной идентичности. Именно так воспринимали свою основную политическую задачу большинство из возникших в конце 80-х национальных движений в СССР, чья деятельность в конечном итоге привела к распаду многонационального СССР и возникновению новых государств, хотя первоначально цель этих движений заключалась в создании гарантий для развития своего языка и культуры.

Заметим, что подобная постановка вопроса о предназначении независимой государственности в армянской общественной мысли в силу ряда весомых причин никогда не была доминантной, но она весьма отчет-

лива была выражена в статье классика армянской поэзии Ваана Терьяна «Духовная Армения» (1914). Предвосхищая подход позднейших теоретиков, основой и обоснованием для создания армянского национального государства, Терьян считал создаваемую культурой «внутреннюю интеллектуально-духовную связь между ее членами». Как бы отталкиваясь от Веберовского определения государства как инструмента легитимизированного насилия, Терьян центральной точкой дискуссии делает «мечту» тех, кого он называет *буржуазными зоологическими патриотами*: для них главным достижением будет то, что в независимой Армении будут свои армяне-полицейские, одетые в национальные мундиры, то есть легитимное насилие будет осуществляться не чужеродным, а «своим» этносом. Между тем, по Терьяну, для самого народа безразлично, какую форму носит и к какой нации принадлежит обирающий и избивающий его полицейский. Подобному «полицейскому» пониманию государства Терьян противопоставляет понятие «духовной Армении». В целом политическая независимость еще недостаточна, чтобы народ стал нацией:

«Нация создается не только мощью внешних сил, искусственным рядом положением обстоятельств, но внутренней интеллектуально-духовной связью между ее членами. Кроме внешних возможностей, требуется и внутренняя сила, духовный порыв, благодаря которому сообщество людей становится нацией. Пусть сколь угодно независимой будет какая-либо Албания, она никогда не создаст нацию, если албанский народ не будет наделен внутренним порывом к достижению этого и ценой тяжелого труда не приобретет это право. Я не придаю никакого значения той национальности, которая сохраняет свою идентичность только благодаря внешним границам, и, что главное, такую идентичность, которую и не нужно сохранять. Всякий народ, желающий и обладающий волей стать нацией, должен непрестанно создавать те ценности, которые станут залогом его идентичности» (перевод наш – С.З.) [3, с. 113-114].

Как видим, для Терьяна независимое государство предполагает «непрестанное сотворение ценностей», которое есть идентичность, объединяющая народ и делающая его в том числе и политической нацией. Трудно судить, был ли знаком Терьян с теорией наций Эрнеста Ренана,

чья опубликованная в 1882 году публичная лекция в Сорбонне «Что есть нация» сегодня считается основополагающей, но общность между ними очевидна. Основная мысль статьи Терьяна «Духовная Армения» – именно духовно-интеллектуальная деятельность, направленная на консолидацию социума и создание ценностей, позволяет создать из сообщества людей нацию. Это напоминает часто цитируемую мысль Ренана о том, что нация – это сотрудничество, солидарность и «повседневный плебисцит»: «ясно выраженное желание продолжать общую жизнь» [4, с. 102]. В этой лекции Ренан сформулировал определяющий на сегодня подход к нации: краеугольным камнем формирования, функционирования и развития нации и национального государства является идея национального единства и солидарности, а не наоборот, что получает свое выражение и осознание в формируемой и осознаваемой индивидом и социумом в целом национальной идентичности. Солидарность порождает государство, и единство нации основано не на биологических, географических или экономических факторах, а есть духовное и социо-культурное явление:

«Разделять в прошлом общую славу и общие сожаления, осуществлять в будущем ту же программу, вместе страдать, наслаждаться, надеяться, вот что лучше общих таможен и границ, соответствующих стратегическим соображениям; вот что понимается, несмотря на различия расы и языка» [4, сс. 101-102].

2.

Очевидно, что составляющие национальную идентичность компоненты и факторы могут функционировать, только приобретя смысл и символическую значимость и образуя связный дискурс, объясняющий, что есть данная нация, в чем ее предназначение, каковы объединяющие ее представления о прошлом, настоящем и будущем¹. Подобный дискурс («поли-

¹ Ср.: «Конвенциональный и воображаемый характер выделения в социальном пространстве наций позволяет говорить об означивании (*национализации*) социума, формировании в социальном пространстве национального дискурса. Дискурс рассматривается не только как отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, но и как «способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных, не только вербальных, практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но его проектирующий и сотворяющим» [5, с. 142]» – [6, с. 42]. Тимофеев М.Ю., *Нациосфера: Опыт анализа семиосферы наций.* – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. – с. 42.

тический миф», без пейоративных оттенков) может приобретать различный характер, но его основное содержание должно быть выражено посредством некоторого крайне ограниченного набора символов, обладающих в данной культуре огромной смысловой емкостью и являющихся отражением объединяющих данный социум базовых ценностей. Подобный дискурс обладает общими характеристиками политической коммуникации. Как показал в свое время основоположник ее теории Гарольд Лассвелл, функция политических символов и политической мифологии – это создание и упрочение социальной солидарности [7]. Воспроизведем основные положения его концепции. «Миф» не всегда имеет вымышленный или иррациональный характер, хотя может и быть таковым. Это необходимый инструмент политики, который зависит от планируемых целей, будь то оболванивание нации или же ее мобилизация на решение стратегических задач. Политический миф, по Гарольду Лассвеллу, содержит в себе «фундаментальные допущения», касающиеся политических вопросов. Он состоит из символов, к которым прибегают не только с целью разъяснения, но и оправдания специфических практик власти. (Это, например, «флаги и гимны, церемонии и демонстрации, народные герои и окружающие их легенды»). Благодаря им обеспечивается ориентация и самоидентификация индивида в социуме.

«Их функция заключается в том, чтобы вызвать восхищение и энтузиазм, укрепляющие веру и чувство лояльности индивида к власти. Они не только вызывают необходимые для существования данной социальной структуры эмоции, но способствуют осознанию необходимости разделить эти эмоции с другими людьми, тем самым, стимулируя всеобщую классовую идентификацию и создавая основу для солидарности. Ключевой символ – это основной компонент политического мифа... Одной из очевидных функций ключевого символа является функция формирования общественного опыта для каждого человека в государстве, от самого могущественного политического лидера до самого рядового обывателя или философа. В самом деле, одним из немногих обстоятельств, объединяющих людей независимо от расы, происхождения, профессии, принадлежности к партии или религии, является то, что на их сознание посто-

янно воздействует один и тот же набор ключевых слов. Данные термины способствуют развитию чувства лояльности к власти и тем самым обеспечивают единство населения страны» [7]¹.

Как обобщает в своем аналитическом обзоре Н.М.Мухарямов, символы «...заряжены силой магического воздействия. Они знаменуют ситуацию решающего выбора, мгновенного воссоздания политической реальности и в этом качестве не замещают эту реальность, а становятся ее частью. Прагматика символов такова, что они не предназначены для оперативного управления действиями человека, для этого есть знаки. Символы повелевают» [8, с. 72]. Именно на этой способности символов «повелевать» основывается власть дискурса, или, в иных терминах, символическая власть – принятый социумом доминирующий дискурс диктует правила и стратегии поведения, ориентации в социокультурном пространстве и интерпретации происходивших и происходящих событий².

3.

Рассмотрим с этих позиций, как понимается национальная идентичность в современной Армении и как она отражена в существующей политической символике. Ограничимся только государственной (то есть закрепленной в Конституции) – это герб, флаг и гимн, а также Национальный день. Обретение Арменией независимости проходило в сложной политической и идеологической обстановке, когда основными политическими целями и, соответственно, дискурсами были борьба за Карабах и борьба с коммунистическим режимом. Это привело к ситуации, когда политическое становление независимой государственности оказалась вне основных политических дискурсов, они оформляются уже после обретения Арменией независимости как бы для оправдания уже происшедших радикальных изменений. Между тем, как было сказано, само создание независимого государства предполагает идеологическое обоснование. Таким образом, политические процессы привели к созданию нового государства, которое уже зад-

¹ Цит. по: <http://www.philology.ru/linguistics1/lasswell-06.htm> (28.08.2016).

² Ср. с формулировкой Пьера Бурдьё: «...власть утверждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира, и тем самым, воздействие на мир, а, значит, и сам мир» [9, с. 95].

ним числом было обязано легитимизировать себя не только в международной политико-правовой сфере, но и в идеологической. Политико-правовой суверенитет должен был быть дополнен созданием или восстановлением армянской идентичности. Республика Армении должна была выступать не только как «субъект международного права» (именно такая формулировка была одним из основных политических требований), но и как носитель определенной идентичности. Обретение независимости оформляется как реализация права народа на самоопределение, вплоть до создания независимой государственности, но это юридическое право должно быть идеологически обоснованно – как («долгожданная») реализация национальной идентичности, как («наконец-то!») возможность политического (полноценного) сохранения и развития нации.

Основные предшествующие независимости дискурсы акцентировали правовые аспекты легитимности возникновения Республики Армения, ссылаясь на Конституцию СССР, предоставлявшей союзным республикам право на самоопределение (вплоть до отделения), а также на международное право (Устав ООН). Легитимность Республики Армения рассматривалась как обретение формальной (т.е. юридической) правосубъектности. При этом возникала коллизия между юридически никак не оформленным правом армянского народа (то есть включая армян Нагорного Карабаха и ставшее диаспорой армянство Западной Армении) и правом на самоопределение Армянской ССР как союзной республики. Эта коллизия нашла свое определенное решение в понимании международной правосубъектности как возможности требовать через международные институты от мирового сообщества восстановления исторической справедливости и признания геноцида 1915 года. Тем самым реализовывались, по крайней мере, декларативно, две важные функции. Первая – это объединение Армении и диаспоры, ибо ее родина – не Восточная Армения, а Западная. Вторая – это начало построения «свободной, независимой и объединенной Армении» – воскрешалась главная идеологема и неосуществленный лозунг Республики Армения 1918-1920 годов и, соответственно, ее политическая символика.

В то же время как дополнение к историко-политическому выступал и культурно-традиционалистский дискурс, в котором Армения выступа-

ет как страна, сумевшая сохранить в исконном виде ряд базовых ценностей (истинное первоначальное христианство, индоевропейские корни, цивилизацию Урарту и шумеров и т.п.). Армения воспринималась как хранитель утраченных ценностей, что требовало защиты ее идентичности в форме независимого государства – то есть создания нечто вроде «заповедника», ограждающего ее от господства искажающих базовые ценности армянской нации иных этносов.

Вплоть до 1990 года подобные дискурсы были явлением культуры, литературы, публицистики, но политическим фактом они могли стать после того, как на выборах в Верховный Совет победу одержали некоммунистические силы, в первую очередь, Армянское общенациональное движение (АОД). Новая государственная власть, взяв курс на независимость, уже могла и была обязана выразить новую смысловую и идеологическую систему в форме основополагающих дискурсов и системы символов. При этом следует учесть, что как политическая доктрина, так и политический миф, его формулы (слоганы) и символы (используя эти термины в том смысле, в каком они используются в теории Гарольда Ласвелла), формировались с некоторым опережением, еще в контексте существующих политико-правовых норм и официальной идеологии Советского Союза. Само обретение независимости от СССР происходило в соответствии с действующими законами СССР. Армения существовала в составе СССР, но принимаемые официальные документы описывали реальность так, как якобы Армения была уже вне СССР, что создавало своеобразный эффект совмещения поэтической и политической семантики, создавая своеобразную двусмысленность принимаемых документов¹.

¹ Так, как рассказал депутатам (среди которых был и автор этой статьи) на заседании Верховного Совета АрмССР 24.08.1990 бывший тогда его председателем Л.Тер-Петросян, после принятия Декларации о независимости РА от 23 августа 1990г. вечером ему позвонил президент СССР М.С.Горбачев, прочитавший эту Декларацию, и спросил: «Так вы теперь независимое государство или нет?» В самом деле, сама Декларация не дает однозначного ответа. Ее первоначальный вариант декларировал не «независимость», а *государственный суверенитет*; эти в целом синонимичные выражения в контексте 90-х были противопоставлены чуть ли не как антонимы. Но в окончательном варианте речь шла не о собственно независимости, а о том, что «Республика Армения провозглашает начало процесса утверждения независимой государственности», но в то же время она характеризуется как «суверенное государство, наделенное верховенством государственной власти, независимостью, полноправием». Естественно было желание Михаила Сергеевича уточнить – находится ли Армения в «начале процесса утверждения независимой государственности» или уже «наделена верховенством государственной власти, независимостью», [www.gov.am/ru/independence/].

В 90-ые годы создаются дискурсы и вводятся соответствующая государственная символика (герб, гимн), внедряются новые интерпретации истории, создаются и воссоздаются культы героев и мучеников. Первоначально происходила тривиальная замена ценностей на противоположное: все «советское» заменялось на «антисоветское». Символы меняли свою оценку на противоположную, узаконивалось ранее запрещенное, дезууировалось ранее официально принятое. Легкость подобной трансформации объяснялась и тем, что в общественном сознании она уже фактически произошла ранее и оставалось лишь придать ей официальный статус, преобразовав армянский диссидентский дискурс в государственный. Так, февральская авантюра 1921г. стала народным восстанием против большевиков, зато Майское восстание 1920г. против дашнакского правительства превратилось в майский мятеж. В этой связи органичным было обращение к тому, что в советской символической системе считалось отрицательным, поскольку было связано с «дашнакской» Республикой 1918-1920 годов. Декларация Независимости 1990г. прямо указывает на нее в качестве предшественницы нынешней республики: «развивая демократические традиции образованной 28 мая 1918 года независимой Республики Армения».

Было естественным ожидать, что будут восстановлена также и символика этой республики, а нынешнее государство будет рассматриваться как восстановление прежней (путь, по которому пошли в своих Декларациях балтийские страны, Грузия и Азербайджан). Ведь если Республика Армения (1991 года) есть отражение (воспроизведение) Республики Армения (1918-1920гг.), то речь должна идти не об обретении, а о восстановлении независимости, как тогда уже заявили об этом в своих декларациях Балтийские республики, Грузия, впоследствии – Азербайджан). В соответствии с мифологическими представлениями, происходит своеобразная политическая реинкарнация: Республика Армения с ее атрибутами государственности (флаг, герб, гимн, дата основания и даже Арамом Манукяном, объявленным отцом-основателем республики 1918) воспроизводится в 1991г. Восстанавливается в качестве государственного флага триколор 1918 года, который в качестве неофициального, но уже общепринятого символа фигурировал начиная с 1990 года. Несколько сложнее

оказалась ситуация с гимном – гимн 1918 года «Наша Родина» был принят только как «основа» – была утверждена музыка, но слова тогда было решено не утверждать, а доработать впоследствии: первая строка написанного демократом-народником Микаелом Налбандяном в 60-х годах XIX века стихотворения «Моя родина жалкая и покинутая» (букв.: «бесхозная») была вполне уместна в 1918 году, но явно не соответствовала государственному оптимизму 1991 года. Что касается герба 1918 года, то официально он был восстановлен только 19 апреля 1992г. – нарисованный Мартиросом Сарьяном прежний герб Советской Армении с Араратом с эстетической стороны был намного совершеннее, поэтому отказ от него происходил куда труднее. Национальным днем было провозглашено 28 мая – день провозглашения Первой Республики. Саму Декларацию было поручено прочесть Араму Манукяну – молодой депутат из Кировакана выступал как инкарнация легендарного Арама Манукяна, умершего в 1918 году. Основным политическим дискурсом стал сформировавшийся еще в 1960-ые как диссидентский «антисоветский» дискурс о том, как армянская нация естественным путем двигалась к обретению независимой государственности и объединению Восточной и Западной Армении, что и было достигнуто в 1918г. и закреплено в Севрском договоре 1920г. Однако из-за вмешательства темных сил Республика Армения была уничтожена (мировое зло в данном случае воплотилось как союз поделивших Армению между собой Ленина и Сталина с Ататюрком) и подменена ее уродливой формой – Армянской ССР. Восстанавливалась идея «единой, свободной, независимой» воскресшей из истории республики 1918-1920гг., границы которой, не сводясь к первоначальным границам «Араратской республики» 1918г., мыслились в динамике ее территориального расширения 1919-1920 годов, включая Карс, Нахичевань, Карабах, а также и Западную Армению, как то было предусмотрено в сорванном из-за альянса большевиков и кемалистов Севрским договором 1920г.

Однако такой путь оказался лишь одной из альтернатив. Реальные политические процессы потребовали значительных корректировок как применительно к внешнеполитическим, так и внутривнутриполитическим факторам, чего не было в советский период, когда диссидентские нарративы ос-

тавались в пределах политической беллетристики и не влекли каких-либо последствий, кроме как уголовного преследования. Между тем практическая реализация подобного проекта ставила такие вопросы, как, например:

1. Восстановление Республики Армении 1918-1920гг. означало и восстановление ситуации двух поражений: проигранной войны с Турцией 1920г. и фактической, хотя и необъявленной войны с Советской Россией в том же году. Что касается границ, то отказ от Карсского договора и признание действующим Севрского реально означал территориальные претензии к Турции. Поэтому Карсский и другие договора, прекращавшие существование Республики Армении 1918-1920гг., официально так и не были объявлены недействительными.
2. Во внутривнутриполитическом плане подобная реставрация республики 1918г. в качестве мифического прототипа и полная инкарнация Республики 1918-1920гг. легитимизировала и партию, которой была правящей в этой республике – «Дашнакцутюн». Вставал вопрос о восстановлении легитимной власти в лице изгнанной большевиками из Армении партии «Дашнакцутюн».

Сохранившая себя за рубежом партия «Дашнакцутюн» воспринималась в обществе именно так, и сама воспринимала себя так же, почему и претендовала быть истинным выразителем интересов всего армянства и готовилась вернуться в Армению именно в качестве правящей. Но ни новая власть (АОД), ни все еще сохранявшая свои позиции коммунистическая номенклатура вовсе не собирались уступать ей место во власти. Соответственно, формируются новые дискурсы: доктрине восстановления независимости начинают противопоставляться концепции ее обретения или же ее развития. Несовершенство Первой республики, ее слабость и трагический финал серьезно подрывают ее способность выступать как прототип (поскольку, по той же мифологической логике, ее ждет такой же конец). Кроме того, в дискурсе «воскрешения» прошлого многочисленные новые события оказывались вне истории. Как не имевшие прототипа, они не могут быть наделены смыслом применительно к новой реальности. Парадигма еще не сформировалась, чтобы питать смыслами

текущие события, но они не могут оставаться не-интерпретированными. Поэтому более привычное (и традиционное для армянской истории) отношение подобия переворачиваются в будущее: сама текущая история объявляется первоначальным состоянием, она и есть источник смысла (прототип) для будущего. Модель повторения заменяется моделью сотворения. Такая модель и идеология рассматривается ее адептами как реалистическая и прагматическая в противовес противоположной, не без оснований называемой романтической и утопической. Референдум 21 сентября 1991г. становится символической точкой сотворения новой Армении. Подобная трансформация оформляется как деидеологизация – в противоположность традиционной национальной идеологии, которая объявляется фантомом, «ложной категорией», а история – «лженаукой».

Но пытаясь освободиться от предшествующих идеологических моделей, новый дискурс вбирает ряд мифологических элементов, хотя и другого порядка, относящихся уже к процессу сотворения мира. Мифологический праздник-ритуал выступает в этом случае не как воспроизведение, а как исполнение, деятельность. Референдум о независимости 21 сентября 1991г. (после августовского путча и де-факто прекращения существования СССР) – в самом деле свелся к ритуалу-празднику. Он уже не влек каких-либо политических последствий в виде конфронтации с практически не существующим СССР и сводился к требуемой международным правом процедуре легитимации существующего де-факто положения дел: как шутили тогда, даже в случае отрицательного результата референдума Советский Союз специально для армян все равно бы уже не восстановили. При этом парадоксальность ситуации заключалась в том, что 28 мая уже был объявлен днем независимости и национальным днем, и Армения проводила свой референдум уже в условиях независимости. Творцам нового дискурса пришлось некоторое время мириться с этим, и некоторое время 21 сентября был объявлен (национальным) праздником, но без названия, хотя и отмечался как главный *национальный* день. Только в 1995г., уже в новом парламенте, в котором АОД практически избавился от оппозиции, этот день получил название Независимости, а 28-ое мая было переименовано в День республики (но не День Первой республики).

4.

Если на первом этапе акцентировалась несовместимость советских и «армянских» символов, то впоследствии намечаются попытки примирить и найти объединяющую их форму. Так, с самого начала делались попытки сохранить предшествующее, но без явной коммунистической символики. Например, как в эстетическом отношении совершенные образцы, предлагалось сохранить герб Армянской ССР Мартироса Сарьяна, но убрав из него расположенную наверху звезду, или же восстановить гимн Арама Хачатуряна, но изъяв из текста слово «советский». Но на начальном этапе незначительное редактирование (как, к примеру, удаление звезды из герба) существовавших образцов не могло считаться приемлемой альтернативой. Перенос дискуссии в область эстетики не был оправдан – существенны были именно политические, или, скорее, мифопоэтические аспекты символа. Существенным были ни сама символика старого-нового герба, которая до сих пор так и не стала ясна большинству, ни достаточно простая мелодия гимна, но и тем более текст – релевантным было свойство этих символов отсылать к прототипу как своему означаемому.

Но с легитимизацией Армянской ССР как «второй республики», рассматриваемой в качестве переходной ступени к «новой» Армении, ситуация несколько меняется: независимость понимается не только как восстановление утраченного или же как абсолютно новое состояние, сколько повышение степени государственного суверенитета. Прежние коллизии после распада СССР потеряли свою драматичность. В формируемом ранее в условиях конфликта с продолжавшим существование СССР дискурсе, все, что ассоциировалось с советским и коммунистическим, подлежало аннулированию. Теперь же стало возможным считать приемлемым в том числе и «советское», но без «коммунистического». Так, была сделана попытка восстановить, но в модифицированном виде Женский день 8 марта и день Победы Девятого мая – первый был преобразован в день Материнства и перенесен на 7 апреля (церковный праздник благовещения Марии), а день Победы стали отмечать 8 мая – как в «цивилизованной» Европе. (Заметим, что общество не приняло этих нововведений, что стало причиной восстановления этих праздников в первоначальной форме.)

В целом наблюдается общая тенденция к формализации символики. Поэтому могут мирно ужиться ценности Первой, Второй и Третьей республик – они берутся как достойные уважения знаки, лишенные внутренней динамики и потому допускающие достаточно причудливое сочетание. Особо наглядно это видно на примере наград Министерства обороны, учредившего медали Нжде, Дро и Баграмяна: все трое были офицерами армии Первой республики (Дро был министром обороны); во время Второй мировой войны, то есть во времена Второй республики, они оказались разведенными по разные стороны фронта противниками, но вновь воссоединились уже как герои Третьей республики.

Как видим, все эти три вышеобрисованные концепции, несмотря на их противоречивость, были признаны государством и обществом, создав причудливую систему государственной символики, согласно которой Республика Армения

1. считается правоприменицей и продолжательницей Советской Армении,
2. вместе с тем унаследовав государственную символику Республики 1918-1920 годов,
3. однако главным государственным праздником было признано 21 сентября – День независимости в ознаменование дня референдума 1991 года, когда – как утверждалось идеологами этого направления – армянский народ впервые стал политической и гражданской нацией¹.

Как видим, был достигнут определенный консенсус: основная часть общества вовсе не намерена была отказываться от достижений Советской Армении, поэтому если вначале был провозглашен отказ от них, то в дальнейшем намечается определенная контаминация «старого» и «нового». Имея большинство в парламенте, правящее тогда Армянское национальное движение старалось утвердить модель сотворения нового государства, но вместе с тем вынуждена была считаться с мнением большинства вне стен парламента. Идея регулярно восстанавливаемой госу-

¹ Ср.: «Национальные праздники есть «особый механизм памяти во времени и пространстве, укрепляющий национальную идентичность и символизирующий, кто есть «Мы» и как «Мы» такими стали [10, р. 1].

дарственности нашла неожиданную опору в факте существования Армянской ССР, что сделало возможным даже найти точное арифметическое выражение для новой реальности – Третья республика, что предполагает, естественно, существование не только Первой, но и Второй.

5.

К сожалению, в ходе последующего развития не происходит гармоничного синтеза этих трех концепций. Наоборот, все более усиливается архаизирующий подход, согласно которому Армения есть извечно существующая нация, безотносительно к какому-либо государственному или общественному устройству. В частности, такой подход был закреплен принятым во втором чтении Национальным собранием Республики Армении Законом об объявлении 11 августа праздником — Днем национальной идентичности. (Как было вычислено на основании древних армянских хроник, в 2492 году до Рождества Христова прародитель армян Айк победил пытавшегося покорить их ассирийского царя Бэла, создав тем самым возможность свободного и независимого существования армянства). Законопроект был единогласно одобрен Национальным собранием Республики Армении в первом чтении¹, но окончательно так и не был принят, причем за эти годы его инициаторы даже не сделали какой-либо попытки (по крайней мере, официально) довести дело до предполагаемого парламентскими процедурами завершения. Вряд ли можно считать случайностью то, что в течение последующих лет он так и не стал законом: подобная официальная фиксация идентичности резко сузила бы ее коммуникативный и семантический потенциал. Но уже сама подобная законодательная инициатива свидетельствует об изменившемся отношении к идентичности: из политического самоосмысления себя как нации общество возвращается к характерному для идеологов XIX века фольклорно-эпическому пониманию.

Подобная противоречивая ситуация вокруг этого праздника обнажает существующие в армянском политическом дискурсе достаточно

¹ <http://armenpress.am/arm/print/461227/> (дата обращения: 20.10. 2016).

серьезные разночтения, которые, однако, не стали предметом научной дискуссии. Указанная законодательная инициатива отражает идеологию не только позиционирующей себя как носительницу традиционалистских ценностей партии «Дашнакцутюн», но и большей части армянского общества: характерно, что против этого законопроекта не было высказано ни одного голоса. Корни подобной политики символизации – в происходящей архаизации общества, что парадоксальным образом гармонирует с биополитикой Новейшего времени, когда государство, согласно теории Мишеля Фуко, начинает рассматривать индивида не как социальный, а как биологический феномен. В современном армянском дискурсе, как на официальном и академическом, так и на обыденно-бытовом уровне, доминирующим оказывается такое понимание идентичности, которое исходит из идеи о неизменности формирующей ее национальной сущности, т.е., примордиализма [ср.: 11, р. 867]. Как обычно, такое понимание бывает особо выпуклым в случае его если не прямого пародирования, то, по крайней мере, комического обыгрывания. Так, в одной из наиболее популярных современных комедий «*Mea culpa*» (автор – А.Саакян, первое представление в 2002г.) армянский интеллектual получает задание выступить на очень важном международном форуме. Свою речь он решил начать с того, что «еще тогда когда некоторые сидели на деревьях, мы, армяне, уже умели готовить шашлык». Некто очень важный, с которым наш интеллектual должен согласовать свою речь, по телефону в целом текст одобряет, но дает указание, оставив про шашлык, снять про «сидящих на деревьях» – это, мол, само по себе хорошо, но другие, к которым должен обратиться наш интеллектual, могут обидеться.

Этот текст достаточно показателен – современный армянин считает себя (или должен считать себя) прямым потомком армян-прародителей, будь то мифический Айк, исторический Тигран или древнейшие обитатели Армянского нагорья и Араратской равнины. При этом существует закрепленная школьным курсом истории генеалогия, которая соотносит современного армянина с «наиболее древними» армянами – если и есть определенные неясности, то исключительно по вине недостаточно потрудившихся историков, и эти неясности с течением времени будут уст-

ранены. Подобное понимание идентичности распространяется и на другие народы – так, персонажи указанной пьесы уверены, что присутствующие на форуме представители великих держав так же, как и армяне, в состоянии проследить свою родословную до самих истоков – только идентифицировать они себя будут не с жарящими шашлык армянами, а с сидящими на деревьях человекоподобными. Они не забыли то время, когда они сидели на деревьях, потому и могут обидеться за такое напоминание.

Как и мы, армяне, так и они идентичны собственной идентичности, и эта тавтология не может быть оспорена, поскольку основывается на культуре не подлежащей изменению генеалогии. Далекими предками изначально задано разделение на народы, и сущностные черты наших предков, которые и составляют нашу идентичность, мы повторяем уже которое тысячелетие. Более того – эта неизменность легитимизирует существование наций и в современном мире, разделяя их, с одной стороны, на достойных быть представленными в политической и культурной истории и имеющие исконные права, а с другой – на захвативших чужое место узурпаторов. В частности, наш герой, пусть и весьма неудачно, но воспроизводит модель, повторяемую с самых древних времен по наши дни – ссылаясь на историю, причем на ситуацию первоначала, легитимизировать право претендовать среди прочего и на тот миропорядок, который воспроизведет исходную ситуацию «золотого века» (наш персонаж на международном форуме должен требовать воссоединения Западной Армении). Здесь не место рассматривать, насколько такое понимание соотносится с политическими теориями и идеологиями и насколько оно распространено в доминирующих дискурсах других народов и государств. Безусловно, найдется множество совпадений, но в случае армянской идентичности есть определенные историко-культурные характеристики, которые неизбежно усиливают подобное мировосприятие. В первую очередь, это армянский язык, который, принадлежа к индо-европейской языковой семье, составляет ее отдельную ветвь и не может быть объединен в какую-либо группу с какими-либо другими языками (в отличие от романских, германских, иранских и т.п.). Данные сравнительно-исторического языкознания не дают возможности вывести древнеармянский

язык из какого-либо более древнего языкового состояния, нежели реконструируемый протоармянский, то есть непосредственно из его же предшествующего состояния¹. Определенные основания для подобной изолирующей самоидентификации могут дать и данные генетики, по крайней мере, некоторые из исследований (ср. [12], [13]). Поэтому герою пьесы «*Mea culpa*» проще, нежели другим: он может возводить свою родословную непосредственно к «тем, кто ели шашлык», чего не сможет сделать, скажем, испанец. Но он ошибается, думая, что его адресаты также в состоянии идентифицировать своих прародичей – ведь, например, французам или англичанам труднее² – они не могут не знать о периоде, когда их предполагаемые предки были то ли германцами, то ли латинянами или норманнами и, конечно же, они окажутся в затруднении – с какими именно из сидящих на дереве им следует идентифицировать себя.

Если идентичность воплощается в прародителе, то гражданство в втором случае рассматривается как производное от этничности: как то было выражено еще в Декларации независимости Армении от 23 августа 1991 года: *армяне, проживающие за пределами Республики Армения, имеют право на гражданство Республики Армения*. Такое понимание можно выразить формулой: «*Все армяне – армяне*». Разумеется, определяющим здесь становится происхождение от родителей-армян. Таким образом, уже в самый момент рождения Третьей республики в ее основополагающем документе звучит отголосок представлений о манифестации идентичности в прародителе. Разумеется, это вовсе не «новаторство» героев пьесы «*Mea culpa*» или же разработчиков Закона об идентичности.

¹ Основную сложность представит соотношение армянского и урартского языков, и, соответственно, армянского и урартского этносов, почему и столь мотивированы попытки соотнести урартскую клинопись с древнеармянским языком. Однако поскольку продвижение вглубь истории не может быть ограничено какими-либо рамками, то логичным оказывается распространение такого подхода еще глубже: также и на хеттские и шумерские источники.

² Ср.: «Ни один француз не знает, бургунд он, алан или вестгот... Во Франции нет и десяти фамилий, которые могли бы доставить доказательство своего французского происхождения, да и то эти доказательства были бы недостаточны благодаря тысяче неизвестных скрещений» [4, с. 93]; «Во многих отношениях мир средневековой Европы кажется современному человеку невероятно беспорядочным, дезорганизованным. На всем протяжении Средневековья множество людей, проживавших на землях, известных ныне как Франция или Англия, не считали себя «французами» или «англичанами». Они слабо представляли себе территориальную нацию («страну»), которой они должны были быть преданы сильнее, чем самой жизни. Сообщество было воображаемым и жило иначе, чем сейчас» [14, с. 68].

Законодательная инициатива связывать армянскую идентичность с победой прародителя Айка над Белом, так и «бытовой неоплатонизм» персонажей этой пьесы имеет глубокие корни. Эта архаичная мифологическая идея была воскрешена еще в немецком романтизме. Джон Джозеф, основываясь на работах Фихте, так излагает подобное понимание идентичности: «В чистом виде сущность нации воплощалась в ее основателе и сохранялась на всем протяжении истории нации, составляя основу ее языка, культуры, образа мысли и интеллектуальных и художественных достижений. Неоплатоновская по своему характеру, она ориентировалась на область вечных идеалов и связывала реальность не с миром поверхностных явлений и исторических случайностей, а с постоянной, неизменной сущностью вещей. В чистом виде сущность нации воплощалась в ее основателе и сохранялась на всем протяжении истории нации, составляя основу ее языка, культуры, образа мысли и интеллектуальных и художественных достижений» [15, с. 35].

Основанный на данной мифологеме (эпистеме?) подход неизбежно приводит и к мифологизации истории. Она абсолютизирует этиологию, происхождение, но не дает ответа на вопрос – что же связывает потомков Айка в сегодняшнем мире? Серьезные исследования армянской идентичности приводят к далеко не однозначным выводам¹. Предположим, что мы в самом деле в состоянии проследить историю армянского народа вплоть до 11 августа 2492 году до н.э. и выделить всех тех, кто происходит от прародителя Айка. Что объединяет их кроме общности происхождения? (Вспомним детей Ноя – Хама, Сима и Яфета, все они, согласно Библии, стали родоначальниками разных народов и даже рас). Безусловно, для ответа на этот вопрос требуется несколько иное понимание идентичности, связывающее его не столько с прошлым, сколько с настоящим.

Для главного персонажа указанной пьесы вневременная национальная идентичность никак не соотносится с государственностью, и – продолжим – для большинства армянских политиков и политологов государственность есть лишь форма адекватной организации и защиты этой

¹ Укажем, в первую очередь, на те исследования современной армянской идентичности, где она рассматривается как «единство в многообразии»: [16], [17], [18], [19], [20].

«извечной» идентичности. Между тем, идентичность – это не статичное, а динамичное явление, это постоянный процесс, который осуществляется как непрерывная коммуникация между различными общественными группами (подробнее об этом в нашей статье: [21]). Благодаря этому обеспечивается толерантность и равновесие, баланс, между различными, иногда и антагонистичными группами, так оформляется общий (общенациональный) социальный контекст, крайне важный для самоорганизации государства и общества. Безусловно, отсутствие политической стратегии обрекает на семиотическую ущербность используемой системы символов, но вместе с тем верно и обратное: использование не имеющих перспективу символов и мифов распыляет и без того скудный политический ресурс общества. Так, примордиалистское понимание нации и идентичности, лишённое идеи государственного строительства и взаимодействия и сотрудничество с внешним миром отрицательно сказывается на возможности выдвижения проектов, которые были бы адекватны сегодняшним вызовам. Архаизация понятия нации как вечно существующего и неизменного начала преобразует это понятие из политического феномена – в лучшем случае – в культурно-исторический, а при определенных интерпретациях – даже в биологический феномен. Более того, начинают переосмысляться в духе патриархальных ценностей даже современные политические институты (президент как отец семейства, государство как мать, притчи бабушки как источник законоотворчества и т.д.). Существующая в современной Армении политическая символика становится все более формальной и ритуализованной, по своей сути напоминая функционирование системы политических символов в застойные годы СССР¹. В этом мы видим существенную опасность, которая при накоплении отрицательных явлений в конечном итоге может привести к дезинтеграции общества, размыванию концепта национальной идентичности и тем самым – идеи национальной независимой государственности.

Август, 2017г.

¹ Как пример, можно привести ставшие обязательными в образовательных учреждениях особые места, где помещены национальные символы, к которым в последнее время стали относиться портреты действующего президента и католикаса.

Источники и литература

1. Эрнест Геллнер. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. // Путь: международный философский журнал. 1992. №1. – сс. 9-61.
2. Лихачев Д.С., Культура как целостная среда. // Новый мир. 1994. № 8. – сс. 3 -8.
3. Հիշիւն Տէրջիւն. Երկերի ժողովածու չորս հատորով, Հ. 3, Երևան, 1973; էջ 113 – 114 (Ваан. Терьян, Собр. соч. в 4-х т.т., т. 3, Ереван, 1973, сс. 113 -114, на арм. яз.).
4. Эрнест Ренан, Что такое нация? // Ренан Э, Собрание сочинений в 12-ти томах. Т.6. – Киев, 1902. – сс. 87-101.
5. Миллер А.И., О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. №4, сс 141-151.
6. Тимофеев М.Ю., Нациосфера: Опыт анализа семиосферы наций. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. – 280 с.
7. Лассвелл Г., Язык власти. // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006, сс. 264-279. Цит. по: <http://www.philology.ru/linguistics1/lasswell-06.htm> (28.08.2016 .
8. Мухарямов Н.М., О символических началах в языке политики. // Символическая политика. Вып.1. Москва, ИНИОН РАН, 2012, сс. 149-163.
9. Бурдье П., Социология социального пространства. – СПб.: Алетея, 2007. – 288 с.
10. National day's: constructing and mobilizing national identity. // Ed. By McCrone D. and McPherson G. –N.Y.: Palgrave Macmillan. – 2009.
11. Ronald Suny, Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations. // The Journal of Modern History, 2001, №4, pp. 862-896.
12. Nicholas Wade. Date of Armenia's Birth, Given in 5th Century, Gains Credence. // New York Times march 10, 2015.
13. Marc Haber et. al., Genetic evidence for an origin of the Armenians from Bronze Age mixing of multiple populations. European Journal Of Human Genetics doi: 10.1038. 2015.
14. Майкл Биллинг, Нации и языки // Логос, №4(49), 2005, сс. 60-86.
15. Джон Джозеф, Язык и национальная идентичность. // Логос №4(49), 2005, сс. 20-48.
16. Abrahamyan Levon, Armenian Identity in a Changing World, Mazda Publishers, Armenian Studies Series, v. 8, 2006. – 408 p.
17. Hermann Goltz, Offenes Ethnos geschlossenes Imperium: Der armenische kulturelle Archetyp // Armenia on the way to Europe. Yerevan, 2005, pp. 388-399.
18. Tessa Hofmann, One Nation – Three Sub-Ethnic Groups: The Case of Armenia and her Diaspora. With a Foreword by Prof. Dr. Gevorg Poghosyan. Yerevan: Narek, 2011. – 106 p.
19. Panossian R., The Armenians: From Kings And Priests to Merchants And Commissars, Hurst & Co, London, 2006. – 442 p.
20. Shougarian Rouben, West of Eden, East of the Chessboard, Gomidas Institute London 2010. – 188 p.
21. Zolyan Suren, National Identity and CrossCultural Communication (on Armenian experience from historical point of view). // W poszukiwaniu tożsamości językowej (В поисках языковой идентичности). z. 2, Uniwersitet Gdanski, 2016, pp.155-158.

ԵՐՐՈՐԴ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՄԻՄՎՈԼԻԿԱՆ. ԻՆՔՆՈՒԹՅԱՆ ՈՐՈՆՈՒՄՆԵՐԻ ՄԵՋ

Սուրեն Չոլյան

Անփոփագիր

Հայաստանի անկախացումը տեղի է ունեցել քաղաքական և գաղափարական բարդ իրավիճակում: 90-ականներին ձևավորվում են դիսկուրսներ և դրանց համապատասխանող պետական խորհրդանիշներ (զինանշան, դրոշ, օրհներգ), (վերա-) ստեղծվում են հերոսների և նահատակների պաշտամունքներ: Այս գործընթացն ուղեկցվում էր քաղաքական և գաղափարական երեք հիմնական խոշոր դիսկուրսների միջև թեժ մրցակցությամբ: անկախ պետականության ձեռքբերումն իմաստավորվում էր երեք տարբեր եղանակով («նոր» ազգի արարում, 1918-1920թթ. Հանրապետության վերականգնում, հայոց պետականության բնականոն զարգացում): Ցավոք, այդ գաղափարների համատեղման փոխարեն վերջերս գերիշխող է դարձել ազգային ինքնության առասպելաբանական մեկնությունը. այն դիտարկվում է որպես հավիտենական և անփոփոխ երևույթ:

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ: В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

Сурен Золян

Резюме

Обретение Арменией независимости проходило в сложной политической и идеологической обстановке. В 90-ые годы создаются дискурсы и вводится соответствующая государственная символика (флаг, герб, гимн, Национальный день), внедряются новые интерпретации истории, создаются и воссоздаются культы героев и мучеников. Этот процесс проходил в условиях жесткой политической и идеологической конкуренции между тремя основными дискурсами, по-разному интерпретирующими факт независимой государственности (создание «новой» нации, восстановление республики 1918-1920гг., естественное развитие армянской государственности). В последнее время вместо синтеза этих концепций произошел отход в сторону примордиалистского понимания национальной идентичности как вневременного и самоотждественного феномена.

THE POLITICAL SYMBOLISM OF THE THIRD REPUBLIC:
IN QUEST FOR IDENTITY

Suren Zolyan

Resume

Armenia gained independence in a complex political and ideological context. In the 1990s, the officially adopted political discourses on national identity were introduced, along with a system of symbols for their representation (coat-of-arms, flag, anthem, etc.). New interpretations of history, new narratives and cults of heroes and martyrs were created or re-created. This process was accompanied by a very strong political and ideological competition between the three main discourses, interpreting in different ways the fact of independent statehood and representing it as: 1) an unprecedented new reality (creation of the nation); 2) the restoration of the Republic of Armenia in (1918 – 1920); 3) raising the status of Armenia into an independent state. Currently, instead the further synthesis of these three concepts, the concept of primordial, eternal and unchanged nation and identity appears to be prevailing.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ «БЕЗОПАСНОСТНОГО МЫШЛЕНИЯ»

*Эдуард Атанесян**

Ключевые слова: национальная безопасность, «безопасностное мышление», война, противодействие угрозам, стратегическое восприятие действительности.

Проблема обеспечения национальной безопасности занимает особое место в общественно-политической повестке любого государства. Но не везде она воспринимается в качестве универсального ключа к определению стратегии развития в долгосрочной перспективе. Простому обывателю, в силу понятных причин, не всегда комфортно осознавать, что основа будущего – это, прежде всего, способность государства выживать в агрессивной среде, и лишь затем – его приверженность озвученным чаяниям и вытекающим из этого программам.

Очень часто мы склонны отождествлять понятия **безопасность** и **мир**, что с учетом истории человеческой цивилизации более чем понятно, так как война традиционно является наиболее часто встречающейся угрозой физической безопасности людей и их повседневного жизненного уклада. Конечно, война – это прямая и непосредственная угроза, наличие которой не требует дополнительной мотивации общества для мобилизации сил и средств на оборону. С другой стороны, и **мир** – это зачастую самое важное, но не единственное условие для безопасности. Природные и техногенные катастрофы, эпидемии и пандемии в мирное время с точки зрения динамики и охвата могут представлять не меньшую угрозу, чем разрывы бомб – в военное. Не менее катастрофичными могут быть долгосрочные последствия экономических кризисов, напрямую затрагивающих как способность государств противодействовать внутренним и внеш-

* К.п.н.

ним угрозам, так и негативно отражающихся на демографических процессах, что особенно болезненно для маленьких наций.

Независимо от природы всех перечисленных угроз, их последствия по своему охвату проецируются на физическую безопасность и созидательную жизнедеятельность общества в целом, а посему их нейтрализация является приоритетом для государства. В общих чертах обеспечение национальной безопасности можно охарактеризовать как поддержание некоего динамичного состояния, при котором предпринимаемые государством шаги позволяют эффективно противодействовать всякого рода угрозам, сохраняя или обеспечивая условия для дальнейшего всестороннего развития как государства и общества, так и каждой отдельно взятой личности.

Развитие в данном контексте – это ключевой параметр, он требует восприятия ситуации в сфере безопасности не как статичного стоп-кадра, а как точки пересечения разновекторных динамических процессов и угроз. Если сравнивать обеспечение национальной безопасности с работой лощмана, то в нашем случае прокладывать безопасный курс для государства приходится в постоянно меняющейся **«безопасной среде»** (*security environment*), когда, помимо уже известных опасностей, предстоит иметь дело с постоянно появляющимися «мелями» и «рифами» политического, военного, экономического и иного характера.

Что касается самих угроз, то они, как известно, бывают разными и могут отличаться по направленности, характеру, объектам и т.д.¹ При этом эффективное противодействие **угрозам** подразумевает способность их превентивного отслеживания (мониторинга) и противодействия еще на стадии, когда негативное явление можно охарактеризовать всего лишь как **вызов**. Отличие **вызова** от **угрозы** – в нарастающей степени (способности) воздействия того или иного явления на текущее положение вещей. Причем, как известно, не все вызовы дозревают до состояния угрозы, и не все угрозы проходят через стадию вызова.

¹ См., например, *Борщевский Г.А.*, Роль государства в формировании преемственного исторического сознания в контексте проблемы обеспечения национальной безопасности России, Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», №1, 2012, http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/1/Borshchevskiy_Continual-Historical-Consciousness/.

Нет нужды говорить о том, что обеспечение национальной безопасности изначально невозможно без четкого понимания собственно интересов национальной безопасности, иерархии ее приоритетов, целей и задач. Их формулирование, алгоритмы взаимодействия – нелегкий труд, сопутствующий разработке любой стратегии (концепции, доктрины) национальной безопасности. И дело здесь не только в необходимости целостного понимания предмета, в способности к междисциплинарному анализу, стратегическому прогнозированию и планированию. При всей своей научной беспристрастности и методологической скрупулезности, формулирование приоритетов и задач должно учитывать необходимость баланса между **возможным** и **желаемым**, дабы, фигурально говоря, не загромождать дорогу чаяниям излишним рационализмом, с одной стороны, и не заниматься архитектурными изысканиями в воздушном пространстве – с другой.

В технологическом плане, обеспечение национальной безопасности с прицелом на угрозы – это комплексный процесс, осуществляемый по логике «**формулирование – мониторинг – идентификация – противодействие**». Это цепочка объединяет разноплановую деятельность: рутинную механическую (в том числе – техническую), интеллектуально-аналитическую и административно-управленческую работу¹. Здесь целью государства является максимальная кодификация всей цепочки, т.е. необходимо предусмотреть и расписать все возможные алгоритмы развития ситуации, подготовить технические средства, политико-правовые основы и административные механизмы противодействия нежелательным развитиям. И опять-таки, в идеале – это постоянный процесс, объединяющий в себе принятие политических решений на основе научного анализа параметров ситуации, учета опыта и имплементации теоретических наработок.

Наличие заготовок «на все случаи жизни» по ключевым сферам увеличивает способность государства оперативно и соразмерно реагировать

¹См.: *Нижник Н.С.*, Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика // Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: сборник научных докладов. В 2 ч. Ч. 1. Исторические, теоретические и правовые аспекты противодействия угрозам национальной безопасности / отв. ред. В.В. Грохотова, Б.Н. Ковалев, Е.А. Макарова; НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2008. – 304 с. (Серия «Научные доклады»; Вып. 7). <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/162/59162/29132?p_page=1>.

где нужно, когда нужно и как нужно. Планирование ситуаций и принимаемых шагов уже давно является рутинной в сфере обороны. Военные годами проводят различные учения, направленные на доведение до автоматизма соответствующих шагов на случай широкомасштабного вооруженного нападения, отдельных недружелюбных шагов или актов агрессии со стороны потенциального противника и т.д. При этом научно-технический прогресс, появление высокотехнологических вооружений и, как следствие, изменение динамики вооруженных конфликтов требуют постоянной адаптации оборонной политики к веяниям времени.

Необходимое планирование осуществляется также и в других силовых структурах государства, а также в сфере внешней политики. Соответствующие алгоритмы действий вырабатываются министерствами по чрезвычайным ситуациям (МЧС), проводятся учения для отработки взаимодействия с другими структурами как на случай военной агрессии, так и с целью нейтрализации негативных последствий техногенных и природных катастроф. Следующим эволюционным этапом в процессе обеспечения национальной безопасности является разработка и практическая отработка соответствующих сценариев в ходе общегосударственных учений с целью выработки навыков работы и взаимодействия органов государственной власти, отдельных ведомств и общественных структур в экстремальных условиях.

С указанными выше сферами все более или менее понятно: прямые и явные угрозы тем и отличаются, что историческая и обычная человеческая память долго хранит осязаемые воспоминания о них. Проблемы военно-политической безопасности изначально учитываются в программах государств, находят адекватное отражение в политико-информационном пространстве и т.д. Несколько иная ситуация с другими жизненно-важными сферами, также проецирующимися на жизнь и безопасность государства, общества и отдельного человека, но делающими это опосредовано, менее выпукло и в более долгосрочной перспективе. Например, с экономикой, социальной сферой, демографией, значимыми внешне- и внутривнутриполитическими процессами и т.д. Можно, конечно, утверждать, что и здесь делать особо нечего, и что эти сферы изначально «схвачены» в

главных политических документах по обеспечению национальной безопасности (в стратегиях и концепциях национальной безопасности), а нужные шаги прописаны в других политических и правовых документах, таких как программы правительств, бюджеты, среднесрочные и долгосрочные программы и т.д.

И опять-таки, наличие всего комплекса соответствующих документов является обязательным, но не достаточным условием для эффективного обеспечения национальной безопасности. И на то есть причины.

В современном мире правительства являются инстанцией, претворяющей в жизнь необходимые шаги для обеспечения национальной безопасности в различных сферах, тогда как разработка самой политики в сфере национальной безопасности осуществляется в иных, специально выделенных форматах, известных под разными именами в разных государствах. Например: Совет национальной безопасности (РА, НКР, Турция, Грузия, США, Великобритания), Совет национальной безопасности и обороны (Украина), Высший совет безопасности (Молдова), Совет безопасности (РФ), Высший совет национальной безопасности (Иран). Причина подобного разделения труда понятна. В силу своей политической природы исполнительная власть, как результат баланса политических сил, в своей деятельности руководствуются политическим и экономическим расчетом. В обычных условиях от нее требуют ощутимого увеличения благосостояния, причем – до следующих выборов. А посему правительства зачастую склонны (или вынуждены) в своей работе отсекают все «лишнее» с точки зрения политического прагматизма и рыночной экономики. Другое дело отдельный формат – специальный совещательный орган со своим аппаратом при руководителе государства, призванный обсуждать и решать задачи не только в условиях прямых и явных угроз, но и с расчетом на стратегическую перспективу.

Наличие указанного формата (назовем его **Советом национальной безопасности, СНБ**) является системообразующим, но не единственным условием для построения эффективной системы обеспечения национальной безопасности. Здесь также имеются свои нюансы. Формирование действенной системы обеспечения национальной безопасности требует

исключения дублирования полномочий и создания затратных структур, норовящих подменять (или – подминать под себя) функции, резервируемые Конституцией за органами исполнительной власти, тем более – в государствах с ограниченными ресурсами. И это притом, что именно в органы исполнительной власти, по логике, обычно и назначаются наиболее подготовленные управленческие кадры из политических сил, составляющих правительство. В рамках указанной логики СНБ отводится **координирующая** роль в деле вовлечения интеллектуального и профессионального ресурсов государства в обеспечение национальной безопасности в рамках, закрепленных (в стратегиях, концепциях и доктринах) целей и ориентиров. Она включает в себя, в том числе, организацию мониторинга по сферам на предмет наличия и динамики угроз национальной безопасности на основе параметров, подготовленных под эгидой СНБ. Разработка вышеуказанных параметров (индикаторов, методологий их оценки, пороговых значений и т.д.) подразумевает тесное сотрудничество с научным потенциалом государства в лице научно-исследовательских структур, *think-tank*-ов, профильных НПО и отдельных экспертов, а также изучение соответствующего международного опыта. В случае с диаспоральными нациями может предполагаться создание различных *ad hoc* консультативных структур с привлечением научного потенциала Диаспоры.

В идеале, организация Советом национальной безопасности работы по принципу формирования «ожерелья» из разнопорядковых субъектов, с «нанизыванием» их усилий на единую «нить» интересов национальной безопасности, позволяет, помимо прочего, решать следующий ряд вопросов практического и стратегического характера.

Во-первых, формирование потоков оговоренной информации **из ведомств в СНБ** позволяет последнему получить полную картину в сфере национальной безопасности, помогает отслеживать динамику процессов, идентифицировать и прогнозировать угрозы.

Во-вторых, структуры исполнительной власти лучше интегрируются в процесс обеспечения национальной безопасности не только на этапе реализации шагов, но и раннего выявления проблем и планирования. Формирование соответствующих информационных потоков для СНБ о

ситуации в интересующих сферах будет способствовать усилению государственного контроля над ними.

В-третьих, предлагаемый подход поможет в определенной степени нивелировать **дилемму практиков и теоретиков** – совокупность вопросов, возникающих между управленцами, ответственными за ту или иную сферу и кураторами данной сферы в структуре самой СНБ.

В-четвертых, выстраиваемая система взаимодействия подразумевает сохранение и развитие отечественного научно-аналитического потенциала, в том числе – посредством внедрения практики государственного заказа в научной сфере.

И, напоследок: практика рассмотрения той или иной задачи, проблемы или ситуации сквозь призму интересов национальной безопасности – это методика формирования в дополняющей (возможно – альтернативной) точки зрения, основанной на стратегическом восприятии действительности. Будучи возведенной в ранг мышления (стратегического, **«безопасностного»** (անվտանգային)), она позволяет кадрам, формирующимся в системе государственного управления, достигать лучшего понимания своих задач не только в рамках конкретных программ правительств, но и контексте долгосрочных интересов национальной безопасности. Конечно, в силу специфики вопроса полная и детализированная картина в сфере национальной безопасности является прерогативой соответствующего круга высших должностных лиц государства. И, тем не менее, понимание интересов национальной безопасности в целом, а также приоритетов и целей политики безопасности в отдельных сферах будет способствовать формированию в обществе **«безопасностного мышления»**, основанного на парадигме стратегии национальной безопасности как основы развития в соответствии с высшими долгосрочными интересами нации.

Июль, 2017г.

**«ԱՆՎՏԱՆԳԱՅԻՆ ՄՏԱԾՈՂՈՒԹՅԱՆ» ԶԵՎԱՎՈՐՄԱՆ
ՈՐՈՇ ԱՍՊԵԿՏՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ**

Էդուարդ Ատանեսյան

Ամփոփագիր

Ազգային անվտանգության ապահովման խնդիրը հատուկ տեղ է զբաղեցնում ցանկացած պետության հասարակական-քաղաքական օրակարգում: Բայց ամենուրեք չէ, որ այն ընկալվում է որպես զարգացման ռազմավարության սահմանման ընդհանուր բանալի երկարաժամկետ հեռանկարում: Ապագայի հիմքը նախևառաջ պետության գոյատևելու կարողությունն է ագրեսիվ միջավայրում և հետո միայն՝ նրա կողմնակցությունը հնչեցված ակնկալիքներին և դրանից բխող ծրագրերին:

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ
«БЕЗОПАСНОСТНОГО МЫШЛЕНИЯ»**

Эдуард Атанесян

Резюме

Проблема обеспечения национальной безопасности занимает особое место в общественно-политической повестке любого государства. Но не везде она воспринимается в качестве универсального ключа к определению стратегии развития в долгосрочной перспективе. Основа будущего – это, прежде всего, способность государства выживать в агрессивной среде, и лишь затем – его приверженность озвученным чаяниям и вытекающим из этого программам.

ON SOME ASPECTS OF SHAPING A “SECURITY MINDSET”

Eduard Atanesyan

Resume

The national security issue occupies a special place in the public/political agenda of any country. However, not everywhere it is perceived as a universal key for determining long-term development. The basis of future rests first of all on a state's ability to survive in an aggressive environment, and only after that comes the turn of addressing aspirations and implementing programs stemming from them.

КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Нарек Минасян**

Ключевые слова: теория международных отношений, либерализм, неолиберализм, неореализм, мягкая сила, Джозеф Най.

В конце 1980-ых и в начале 1990-ых мир перешел в эпоху быстрых трансформаций, что, естественно, никак не могло не отразиться на теории международных отношений. Многие теоретики неолиберализма, неореализма, конструктивизма и других теорий международных отношений предложили свои подходы, касающиеся как традиционных вопросов международных отношений, так и разных аспектов созданной ситуации и новых вызовов.

В теории международных отношений уже с половины 1980-ых годов начался процесс переосмысления восприятия «традиционной силы». Представителями неолиберальной школы в научный обиход была введена идея «мягкой силы», которая вскоре начала свое развитие как самостоятельная концепция. Она в какой-то мере являлась ответом на американские деклинистские теории, которые еще с 1950-ых годов набирали популярность в США¹.

Неудача ВС США во Вьетнаме, Нефтяной кризис 1973г., серьезные финансовые и экономические трудности (инфляция, сокращение ВВП, золотых резервов, и т.п.), с которыми столкнулись США, а также многие другие факторы привели к тому, что уже в 1980-ых годах, согласно проведенным опросам общественного мнения, почти половина американцев

* Аспирант ЕГУ, эксперт аналитического центра «Взгляд».

¹ «Деклинизм» (англ. *declinism*) – убеждение, что государство, общество или институт находятся в ситуации упадка (возможно, необратимого).

считала, что страна находится в упадке [1]. Первые труды, посвященные «мягкой силе», опровергали тезис об упадке американской мощи, утверждая, что в существующих условиях в мировой политике можно управлять и достигать успехов при помощи «мягкой силы».

Одновременно концепция «мягкой силы» противопоставлялась традиционному реалистическому восприятию силы, которая рассматривается как «жесткая сила» (*hard power*), и идентифицируется с военной и экономической мощью. «Жесткая сила» включает в себя военные интервенции, принудительную дипломатию (*coercive diplomacy*), экономические санкции, и опирается на такие материальные ресурсы, как вооруженные силы и экономические средства [2].

После окончания «холодной войны» неореалисты продолжили выступать за использование «жесткой силы» для укрепления роли и распространения влияния государства в международных отношениях. Фактически, концепция «мягкой силы» стала вызовом для представителей теории политического реализма, выступая против абсолютизации «жесткой силы».

Истоки концепции «мягкой силы», которую выдвинули неолбералы, идут еще в античную эпоху, но как таковая, теория «мягкой силы» является результатом усилий американской неолберальной школы для укрепления глобальной роли Соединенных Штатов.

Термин «мягкой силы» в научный обиход был введен известным американским политологом, разработчиком ряда направлений в рамках неолберализма Джозефом Наем, который с 1990-ые руководил Гарвардским институтом государственного управления им. Джона Кеннеди. Впервые Най использовал термин «мягкая сила» в опубликованной в 1990г. книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской власти» (*Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*), в которой он определял «мягкую силу» как способность достичь желаемого на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, а не посредством принуждения или выплат [3]. Осенью 1990г. Джозеф Най в журнале «*Foreign Policy*» опубликовал статью под названием «Мягкая сила» (*Soft power*), в которой уточнил содержание этого термина и предложил свой подход к современным тенденциям в глобальном развитии.

Согласно Наю, «мягкая сила» – это способность достичь того, чтобы другие желали того же результата, который желаешь ты» [4], но не принуждая объект, а посредством убеждения и привлекательности. Воздействие на желание и поведение зависит от ресурсов, умения их использовать, а также среды их использования. Если традиционная «жесткая сила» государства опирается на военную и экономическую мощь, то ресурсами «мягкой силы» являются культура этой страны, ее политические ценности, идеология и реализуемая внешняя политика [5].

Надо отметить, что во время разработки концепта «мягкой силы» Джозеф Най был уже весьма знаменит в сфере международных отношений. Он является соавтором теории взаимозависимости, политических режимов, а также других неолиберальных теорий. Возможно, это и стало причиной, что его статья, опубликованная в 1990г., вызвала большой интерес как в академических, так и в политических кругах, способствуя ее успеху.

Понятие «мягкой силы», представленное Джозефом Наем, в целом вписывается в либеральную теорию международных отношений, хотя нет никакого противоречия между теориями реализма и концепции «мягкой силы» [6]. Концепция «мягкой силы» также взаимосвязана с такими либеральными теориями международных отношений, как:

1. Теория демократического мира,
2. Теория коммерческого либерализма,
3. Теория международных организаций.

Согласно либеральной **теории демократического мира**, демократические режимы не сражаются друг с другом. Демократы более склонны использовать «мягкую силу», чем «жесткую». Более того, Най утверждает, что даже в трудных ситуациях демократическое государство не теряет свою «мягкую силу». Например, «пропаганда и самокритика демократии очень полезны, они увеличивают доверие к сообщениям страны». То есть, когда политика подвергается критике, она может приобрести определенную «мягкую силу», поскольку это может быть доказательством истины и проявлением свободы выражения для целевых стран.

Другой важной либеральной теорией международных отношений является **коммерческий либерализм**, согласно которому путь мира заключается в содействии свободной торговле и экономической взаимозависимости. Экономическая глобализация «заставляет» государство сотрудничать с другими, что, по сути, является принуждением, и ближе к «жесткой силе», чем «мягкая сила». Государство со значительными экономическими ресурсами способно оказать давление на экономически слабые страны. Однако экономические ресурсы могут создавать не только «жесткую силу», но и «мягкую силу», и применяться не только для принуждения, но и для повышения привлекательности государства. В контексте современной экономической взаимозависимости государство может стать привлекательным для других с экономикой свободного рынка, а его модель либеральной экономики может стать примером для подражания.

Концепция мягкой силы также основана на **теории международных организаций**. Международные структуры – как унифицирующий формат для разных государств или как отдельные субъекты – играют решающую роль в контексте регулирования международных отношений. Международные организации, которые в неолиберальной теории рассматриваются как средство смягчения последствий анархии, способствуют сотрудничеству государств посредством общих правил и норм.

Концепция «мягкой силы» признает важную роль международных структур, рассматривая ее как средство применения «мягкой силы». По словам Ная, создание институтов уже обеспечило им долгое существование, поскольку «целостность сетей, норм и институтов весьма трудно искоренить или кардинально изменить» [7]. В то же время международные организации являются хорошей платформой для реализации «мягкой силы» страны. Государство имеет право распространять свои идеи, ценности и политику внутри организации, среди других государств-членов, и через данную организацию в государствах, не являющихся членами.

Если государству удастся установить международные правила в соответствии с его интересами и ценностями, вполне вероятно, что его действия будут приемлемыми и законными для многих. Например, Соеди-

ненные Штаты используют такие институты, как Международный валютный фонд, Всемирную торговую организацию и другие структуры – для распространения своих либеральных и демократических ценностей.

Хотя концепция «мягкой силы» в целом согласуется с либеральной теорией, в частности, с принципами неолиберализма, она также содержит некоторые подходы, противоречащие принципам неолиберализма. Например, Най принимает существование безвластия (анархии) в международных отношениях. «Контекст международной политики часто воспринимается как анархический мир наций, ищущих безопасности, где основным (но не единственным) инструментом является использование военной силы» [8].

Несмотря на то, что автор концепции «мягкой силы» согласен с тем неолиберальным подходом, согласно которому власть государств в международных отношениях уменьшается из-за глобализации и негосударственных субъектов, тем не менее он склонен к тому, что государство по-прежнему остается важным игроком. Развивая идею «мягкой силы», Най пытался найти способы, благодаря которым «Соединенные Штаты продолжают оставаться ведущей силой мировой политики в XXI веке». Чтобы решить эту проблему, Най не ограничился принципами либеральной теории.

Он признал, что военная сила иногда полезна, когда на карту поставлена безопасность страны. Можно предположить, что в процессе разработки концепции «теоретика Ная» иногда заменял «политик Най», что также выражается в его работах. Подход Ная весьма хорошо выражен в его следующей мысли: «Как бывший министр обороны я буду последним, кто будет отрицать важность военной силы. Наша военная роль важна для глобальной безопасности. И военная сила является частью нашего ответа терроризму» [9].

Най придает важное значение роли военной силы также с точки зрения генерации «мягкой силы», в то же время «мягкая сила» может сыграть решающую роль для военных операций. Позднее проблему взаимодополняющего использования «жесткой» и «мягкой силы» Най представил в концепции «разумной силы» («*smart power*»). «Разумную силу» он

определяет как «способность сочетать жесткие и мягкие силы для разработки выигрышной стратегии» [10].

Най также отрицает теоретическое утверждение о том, что глобализация в то же время ведет к сотрудничеству. В современных условиях экономической взаимозависимости в международных отношениях экономические санкции могут также использоваться как «оружие», направленное на изменение поведения объекта. Например, Иран, оказавшийся в сложной экономической ситуации из-за международных экономических санкций, был вынужден пойти на уступки (в том числе отказаться от продолжения своей ядерной программы), благодаря чему в июле 2015г. была подписана так называемая «ядерная сделка». Хотя концепция «мягкой силы» Най не противоречит теории реализма, она подвергается серьезной критике со стороны ряда современных представителей этого направления. Многие представители школ неореализма, рационализма и неолиберализма, а также политики и практики (американские теоретики Кеннет Вальц, Нил Фергюсон, Роберт Каган, официальный представитель Джорджа Буша Дэвид Фрам, бывший министр обороны США Дональд Рамсфельд и другие) выступают против «мягкой силы», снижая ее важность и расценивая как неэффективный инструмент.

Чтобы полностью понять природу понятия «мягкой силы», важно рассмотреть условия, в которых были написаны работы Джозефа Най. Например, он написал свою статью «Мягкая сила» в 1990-ых годах после окончания «холодной войны» и пытался противостоять тезису об упадке США. Опубликованная в 2002г. книга «Парадокс американской мощи» [11] в свою очередь была прямым ответом на террористические акты в США 11 сентября 2001г. Другая работа автора – «Мягкая сила: средство достижения успеха в мировой политике» (2004) – последовала за американской интервенцией в Ираке, что привело к значительному снижению привлекательности США во всем мире.

Таким образом, можно отметить, что концепция «мягкой силы», предложенная Джозефом Наем, еще больше расширила восприятие государства в международных отношениях. Основываясь на основных прин-

ципах либеральной теории международных отношений, понятие «мягкая сила» также охватывает некоторые аспекты неореализма, в частности, роль государства и роль военной силы. Принимая во внимание растущий интерес к понятию «мягкой силы» и его практические возможности, мы можем предположить, что концептуальное развитие концепции и ее операционализации будет по-прежнему находиться в центре внимания академических кругов.

Сентябрь, 2017

Источники и литература

1. *Nye J.*, Soft Power. Foreign Policy, #80, 1990, p. 153.
2. *Giulio Gallarotti*, Soft Power: what it is, its importance, and the conditions for its effective use. Journal of Political Power, #4(1), 2011, p. 29.
3. *Nye J.*, Bound to Lead: The Changing Nature of American Power, Basic Books, New York, 1991.
4. *Nye J.*, Soft Power. Foreign Policy, #80, 1990, p. 167.
5. *Nye J.*, Soft Power: The Means to Success in World Politics, Public Affairs, 2004, p 11.
6. *Nye J.*, The Future of Power. New York, Public Affairs, 2011, p. 82.
7. *Nye J., Keohane R.*, Power and Interdependence in the Information Age, (with) Foreign Affairs (September / October, 1998) // <https://www.foreignaffairs.com/articles/1998-09-01/power-and-interdependence-information-age>.
8. *Nye J.*, Recovering American Leadership, Survival, 50:1, 2008, p. 55.
9. *Nye J.*, 2002. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. New York: Oxford University Press, 2002, p. 15.
10. *Nye J.*, The Future of Power. New York, Public Affairs, 2011, pp. 207-208.
11. *Nye J.*, The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002.

«ՓԱՓՈՒԿ ՈՒԺԻ» ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԸ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ

Նարեկ Մինասյան

Ամփոփագիր

Հոդվածի նպատակն է դիտարկել «փափուկ ուժի» հայեցակարգը միջազգային հարաբերությունների տեսությունների համատեքստում: Ներկայացված են հայեցակարգի ձևավորման գործընթացը, ինչպես նաև այն խնդիրները, որոնք

որպես դրա ծագման նախադրյալներ են ծառայել: Հոդվածում դիտարկվում են միջազգային հարաբերությունների լիբերալ տեսությունների սկզբունքները՝ հիմնված «փափուկ ուժի» հայեցակարգի վրա, ինչպես նաև նեոռեալիզմի տեսության հետ ունեցած կապերը:

Հոդվածի համաձայն՝ թեև «փափուկ ուժ» հասկացությունը միջազգային հարաբերությունների լիբերալ տեսության մաս է հանդիսանում, այնուամենայնիվ, չի հակասում նեոռեալիզմի տեսությանը:

КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Нарек Минасян

Резюме

Цель статьи – рассмотрение концепции «мягкой силы» в контексте теорий международных отношений. Представлен процесс формирования концепции, а также проблемы, послужившие в качестве предпосылок ее возникновения. В статье рассматриваются принципы либеральной теории международных отношений, основанные на концепции «мягкой силы», а также связи с теорией неореализма.

Согласно статье, понятие «мягкая сила», хотя и является частью либеральной теории международных отношений, тем не менее, не противоречит теории неореализма.

THE CONCEPT OF “SOFT POWER” IN THE THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Narek Minasyan

Resume

The article aims at reviewing the concept of “soft power” in the context of international relations. The process of the concept’s emergence is present, along with the problems that preconditioned its creation. The article reviews the liberal theory of international relations, based on the concept of “soft power” and its connection with the neorealism theory.

It is claimed in the article, that although the concept of “soft power” is a part of the liberal theory, it still does not contradict to the theory of neorealism.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ - 2

*Арман Навасардян**

Ключевые слова: фаза переговорного процесса, переговоры, цель, социальная установка, функция установки, способ изменения установок.

Заключительные фазы переговоров

Нам остается вкратце рассмотреть заключительные – шестую, седьмую и восьмую – фазы переговоров.

Фаза №6. Это прелюдия окончания переговоров. В конце концов, стороны приходят к такой ситуации, когда четко видны реальные различия, а число обсуждаемых вопросов сведено к минимуму. Возникшая сцена готова либо для решения основной проблемы, либо для окончательного неуспеха. Каждый участник понимает, что уже не может добиваться новых уступок, невозможно больше идти в желательном для себя направлении. Каждый уже знает, что можно получить от партнера и что невозможно получить. На этой фазе особую важность приобретают честность и откровенность участников переговоров. Каждый знает, что можно сказать, до какой степени можно быть откровенным перед такими партнерами по переговорам. На этой фазе обе стороны ищут новой информации, одновременно у сторон имеется желание быстро завершить переговоры, заключить соглашение. Но на этой фазе все еще возможны попытки обманывать соперника. На этой фазе могут приобрести привлекательность некоторые стратегии: заключение дополнительных (побочных) соглашений, уменьшение значимости таких факторов, которые до этого считались важными, и т.д.

* Заведующий кафедрой мировой политики и международных отношений Российско-армянского (Славянского) университета, Чрезвычайный и Полномочный Посол, к.п.н.

Фаза №7. Это фаза завершения переговоров. На этой фазе участникам удалось свести количество возможных выборов до минимальной величины. Поэтому дальнейшие переговоры представляются нецелесообразными. Стороны предлагают интегративные решения, т.е. такие, которые, во-первых, объединяют разные проблемы и цели; во-вторых, отвечают интересам обеих сторон. Такие переговоры уже протекают в благоприятной атмосфере. Достижение договоренности близко, но предстоит уточнить ее детали. Но переговоры по этим «мелким» вопросам могут быть трудными, особенно в том случае, когда за спиной участников – длительная история взаимных подозрений и антагонизма.

Можно создать такие ситуации, в которых возможные варианты решения четко видны, но участники все еще полагают, что от дальнейших переговоров можно получить дополнительную пользу.

Возможно также возникновение такой ситуации, когда обе стороны чувствуют на себя наличие давления, хотят договориться, но не могут оценить возможные последствия. Может сохраниться значительная неопределенность в намерениях другой стороны. Предлагаемые решения могут оставлять впечатление произвольности. Участники могут даже не иметь реального представления о надежных путях принятия решений. Даже в этой фазе переговоры могут стать более агрессивными по сравнению с предыдущими фазами.

На этой предпоследней фазе возможны неожиданности. Например, одна из сторон может внезапно согласиться с таким решением, которое долгое время ею отвергался. Можно говорить даже о роли иррациональных факторов. В целом вся описанная очередность фаз кажется рациональной и логичной. Однако в реальной жизни картина переговоров менее рациональна и в меньшей степени опирается на рациональные расчеты.

Фаза №8. Ритуальное подтверждение.

Обычно принятое решение подтверждается ритуально, особенно если это важное решение и было принято в итоге трудных и длительных переговоров. Во время таких церемоний используется символика. Эти церемонии важны, поскольку вчерашние противники выражают дружелюбие, улыбаются и жмут друг другу руки. Ритуал используется также для

того, чтобы каждая сторона выступала перед своими референтными группами, как бы давая отчет о проделанной работе.

Мы полагаем, что рассмотренная выше концепция фаз переговорного процесса применима при попытке понимания переговоров в политике, дипломатии, международной торговле и других областях. Правда, целый ряд аспектов этого процесса еще предстоит исследовать с привлечением достижений лингвистики, психологии и логики. Но эта задача выходит за рамки настоящего исследования.

Социальные установки и механизмы их изменения: применение в политике и дипломатии

С социально-психологической точки зрения, основные цели как пропаганды, так и политических, в том числе дипломатических, переговоров следующие: а) создать у слушателя или собеседника определенную установку на определенный же объект (человека, социальное или политическое явление или процесс и т.п.); б) изменение установки партнера (собеседника, слушателя, аудитории) на определенный объект, если у него такая установка уже есть, но нас не удовлетворяет. Чтобы применить теорию социальных установок в области политики и дипломатии, мы должны знать: что такое социальная установка личности; как возникают у человека социальные установки; как их можно создать с помощью целенаправленных воздействий; и как можно изменить социальные установки личности, если они для нас неприемлемы (например, если они враждебны)?

1) О природе социальной установки

Социальная установка (*attitude*) – это психологическая структура, часть личности человека, которая состоит из следующих трех компонентов: а) познавательного (когнитивного) блока, содержащего знания – образы и мысли – об объекте установки; б) из эмоционального блока, состоящего из тех эмоций и чувств, которые объект и его знание вызывают в личности, субъекте установки; в) третий блок социальной установки, которую можно назвать поведенческим, содержит схемы тех действий, которые личность склонен выполнять при встрече с объектом установки.

Все три блока социальной установки теснейшим образом взаимосвязаны и взаимообусловлены; именно это и означает, что они составляют единую психологическую структуру. Как мы видели, у каждой социальной установки (и других видов установок) имеются субъект (ее носитель, человек) и объект. Для социальных установок объектами являются социальные объекты – отдельный человек, социальная группа, организация, этнос, государство и даже все человечество.

У каждого человека, а тем более у социально активного человека, в психике накапливается целая система различных установок, которые участвуют в образовании его представлений о мире и участвуют в мотивации его поведения. Познавательный блок составляют мнения, убеждения и верования человека. Как в пропагандистской работе, так и в ходе политических и дипломатических бесед и переговоров, усилия сторон главным образом направлены на изменение этого главного блока той социальной установки, вокруг объекта которой идут переговоры.

Наиболее плодотворным путем понимания механизмов изменения убеждений является, согласно современным представлениям, подход к ним с использованием понятия о социальной установке. Для политической и дипломатической психологии знание механизмов изменения установок имеет исключительное значение, потому что между установками личности и его действиями существует связь, пусть не такая прямая и интенсивная, как можно было предположить (и как предполагали на заре развития социальной психологии). О механизмах изменения установок предложено несколько концепций, которые иногда называют теориями. Знание этих представлений имеет не только теоретическое, но также практическое значение для различных областей социальной практики, в том числе для политики и дипломатии. Вкратце охарактеризуем эти концепции и выясним, как они объясняют процесс изменения установок.

2) Теория равновесия (или последовательности, непротиворечия)

Эта концепция утверждает следующее: когда в психике человека возникает противоречие (*discrepancy*), он стремится делать что-то для его устранения, поскольку наличие противоречия неприятно, и, кроме того,

у каждого человека имеется потребность обладать непротиворечивыми представлениями о тех объектах, которые имеют для него значение. Такие противоречия могут возникать в психике человека между его определенной установкой и поведением; между его установкой или поведением, с одной стороны, и с ожиданиями референтной группы – с другой; между индивидом и его микросредой. Такого рода противоречия социальные психологи начали исследовать еще в тридцатые годы; в основном это были представители школы Курта Левина. В настоящее время в этой области социальной психологии, получившей название «групповая динамика», плодотворные исследования и продолжаются [1, 2]. В аспекте поиска механизмов изменения социальных установок наибольшее количество исследований проведено именно представителями этого направления социальной психологии.

3) Теория когнитивного диссонанса

Эту теорию предложил известный американский социальный психолог Л.Фестингер [3]. Эта теория является одной из теорий группы теорий последовательности или непротиворечивости, причем самая развитой из них. В жизни людей наблюдаются различные классы случаев переживания состояния когнитивного диссонанса. Главными из них являются следующие:

а) Человек может принадлежать определенной, например, консервативной, политической партии, но по своим политическим взглядам быть либералом. Если политика для такого человека важна, он может переживать когнитивный диссонанс. Для освобождения от такого неприятного состояния, вызывающего стресс, он может либо перейти в другую политическую партию, либо для самооправдания использовать специфические защитные механизмы рационализации.

б) Согласно теории когнитивного диссонанса, человек будет избегать восприятия такой информации, которая усиливает переживаемый диссонанс, и, наоборот, он будет с готовностью воспринимать такие сведения, которые ослабляют, а если возможно – устраняют диссонанс из его психики. Определенная часть проведенных конкретных исследований подтвер-

ждает эту концепцию, но проведены также такие эмпирические исследования, которые не подтверждают это представление Л.Фестингера и его последователей. В частности, предложенное представление не всегда подтверждается в политологических исследованиях. Например, выяснено, что телезрители в течение длительного времени внимательно следят за передачами о тех кандидатах, которых они не собираются избирать [4, р. 153].

Однако в жизни каждого человека возникает много ситуаций, когда невозможно избежать восприятия диссонансной информации. В таких ситуациях, согласно Л.Фестингеру, люди предпочитают пользоваться механизмом перцептивной защиты (искажении формы и смысла воспринимаемой информации). В других случаях, воспринимая такую нежелательную информацию, они пытаются дискредитировать ее источник, а тем самым – также саму информацию, ее достоверность.

4) Функциональный подход к проблеме изменения установок

Данный подход впервые сформулировал социальный психолог Д.Кац (*D.Katz*). Он и другие исследователи разработали функциональный подход к проблеме изменения установок, согласно которому как процесс формирования, так и процесс изменения установок можно понять только с учетом тех потребностей, которые с их помощью удовлетворяются.

В психике каждого человека его установки организованы в виде иерархических систем ценностей. Если какая-либо установка связана с системой ценностей, которая, в свою очередь, очень тесно связана с Я-концепцией личности, то ее очень трудно изменить. Чем сложнее когнитивная структура установки, тем труднее ее изменить. Некоторые установки более тесно связаны с поведением, чем другие.

5) Основные функции установок

В социальной психологии выделяют следующие основные функции социальных установок:

1) **Адаптивная функция.** Установки способствуют приобретению таких объектов, с помощью которых человек может удовлетворить определенные потребности.

2) Функция защиты «Я». Защита с помощью установки направляется против как внешних, так и внутренних угроз, направленных на самосознание личности; этим путем личность стремится предотвратить развитие у себя чувства неполноценности; если у человека уже имеется чувство неполноценности, с помощью установок он проецирует их на других людей и начинает чувствовать собственное превосходство, которое, конечно, может быть иллюзорной. Приобретая, таким путем, некоторое чувство превосходства собственной личности, человек может стать членом определенной политической партии с целью чувствовать себя еще сильнее. Все названные защитные процессы, как правило, не осознаются.

3) Функция выражения ценности. Установка позволяет выразить чувства и ценности личности, что приносит удовлетворение и положительную самооценку.

4) Функция знания. Люди ищут таких знаний, которые позволили бы осмыслить окружающую среду, интерпретировать важные для них явления. В этом участвуют их установки.

5) Способы изменения установок

Установки классифицируют по их функциям. Для изменения каждого вида установок применяются разные приемы.

1) Основанные на функции адаптации (*adjustment*) установки могут быть изменены созданием новых потребностей и установлением новых уровней притязаний личности их носителей. Могут быть изменены также вознаграждения и наказания, связанные с объектами установок. Примером из области политики можно считать следующий: убеждая бизнесмена голосовать за снижение налогов, вы можете сказать ему, что суммы от налогов будут использоваться так, чтобы увеличить покупательную способность людей, и бизнесмены, в конце концов, будут в выигрыше.

2) Основанные на функции защиты установки можно изменить, если сделать окружающую среду менее угрожающей для людей. Если индивид чувствует себя в безопасности, то его защитная тенденция станет слабее. Другой путь – оказать помощь индивиду в создании о себе более привлекательного представления. Когда человеку удастся ослабить чувство неполноценности собственной личности, у него ослабевает также

потребность найти людей во внешнем мире, которых он мог бы воспринимать как нижестоящих. Для таких людей этнические меньшинства уже не представляются опасными.

3) Те установки, которые выделяются по функции выражения ценности, могут быть изменены, если вызвать некоторое недовольство собой. Можно также изменить окружающую среду так, чтобы старые ценности стали непривлекательными. Например, убежденный марксист переселяется в такую страну, где господствует марксистская идеология, и убеждается в том, что эта идеология не улучшает жизнь людей. Под влиянием такого впечатления он может изменить свои убеждения и установку.

4) Установки, которые выделяются по их функциям знания, могут быть изменены путем предоставления новой информации, которая либо более правильная, либо создает двусмысленность при интерпретации окружающего мира.

Каждый раз, вызвав изменения установок, мы оказываемся перед задачей закрепления в памяти этих изменений. Для этого психология предлагает вознаграждать людей. Если речь идет о совершенно новой установке, то следует позаботиться о том, чтобы она обеспечила человеку приятные переживания.

В ходе работы по изменению установок людей или создания у них новых установок следует учитывать также целый ряд других условий и факторов: каковы особенности коммуникатора, какова структура сообщения, как повторно передавать информацию и организовать повторения, как учитывать особенности аудитории и т.п. Эти вопросы подробно исследованы в области психологии пропагандистской деятельности.

Мы считаем, что достижения психологии в изучении социальных установок, путей их изменения или создания таких условий, в которых данные задачи решаются наиболее эффективно и т.п., можно плодотворно использовать и в области дипломатической деятельности. Дипломат, ведя переговоры, в определенной степени выступает в роли политического пропагандиста. Ему, следовательно, полезно иметь хорошие знания из этой сферы современной науки и уметь пользоваться методами полити-

ческой пропаганды, искусства убеждения своих политических партнеров в правильности собственных убеждений и поступков.

Исходя из изложенных на предыдущих страницах теоретических представлений, можно перейти к исследованию процессов дипломатических бесед и переговоров.

Апрель, 2017г.

Источники и литература

1. *Lewin K.*, Field theory in social psychology. – New York, 1951.
2. *Heider F.*, The Psychology of Interpersonal Relations. – New York, 1958.
3. *Фестингер Л.*, Теория когнитивного диссонанса. – СПб: Издательство «Речь», 2000.
4. *Barner-Berry C. and R.Rosenwein*, Psychological Perspectives on Politics. – Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1985.

ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԵՎ ԴԻՎԱՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԲԱՆԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ - 2

Արման Նավասարդյան

Ամփոփագիր

Հոդվածում, որը հանդիսանում է թեմայի շարունակությունը, քննարկվում են բանակցային գործընթացի վերջին երեք փուլերը (6-8): Քանի որ բանակցային ճանապարհով կոնֆլիկտների հանգուցալուծման մեր մոտեցումը ոչ միայն քաղաքագիտական, այլ նաև սոցիալ-հոգեբանական երևույթ է, մենք գտնում ենք, որ բանակցության նպատակը քննարկվող խնդրի նկատմամբ գործընկերների որոշակի դիրքորոշման կազմավորումն է և կամ այն դիրքորոշման փոփոխությունը, որը նրանց մոտ գոյություն ունի, սակայն չի համապատասխանում մեր հետաքրքրություններին: Այդ իսկ պատճառով հոդվածի երկրորդ մասը նվիրված է սոցիալական դիրքորոշման տեսությանը և այն միջոցներին, որոնք թույլ են տալիս փոփոխել և կամ ուժեղացնել այդ դիրքորոշումները՝ կախված կողմերի նպատակներից:

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ - 2*Арман Навасардян***Резюме**

В настоящей статье, которая является продолжением предыдущей, рассматриваются последние три (6 – 8) фазы переговорного процесса. Поскольку наш подход к процессу разрешения конфликтов путем переговоров является не только политологическим, но также социально-психологическим, то целями переговоров нами считаются формирование у партнеров определенной установки на обсуждаемый предмет, либо изменение той установки, которая у них есть, но не соответствует нашим интересам. Поэтому вторая часть статьи посвящена теории социальных установок и тем способам, которые позволяют изменить или усилить их в зависимости от целей сторон.

POLITICAL AND DIPLOMATIC NEGOTIATIONS - 2*Арман Навасардян***Resume**

The article is the continuation of the previous one, discussing the last three phases (6-8) of the negotiation process. As our approach to conflict settlement by the means of negotiating process is not only political, but also a social-psychological phenomenon, we consider that the goal of negotiations is either to form a specific position by the partners, or to change the position they had, which, however, is not in their interests. For the mentioned reason the second part of the article covers the theory of social positions, and the methods that enable to change or strengthen those positions depending on the goals and priorities of the parties.

ПРИЧИНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОРРЕКТИРОВОК ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

*Давид Степанян**

Ключевые слова: внешняя политика, Соединенные Штаты, Трамп, РФ, real politic, Ближний Восток.

Введение

С самого своего избрания президент США Дональд Трамп поставил акцент американской внешней политики на отношениях с главным конкурентом Штатов – Китаем, демонстрирующим ежегодный экономический рост в 6%. При этом оценки Трампом перспектив отношений с Россией первоначально позволяли надеяться на их определенное потепление. Однако все последние события в первую очередь внутри США позволяют говорить о некоторых конъюнктурных корректировках в первоначальных внешнеполитических приоритетах администрации Трампа. Прежде всего в ближневосточном направлении. При этом Россия и Китай, безусловно, продолжают оставаться долгосрочными целями и мишенями американской политики. Корректировкам, причем, временным, подвергаются лишь пути достижения этих целей. В данной статье содержится попытка рассмотреть причины подобных процессов.

Отношения с Россией

Очень похоже, что отношения с Россией стали основным катализатором и механизмом влияния на внутривнутриполитическую борьбу в США. Во всяком случае, об этом говорит целый ряд событий, начало которым было положено еще на финишной прямой предвыборной кампании по выборам хозяина Овального кабинета Белого дома. Демократическая партия

* Политический обозреватель и аналитик, информационное агентство «АрмИнфо».

США, многочисленные противники избранного президента, в частности СМИ, подняли российскую тематику на пик пропагандистской кампании, мишенью коей Дональд Трамп является, пожалуй, с самого своего избрания. И стремительно набирающая в США оборот антироссийско-антитрамповская кампания определенным образом представляет интерес ввиду намеченной на начало июля встречи президентов США и России.

Встреча Путин-Трамп произойдет на полях саммита «Большой двадцатки» в Гамбурге. И уже можно смело прогнозировать, что с учётом ситуации, в которой оказался Трамп в собственной стране, от randevу коллег можно ожидать последствий, которые только позволяет представить воображение. В определенном смысле лучшим анонсом встречи президентов могут послужить последствия состоявшейся 10 мая рабочей встречи министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова с Трампом в Овальном кабинете Белого дома в присутствии посла России в США Сергея Кисляка, которого американские СМИ называют главным русским шпионом. Встреча послужила поводом для показательной порки Трампа его оппонентами-политиками и СМИ, которых, в отличие от российских коллег, на встречу просто не пустили. После этого сенатор-демократ Джон Маккейн публично заявил, что «марионетку Путина – Лаврова» нельзя подпускать к Овальному кабинету и на пушечный выстрел, сравнив ситуацию вокруг Трампа с Уотергейтским скандалом. Кстати, именно с подачи Маккейна в США стала всерьёз обсуждаться тема импичмента Трампа. Примечательно, что сам Трамп встречей с Лавровым остался вполне доволен. А глава МИД РФ заявил, что, оставляя вопрос о форматах развития двусторонних отношений на усмотрение президента США и его команды, Москва готова двигаться вперед настолько, насколько это удобно новой администрации Белого дома¹.

Все это происходит на фоне разворачивающегося в Штатах скандала вокруг российского следа избрания Трампа президентом, выявленного американской разведкой, политиками и журналистами. Тем временем ФБР продолжает вести независимое расследование взлома российскими хакерами компьютерных сетей Национального комитета Демократиче-

¹ <http://embassyru.am/topic.php?id=3918>.

ской партии и личного электронного ящика главы избирательной кампании Хиллари Клинтон Джона Подесты. Как результат – увольнение Трампом директора ФБР Джеймса Коми СМИ связывают с Россией, экс-советника по нацбезопасности Майкла Флинна именуют агентом Кремля, а президента США открыто подозревают в тайны связей с Москвой. Вся эта деятельность медиа надежно прикрывается первой поправкой конституции, гласящей, что Конгресс США не может посягать на свободу слова и свободу прессы.

Проецирование на real politic

Таким образом, с сожалением приходится констатировать проецирование внутривнутриполитической борьбы в США на перспективы отношений с Россией, перспективы их возвращения в русло *real politic* как свершившийся факт. В свете подобного давления представляется, что договориться по предметным вопросам двусторонней повестки президентам России и США будет довольно трудно. Россия уже превратилась в весьма эффективное оружие внутривнутриполитической борьбы в США, борьбы против Трампа, которого добрая половина американцев по-прежнему не желает видеть своим президентом. В подобном свете теоретические желания Трампа идти на сближение позиций с Москвой особого значения уже не имеют. Реальных шагов в направлении установления плодотворного диалога он сделать не в состоянии, любой подобный шаг будет истолкован его многочисленными противниками как действие в интересах России. Между тем, по оценкам советника экс-президента США Джорджа Буша, директора *Kissinger Associates* Томаса Грэма, именно сейчас необходимость в диалоге между США и Россией важна как никогда¹. Необходимость в обновлении каналов и связей, вполне успешно действующих до украинского взрыва. Дипломат, долгие годы занимающийся Россией, убежден в невозможности преодоления существенных осложнений и расхождений между США и Россией без диалога. Грэм считает, что Москва и Вашингтон нуждаются в лучшем взаимном понимании позиций, интересов друг друга на основе дискуссии, особенно по части взаимных действий на Ближнем Востоке.

¹ http://arminfo.info/full_news.php?id=25826&lang=2.

В этом смысле довольно сложно в Гамбурге придется и президенту России, поскольку любой его шаг, любое предложение неминуемо будут использованы в США против Трампа, и против России, соответственно. Россия сегодня – всего лишь инструмент в руках конкурентов Трампа, считающих последнего заложником Путина и ищущих в любом официальном контакте между Москвой и Вашингтоном исключительно повод для новых нападков. Впрочем, Путин уже успел охарактеризовать разговоры вокруг американского коллеги как политическую шизофрению. И, тем не менее, по ключевым темам двусторонней повестки: сокращения вооружений, Сирии и Украине договориться именно сейчас уж точно не получится. В лучшем случае президентам удастся начать тот самый диалог, который так нужен американо-российским отношениям. Ожидать же реального и скорого потепления отношений, новых договоренностей между Россией и США в текущей ситуации представляется бессмысленным. Собственно, об этом уже успел заявить госсекретарь США Рекс Тиллерсон, отметивший невозможность начала отношений США и России с чистого листа. Подчеркнув долгоиграющий характер скандала вокруг российского вмешательства во внутренние американские дела, глава Госдепа заявил, что это не может не мешать налаживанию диалога между Вашингтоном и Москвой.

Корректировка векторов американской политики

Впрочем, не сидит сложа руки и Трамп, заключивший в ходе своего первого зарубежного визита в Саудовскую Аравию контрактов почти на \$350 миллиардов, в том числе \$110-миллиардный контракт на закупку Эр-Риядом произведенных в США вооружений¹. В рамках последнего Вашингтон поставит саудитам боевые самолеты, танки, суда, системы противоракетной обороны. В целом сделка направлена на усиление военных возможностей Саудовской Аравии и партнеров США в Персидском заливе для борьбы с «Исламским государством». Согласно советнику Трампа по экономике Гэри Гону, президент США поддерживает создание араб-

¹ <https://rg.ru/2017/05/20/tramp-podpisa-sdelku-s-saudovskoj-araviej-na-110-milliardov-dollarov.html>.

ского аналога НАТО с целью нивелирования иранского влияния в регионе. И укрепляющие сотрудничество между США и Саудовской Аравией договоренности и углубляющие противостояние с Ираном – один из шагов в данном направлении.

Представляется, что, помимо всего прочего, данные многомиллиардные контракты – один из козырей, которыми Трамп очень скоро задушит игроков-конкурентов, обвиняющих его в недостаточно патриотичном президентстве. Подобными шагами, в целом достаточно предсказуемыми, Трамп заверяет часть многочисленных недругов внутри США в своей лояльности и даже приверженности соблюдению интересов транснациональных корпораций, военно-промышленного комплекса, а значит и их интересов. Второй части недругов президент США тем самым ясно дает понять, что долго терпеть их обвинения и попытки свергнуть его с занимаемого поста он отнюдь не намерен.

Кроме того, подобной политикой недавно избранный президент США собирается выполнять предвыборные обещания по созданию новых рабочих мест. Ближний Восток по-прежнему остается самым воюющим регионом мира, и воюющие режимы крайне нуждаются в оружии, которое им в первую очередь могут предложить США. Именно поэтому Трамп явно не собирается выступать в роли голубя мира, что вроде как пытался делать его предшественник. Более того, на встрече с главами 60 мусульманских государств в Саудовской Аравии он фактически открыто призвал их к конфронтации с Ираном. И на этот призыв уже откликаются даже из граничащего с Ираном Азербайджана. Так, по оценкам директора Общества гуманитарных исследований Азербайджана, конфликтолога Аваза Гасанова, иного пути, кроме как поддержки и присоединения к направленным против Ирана инициативам США, у Азербайджана нет¹.

Азербайджанский эксперт считает, что своим визитом на Ближний Восток президент США ознаменовал в отношениях Вашингтона со странами арабского и мусульманского мира новую эру, фактически отбросив на второй план собственную политику и обязательства по соблюдению

¹ http://arminfo.info/full_news.php?id=25930.

прав человека во всем мире с целью достижения союза против Ирана, «Исламского государства» и «Аль-Каиды».

«Сбор лидеров 60 мусульманских стран на арабо-исламо-американском саммите – свидетельство отсутствия у Азербайджана иного пути, кроме как поддержки и присоединения к антииранским инициативам США. И это несмотря на ожидаемо серьезное влияние Ирана с мировой арены на наш регион, в результате чего могут пострадать и интересы Азербайджана», – убежден азербайджанский конфликтолог

Таким образом, именно розыгрыш антииранской карты представляется залогом успешного завершения, разумеется, для США, ближневосточной партии Трампа, что позволит американскому президенту разобраться с соперниками и на местах. Саудовская Аравия и другие арабские сателлиты Штатов в ходе реализации этой партии, разумеется, будут нуждаться в защите от Ирана. И Штаты саудовцев как крупного клиента, конечно, не бросят и будут помогать... оружием и советами. То же, что в результате подобной комбинации Большой Ближний Восток погрузится в еще больший мрак, чем сейчас, Трампа волнует, пожалуй, в последнюю очередь. Саудовская Аравия – государство, конечно, весьма богатое, причем амбициями оно богато не в меньшей степени, чем нефтедолларами, однако предполагать, что саудовцы способны управлять Ближним Востоком, было бы, по меньшей мере, наивно. Представляется, что в этом им понадобится помощь. Поэтому итоги ближневосточного турне президента США наряду со сделанными им в Саудовской Аравии и Израиле резкими высказываниями по иранской тематике можно логически дополнить. В первую очередь достаточно четко обрисованной на встрече с Трампом президентом Израиля Реувеном Ривлином целью создаваемой под патронажем Трампа арабо-израильской коалиции. А именно изгнания Ирана из израильского приграничья – Сирии и Ливана.

Таким образом, предполагается, что направленный против Ирана союз Израиля и Саудовской Аравии способен, предельно сплотив общих врагов, радикально изменить весь комплекс взаимоотношений Израиля с арабским миром. Исходя из прежних шагов США и Израиля, можно

предположить, что свои действия арабо-израильская антииранская коалиция, по всей видимости, обоснует борьбой с «Исламским государством» на территории Ливана, Сирии и Ирака. Таким образом, уже сегодня можно ожидать проецирования застарелого вала насилия и, соответственно, хаоса дальше на восток. И все это делается посредством временного, условного, однако ощутимого перевода векторов американской внешней политики с Китая и России на Ближний Восток.

Отказ от борьбы с «теневым правительством»

В ходе своей предвыборной кампании Трамп неоднократно озвучивал намерение бороться с «внутренним правительством» к коему причислял свою соперницу Хиллари Клинтон. Последние действия Трампа на ближневосточном направлении, в частности, попытки развязывания новой войны и многомиллиардные оружейные контракты, как минимум, говорят о том, что если Трамп когда-то и хотел одолеть «внутреннее правительство» в Пентагоне, ЦРУ и других подобных ведомствах, то ему это явно не удалось. И уже сегодня он идет на поводу у, олицетворяющего военно-промышленный комплекс, генералитета и руководства транснациональных корпораций. И в данном случае то делает ли он это вынужденно или осознанно уже является вопросом третьестепенной важности. Таким образом, последние действия Трампа говорят о том, что он с отведенной ему ролью и функцией по принятию во внешней политике лишь частичных решений смирился. Как минимум, на данном этапе.

В целом, практически все развития последних лет на Большом Ближнем Востоке представляются частью большой стратегии, реализуемой США с нападения в 2003 году на Ирак. Безусловно и то, что данная стратегия перекликается с интересами все того же генералитета и ТНК. Соответственно, в этом свете Трамп может претендовать на внесение в нее в лучшем случае тактических, но уж точно не стратегических изменений. Данная стратегия по целенаправленному созданию региональной дестабилизации в первую очередь направлена против основных геополитических конкурентов США в лице Китая и России. В последнем случае

мы видим в вышеобозначенной американской стратегии определенные тактические смещения. Так, если раньше США стремились экспортировать беспорядки и хаос в Россию, к примеру, посредством событий в Чечне, то теперь в Вашингтоне пытаются втянуть Россию в хаос ближневосточный. И участие ВКС России в сирийском конфликте лучшее тому подтверждение. Однако последующие действия Москвы показали, что глубоко ввязываться в сирийский хаос, как это произошло в 1979 году в Афганистане, Россия явно не намерена. Однако ближневосточная логика событий, тем не менее, имеет свое продолжение еще в одном месте, на самых российских границах – юго-востоке Украины. Данный конфликт сегодня продолжает оставаться одной из главных угроз национальной безопасности России.

Заключение

Таким образом, тесное переплетение американо-российских отношений с ближневосточными конфликтами, иранско-израильской тематикой, украинским конфликтом по-прежнему налицо. Весь вопрос в том, к каким возможным изменениям в американской стратегии приведут уже протекающие и трансформирующиеся тактические изменения, обусловленные сменой администрации Белого дома и попыткой борьбы этой администрации с последователями администрации прежней. Дополнительным вопросом-проблемой, влияющей на весь обширный спектр американской внешней политики и, соответственно, глобальных тенденций, является задействие во внутренней борьбе за власть в США российского фактора. Последнее дает ясное представление о степени ограниченности принятия внешнеполитических решений первым лицом США. Что в свою очередь дает небольшую, но надежду на то, что ареал ближневосточного хаоса все-таки останется лимитирован существующими границами и барьерами, не затронув Иран и страны с ярко выраженным иранским присутствием и не спроецируется дальше на север и восток.

Май, 2017г.

**ՃՇԳՐՏՈՒՄՆԵՐԻ ՊԱՏՃԱՌՆԵՐԸ ԵՎ ՀԵՌԱՆԿԱՐՆԵՐԸ ԱՄՆ
ԱՐՏԱՔԻՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ**

Դավիթ Ստեփանյան

Ամփոփագիր

Հոդվածում փորձ է արվում իմաստավորել ընթացիկ գլոբալ գործընթացները համաշխարհային առաջատար տերությունների մասնակցությամբ: Ներամերիկյան քաղաքական կյանքում վերջին իրադարձությունների, ԱՄՆ-ի և Ռուսաստանի միջև հարաբերությունների, Իրանի հանդեպ ԱՄՆ նախագահ Դոնալդ Թրամփի, Սաուդյան Արաբիայի և Օոցի այլ երկրների գործողությունների հիման վրա փորձ է արվում հանգուցել դրանք մեկ շղթայում: Վերլուծվել են նաև Թրամփի վարչակազմի սկզբնական արտաքին քաղաքական գերակայությունների որոշակի կոնյունկտուրային ճշգրտումների պատճառները, առաջին հերթին՝ մերձավորարևելյան ուղղությամբ:

**ПРИЧИНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОРРЕКТИРОВОК
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США**

Давид Степанян

Резюме

В статье содержится попытка осмысления текущих глобальных процессов с участием ведущих мировых держав. На основе последних событий во внутриамериканской политической жизни, отношений между США и Россией, действий президента Дональда Трампа в отношении Ирана, Саудовской Аравии и других стран Залива, делается попытка их увязывания в единую цепь. Также предпринимается попытка анализа причин определенных конъюнктурных корректировок в первоначальных внешнеполитических приоритетах администрации Трампа. В первую очередь в ближневосточном направлении.

**THE REASONS AND PROSPECTS
OF THE CHANGES IN THE US FOREIGN POLICY**

David Stepanyan

Resume

The article tries to conceptualize the ongoing global processes with participation of global actors. Based on the recent developments in the internal American politics, relations between the USA and Russia, actions of President Donald Trump in relations to Iran, Saudi Arabia and other Gulf countries, an attempt is made to link those together in a single chain. Also the reasons for certain time-serving changes in the original foreign policy priorities of the Trump administration are analyzed, first of all with regard to the Middle East.

ВОПРОС РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПАРТНЕРСКИХ СЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

*Ваге Одабашян**

Ключевые слова: инновационные технологии, процесс создания технологий, стратегическое сотрудничество, партнерские сети.

В научной литературе и в практических ситуациях часто обсуждается вопрос значения стратегического сотрудничества в деле технологической инновации и создания инновационных технологий. В данном контексте, в особенности в свете необходимости постоянного развития сотрудничества и партнерских сетей, для предприятий подчеркивается важность диверсификации научной, образовательной, коммерческой и других форм взаимодействия, с вовлечением вузов, научно-исследовательских институтов, местных и иностранных компаний и международных организаций. Для Армении и армянских компаний в этом смысле существуют дополнительные возможности в виде потенциала армянской диаспоры. Однако следует отметить, что из числа многих тысяч специалистов армянского происхождения работающих за рубежом, лишь с немногими установлены рабочие связи, а в созданной с этой целью базе данных удалось включить информацию всего лишь о 500-х из них [1].

Для предприятий, занимающихся инновационными технологиями, развитие сотрудничества и партнерских сетей в первую очередь касается связей с **научно-образовательными и научно-исследовательскими учреждениями**. Такое сотрудничество может принимать разные формы, однако в частном секторе наиболее ценится способствование развитию инноваций с помощью передачи знаний [2 – 5]. В течении веков университеты и

* Преподаватель Национального политехнического университета Армении и Американского университета Армении, старший редактор-переводчик НОФ «Нораванк».

частные предприятия в разных странах мира сотрудничали, объединяя усилия и обмениваясь знаниями ради как собственной выгоды, так и пользы для общества. Тем не менее, в последнее время это явление удостоивается особого внимания в свете современных политических и экономических событий и в особенности относительно новой концепции «открытой инновации»¹. В действительности такое сотрудничество – дело нелегкое, потому как подразумевает некую степень взаимного доверия. Исследования показывают, что в странах с разными традициями, законодательством и системами управления, сотрудничество между научно-образовательными институтами и частными предприятиями наиболее продуктивно в условиях применения механизмов укрепления взаимного доверия [7]. Среди таких механизмов можно отметить различные платформы способствующие сетевому партнерству (например, круглые столы с участием университетов и частных компаний), четкая законодательно-правовая и договорная база, позволяющая сторонам обрести уверенность в том, что в ходе передачи знаний их интересы будут в достаточной мере защищены и т.д.

С практической точки зрения передача идей, знаний и технологий происходит несколькими не взаимоисключающими путями, наиболее распространенными из которых являются следующие:

1. Действующие технологические предприятия сами иницируют передачу новаторских знаний из научной сферы и их применение для удовлетворения собственных нужд и достижения своих целей. Для этого предприятия частного сектора могут приобрести право на использование изобретения или новаторства, либо заключить договор (т.е. предоставить заказ) на выполнение научно-исследовательских работ. В данном случае в основном речь идет об исследованиях прикладного характера, хотя в некоторых исключительных случаях возможны также заказы на фундаментальные исследования. Следует

¹ Концепция «открытой инновации» впервые была предложена Г.Чесбро в 2003г. и сразу нашла отклик как среди научно-аналитического сообщества, так и предпринимателей и менеджеров. Концепция подразумевает, что в современной действительности процесс технологической инновации больше не ограничен пределами фирмы, а охватывает широкий круг лиц и организаций вне ее, включая даже конкурентов [6].

отметить, что частные предприятия иногда просто предлагают более высокооплачиваемую работу исследователю, который занимается интересующей их областью науки и достиг в этом определенных результатов. Для руководства научного учреждения в таких случаях совершенно нецелесообразно и непродуктивно рассматривать это как потерю научного ресурса, характеризовать такие действия «заманиванием» и клеймить научного работника «предателем». Наоборот – стоит относиться к этому как к возможности расширения сети инновационного сотрудничества, сохраняя хорошие отношения с бывшим работником и налаживая через него новые связи в индустрии.

2. Научный работник или исследовательский коллектив создавший инновацию прикладного характера в НИИ или научно-образовательном заведении, часто с согласия и не без поддержки последнего основывает малое частное предприятие, отдельное от учреждения (*spin-out* или *spin-off*, т.е. «отколовшийся» или «выделевшийся») [8]. С помощью вложений, привлеченных из разных источников, новое предприятие проводит коммерциализацию результатов своих технологических инноваций. Данный образ действий особенно часто практикуется в странах, где удалось достичь высочайшего уровня и огромных успехов в области инновационных технологий, например США и Израиль.
3. Научно-образовательное или исследовательское учреждение создает у себя привлекательные условия, чтобы заинтересовать частные предприятия в проведении части или всей своей экономической и инновационной деятельности в данном учреждении. Многочисленными примерами такой практики служат технологические инкубаторы, технопарки, «инновационные зоны» и другие подобные структуры, действующие при университетах и научно-исследовательских центрах различных стран.
4. Применяются также другие многочисленные механизмы и средства поддержки и укрепления постоянной связи, обмена знаниями и опытом, которые стимулируют как непосредственные и неформальные, так и официальные и деловые контакты. Таковыми являются

встречи, собрания и взаимные визиты различного рода с участием представителей науки, образования и частного сектора, использование предприятиями экспертных и материально-технических возможностей университетов на договорных основах и т.д. [9].

Отдавая должное значению партнерства между наукой, образованием и частным сектором, отметим, что для предприятий, занимающихся инновационной деятельностью, не менее важно и **сотрудничество с местными и иностранными частными компаниями**. В этом случае к вопросу о взаимном доверии могут добавиться также проблемы возможной потери конкурентных преимуществ, создания собственными руками нового конкурента в результате предоставления доступа к своему технологическому ноу-хау и возникновения других потенциальных угроз. Однако, как обосновывает Д.Тиис, для технологической инновации требуется достаточно сложная система вспомогательных служб и технологий, которые одно предприятие вряд ли в состоянии обеспечить самостоятельно. Исследователь отмечает, что: «конкуренция имеет существенное значение для процесса инновации и для капиталистического развития экономики вообще. Однако то же самое можно сказать и про сотрудничество. <...> Чтобы добиться успеха, организации, занимающиеся инновацией должны создавать связи, направленные вверх и вниз, в сторону и горизонтально» [10]. Такую систему связей Аднер охарактеризовал как инновационную экосистему [11] (по сути – партнерская сеть), подчеркивая ее важность для технологического развития посредством сотрудничества и партнерства. Он утверждает, что многие новаторства изначально потерпели неудачу, не потому что рынки еще не были готовы к ним, а из-за того, что отдельно взятые промышленные предприятия не смогли претворить их в жизнь в одиночку и при этом не пожелали сотрудничать с другими.

Конечно, сотрудничество между предприятиями может стать реальностью, если только их руководители видят в этом будущие выгоды и размер выгод превосходит потенциальные риски. Однако достижение положительного инновационного результата обусловлено также рядом других обстоятельств. В частности, многие исследователи отмечают не-

обходимость наличия у взаимодействующих сторон трех основных динамических способностей, которые обсуждались в наших ранее опубликованных статьях¹. Речь идет о «поглощающей» способности, способности координирования и коллективной мысли.

Согласно В.Коену и Д.Левинталю, «поглощающая» (или абсорбтивная) способность² организации заключается в особом даровании восприятия ценности внешней информации, с ее дальнейшим освоением и использованием в коммерческих целях [14]. Авторы эмпирически доказали, что с точки зрения инновационного потенциала такая способность является ключевой для любой организации. Вполне логично, что без знания о событиях, изменениях и нововведениях, происходящих вне организации и их эффективного восприятия, невозможно создавать новые идеи внутри организации с перспективой на успех.

Что касается способности к координации, то она формулируется как способность синхронизации межорганизационных ресурсов и работ с целью повышения эффективности разработки новой продукции [15]. Основными элементами координации являются распределение ресурсов, задач и синхронизация действий. Ясно, что сотрудничество и, тем более, деятельность партнерских сетей требуют высокого уровня координации между вовлеченными участниками, а чем теснее и продуктивнее координация, тем больше вероятность достижения конфигурации, где появляются новые функциональные компетенции, способствующие инновациям.

Наконец, третья динамическая способность, коллективная мысль, означает способность к осмотрительной интеграции своих разнообразных и неважно связанных интеллектуальных ресурсов в коллективную систему через вклад, представительство и субординацию [16]. Коллективная мысль помогает определяться со своим поведением и реакциями на новую ситуацию и преобразовывать свои предприятия должным образом. Это позволяет адаптироваться к требованиям и тенденциям рынков, а также находить новые решения для них в виде инновационных технологий, товаров и услуг.

¹ В статьях [12] и [13], опубликованных в соавторстве с А.Манукьяном и Х.Хасаб-Эльнаби, подробно освещено влияние партнерства и вытекающей из нее синергии на процесс коммерциализации технологий, в контексте чего обсуждаются также указанные способности предприятий.

² *Absorptive capacity* (англ.) имеется ввиду способность к поглощению новой информации и знаний.

Таким образом, «благородное стремление» к сотрудничеству и даже приложение усилий в этом направлении еще не означают, что успех обеспечен. Нужно еще и уметь это делать, обладая как минимум тремя вышеизложенными навыками как на уровне отдельных работников и руководителей, так и предприятия в целом, выступающего в качестве юридического лица. Эти способности, очевидно, являются залогом успехов для процесса создания новаторских технологий через сотрудничество, без которого в современной экономике трудно представить осуществление каких-либо инноваций.

Развитие науки, технологий и инноваций лишь отчасти обусловлено рыночными механизмами. В этом вопросе важнейшую роль играет государственная поддержка. Закономерно, что во всех странах мира львиная доля финансирования научных исследований принадлежит государству, а государственная поддержка инновационной сферы в той или иной степени осуществляется как в экономически развитых, так и в некоторых развивающихся странах. Применяются разные формы государственной поддержки, в частности, налоговые льготы и преференции, бесплатные консультации, механизмы поощрения финансирования инновационной деятельности в частном секторе и даже прямое финансирование [17]. В государствах с переходной экономикой, особенно в небольших странах как Республика Армения, предоставление государственной поддержки проблематично, не только из-за того, что спрос по отношению к инновациям низок в условиях малого масштаба рынка, но и потому, что размеры государственного бюджета не позволяют осуществлять осязаемые вложения в сферах науки и инновации. Многие данные, исследования и анализы подтверждают это¹. При таких условиях довольно значимую роль может играть **сотрудничество с международными научными фондами и программами, организациями-донорами** и другими структурами подобного рода. Безусловно, развитие технологической инновации в стране или даже в отдельно взятом предприятии нельзя основывать только на поддержке от подобных организаций, хотя бы потому, что их ресурсы ограничены и каждая из них имеет свои четко обозначенные отраслевые, региональные и другие при-

¹ Например, см. [9].

оритеты, намерения и цели [18]. Данное обстоятельство иногда приводит к нежелательному явлению, когда НИИ, научно-образовательные заведения, инновационные предприятия или исследователи ради финансирования и других выгод истекающих из сотрудничества стараются «приспособить» свою работу к требованиям имеющихся международных программ и действующих в стране организаций-доноров, часто в значительной мере отклоняясь от своего научно-исследовательского направления или временно (как они предполагают) отказываясь от предначертанного пути разработки инновационной продукции.

В данном контексте следует также помнить о вероятности специально направленного «дурного» или диверсионного влияния со стороны отдельных иностранных организаций, которые преследуют такие цели, как «подсказать» государственным или частным научным структурам выполнение непродуктивных исследовательских работ (например программа «Ложная цель» (*False aim*)), или проводить политику грантов, которая побуждает исследователей выполнять «имитационную» работу и решать неактуальные задачи (например операция *Spoilt Weapon*, т.е. «Испорченное оружие», что несколько вольно можно также перевести как «Портящее оружие», учитывая те грантовые суммы, которыми завлекали исследователей) [19].

Искренне надеюсь, что подобные методы не применялись по отношению к Армении, следует все же учитывать некоторые отрицательные аспекты, связанные с работой по грантам и договорам с организациями-донорами. Например, интеллектуальная собственность, созданная в результате сотрудничества с иностранными или международными структурами, не всегда принадлежит ее создателям, вследствие чего последние часто начинают небрежно или чисто формально относиться к такой работе, что в итоге распространяется как заразная болезнь и неблагоприятно влияет на общую атмосферу и дух новаторства в коллективе. К тому же, сотрудничество с организациями-донорами почти всегда предполагает следование четко определенным процедурам, ведение значительного объема административной документации и строгой бумажной отчетности. Хотя такая бюрократия вполне естественна и ее причины понятны, она при этом довольно трудоемка и занимает много времени, что в свою

очередь отвлекает творческий персонал от собственно инновационной деятельности. Еще в 2007г. о существовании всех этих отрицательных сторон автор предупреждал участников региональной конференции по продвижению инноваций в бизнес-инкубаторах и технопарках Восточной Европы и Центральной Азии [20]. Это предупреждение основывалось на собственном опыте работы на руководящей должности в компании, занимающейся технологической инновацией, и на опыте сотрудничества в этом качестве с 6-ой Рамочной программой Европейского союза по развитию научных исследований и технологий (*FP6*), американской программой «Глобальные инициативы по предотвращению распространения ОМП» (*GIPP*), Международным научно-техническим центром (МНТЦ) и другими международными фондами.

Однако тот же собственный опыт свидетельствует о том, что при правильной организации и эффективном управлении такое сотрудничество может приносить большую пользу, освобождая денежные средства предприятия для использования в целевых инновационных исследованиях, позволяя приобретать мощное, современное оборудование и материально-технические средства, принимать на работу молодых, одаренных научных работников, создавать новую интеллектуальную собственность и, в конце концов, достигать больших инновационных результатов. Следует признать, что в Армении международные фонды и программы, организации-доноры и подобные структуры сыграли определенную роль хотя бы в выживании многих научных организаций и инновационных групп. Как обоснованно заметил Дж.Сакс, в странах, где государственная поддержка науки и технологий практически отсутствует, финансирование со стороны доноров и сотрудничество с ними имеет критическое значение [21].

Таким образом, анализируя проблему развития сотрудничества и партнерских сетей в процессе создания инновационных технологий, были выделены ее следующие основные составляющие:

- Императив сотрудничества с научно-образовательными и научно-исследовательскими институтами;
- Необходимость сотрудничества с местными и зарубежными частными компаниями;

- Нужда в сотрудничестве с международными научными фондами и программами, организациями-донорами и другими структурами подобного рода.

Степень важности этих компонентов была изучена с помощью опроса среди более чем 100 предприятий и групп занимающихся инновационной деятельностью в Республике Армения. Результаты и анализ проведенного исследования будут опубликованы в ближайшем будущем.

Сентябрь, 2017г.

Источники и литература

1. Միջուրքի գիտավերլուծական հանրությունը. կազմակերպչական խնդիրներ և համագործակցության հեռանկարներ. – Եր., «Նորավանք» ԳԿՀ, 2013 (Научно-аналитическое сообщество Диаспоры: рпанизационные вопроорсы и перспективы сотрудничества. – Ер., НОФ «Нораванк», 2013, на арм.яз.) www.noravank.am/upload/pdf/SPYURQI_GITAVERLUCAKAN_HANRUTYUNY.pdf.
2. Gilbert M., Cordey-Hayes M., Understanding the process of knowledge transfer to achieve successful technological innovation // Technovation. Vol.16, №6, pp. 301-312, 1996.
3. Գալստյան Հ. Ն., Մտավոր կապիտալի սահմանման չափանիշները ժամանակակից տնտեսությունում. Լրաբեր Հասարակական Գիտությունների, №2, էջ 186-192, 2007 (Галстян Г.Н., Параметры определения интеллектуального капитала в современной экономике // Вестник общественных наук, №2, сс. 186-192, 2007, на арм.яз.)
4. Емельянова Е.А., Передача неявных знаний как фактор формирования кластеров и повышения инновационной активности бизнеса // Современные проблемы науки и образования. №1, с. 232, 2012.
5. Breznitz S.M., Etkowitz H., University technology transfer: the globalization of academic innovation. – Abingdon, UK: Routledge, 482 p., 2016.
6. Chesbrough H., Open Innovation: The new imperative for creating and profiting from technology. – Boston, MA: Harvard Business School Press, 227 p. 2003.
7. Hemmert M., Bstieler L., Okamuro H., Bridging the cultural divide: trust formation in university-research collaborations in the US, Japan, and South Korea // Technovation, №34(10), pp. 605-616, 2014.
8. Pattnaik P. N., Pandey S. C., University Spinoffs: What, Why, and How? // Technology Innovation Management Review, №4(12), pp. 44-50, 2014.
9. Օդաբաշյան Վ., Նորարարություն և ինովացիոն տեխնոլոգիաներ. խնդիրներ և լուծումներ: «21-րդ ԴԱԸ», №5 (69), էջ 47-68, 2016 (Одабашян В., Новация и инновационные технологии: проблемы и решения // «21 ДАР», №5 (69), сс. 47-68, 2016, на арм.яз.)

10. Teece D.J., Competition, cooperation, and innovation: Organizational arrangements for regimes of rapid technological progress // Journal of Economic Behavior & Organization, №18(1), pp. 1-25, 1992.
11. Adner R., Match your innovation strategy to your innovation ecosystem // Harvard Business Review, №84(4), pp. 98-107, 2006
12. Manoukian A., HassabElnaby H.R., Odabashian V., A proposed framework for renewable energy technology commercialization and partnership synergy: A case study approach // American Journal of Business, №30(2), pp. 147-174, 2015.
13. Manoukian A., HassabElnaby H.R., Odabashian V., Technology Commercialization Review: Aiming at a Fresher Perspective Based on Partnership Synergy // International Journal of Management Research and Reviews, №5(7), pp. 488-520, 2015.
14. Cohen W.M., Levinthal D.A., Absorptive capacity: A new perspective on learning and innovation // Administrative Science Quarterly. Vol. 35, №1, Special Issue: Technology, Organizations, and Innovation, pp. 128-152, 1990.
15. Crowston K., A coordination theory approach to organizational process design // Organization Science, Vol. 8 №2, pp. 157-175, 1997.
16. Weick K.E., Roberts K.H., Collective mind in organizations: heedful interrelating on flight decks // Administrative Science Quarterly, Vol. 38, №3, pp. 357-381, 1993.
17. Ավետիսյան Հ. Ս., Ինովացիոն ֆինանսավորման հնարավոր աղբյուրներ և կառուցվարձեր: Լրաբեր Հասարակական Գիտությունների, №1, էջ 133-138, 2009 (Аветисян Г.С., Возможные источники и регламенты инновационного финансирования // Вестник общественных наук, №1, էջ 133-138, 2009, на арм.яз.).
18. Тихонова О.П., Участие и роль государства в финансировании инновационных процессов // Управление экономическими системами, №10(70), с. 32, 2014.
19. Арутюнян Г., Гриняев С., Арзуманян Р., Информационные войны новой формации // 21-й Век, #3 (40), сс. 5-15, 2016.
20. Odabashian V., Financing Innovation and Technology: H2 ECOnomy's Case, Advancing Innovation in ECA 2007 Conference, Yerevan, Armenia, September 17-20, 2007.
21. Sachs J., The global innovation divide // in Innovation Policy and the Economy, Volume 3, Jaffe A. B., Lerner J., Stern S (eds.). – Cambridge, MA London: MIT Press, pp. 131-141, 2003.

**ՀԱՄԱԳՈՐԾԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԳՈՐԾԸՆԿԵՐԱՅԻՆ ՑԱՆՑԻ
ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐԸ ՆՈՐԱՐԱՐԱԿԱՆ ՏԵԽՆՈԼՈԳԻԱՆԵՐԻ
ՍՏԵՂԾՄԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՈՒՄ**

Վահե Օդաբաշյան

Ամփոփագիր

Ռազմավարական համագործակցության հարցը տեխնոլոգիական նորարարության ոլորտի հիմնախնդիրներից է: Հոդվածում դիտարկվում են նորարարական տեխնոլոգիաների ստեղծման գործընթացում համագործակցության և

գործընկերային ցանցերի զարգացման տարբեր կողմերը, հնարավորությունները և ռիսկերը: Գրականության վերլուծության, ինովացիոն ձեռնարկությունների գործելակերպի և հեղինակի սեփական փորձի հիման վրա բացահայտվում են վերոնշյալ գործընթացի կառավարման տեսանկյունից տվյալ հիմնախնդրի համար առավել կարևորվող համապատասխան բաղադրիչ ենթախնդիրները:

ВОПРОС РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПАРТНЕРСКИХ СЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Vahe Odabashian

Резюме

Одной из основных проблем в области технологической инновации является вопрос стратегического сотрудничества. В статье рассматриваются различные аспекты, возможности и риски, связанные с развитием сотрудничества и партнерских сетей в процессе создания инновационных технологий. На основе анализа научной литературы, практики инновационных предприятий и собственного опыта автора для данной проблемы выявляются соответствующие компоненты-подпроблемы, которые наиболее важны с точки зрения управления вышеупомянутым процессом.

THE ISSUE OF DEVELOPING COOPERATION AND PARTNERSHIP NETWORKS IN THE PROCESS OF CREATION OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES

Vahe Odabashian

Resume

Strategic cooperation is one of the main issues in the area of technology innovation. The article examines various aspects, opportunities and risks related to developing cooperation and partnership networks in the process of creating innovative technologies. Based on an analysis of literature, practices of innovative enterprises and author's own experiences, the relevant components/sub-problems are uncovered for the given issue that are most important from the management perspective of the mentioned process.

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ АРМЕНИИ С ДИВЕРСИФИЦИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКОЙ

*Ишхан Сохакян**

Ключевые слова: энергетика, Республика Армения, геоэкономические ресурсы, диверсифицированная экономика.

Очевидно, что растущие энергетические потребности человечества не могут быть удовлетворены на базе сложившейся на последней фазе развития индустриального общества модели развития энергосектора, его технической базы.

Энергосектор Армении является одной из самых привлекательных и ресурсообеспеченных сфер применения инноваций, в том числе и базисных. Это связано с его особой ролью в качестве основного моста, которым страна связана с мировой экономикой и развивающимися в ней процессами глобализации. Но надо учитывать, что для Армении основным партнером развития остается Россия, и вот почему.

В процессе напряженной борьбы за власть, в результате распределения государственной собственности были созданы серьёзные геоэкономические и политические структуры – «Российская энергетическая компания», «Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Транснефть», «Росвооружение» и многие другие в сфере энергетики, добычи алмазов и золота, производства вооружений и высокотехнологичной продукции. Данные компании в различной мере интегрированы с внешней политикой России, участвуют в продолжающемся процессе приобретения новых позиций.

Эти крупнейшие российские компании образованы в результате клановых, практически противозаконных сделок, при определенной внутренней и внешней политической поддержке. В России нет условий

* К.э.н.

для политической поддержки компаний со стороны оппозиционных политических партий, что объясняется политико-идеологическими разногласиями правящей элиты, принадлежащей к правоцентристским консервативным силам с либеральными политическими организациями.

Сейчас и в длительной перспективе главным геоэкономическим ресурсом и инструментарием России остается энергетика: нефть, газ, атомное топливо.

Геоэкономическая сфера стала наиболее успешной, если иметь в виду небывалое экономическое и военно-политическое ослабление России.

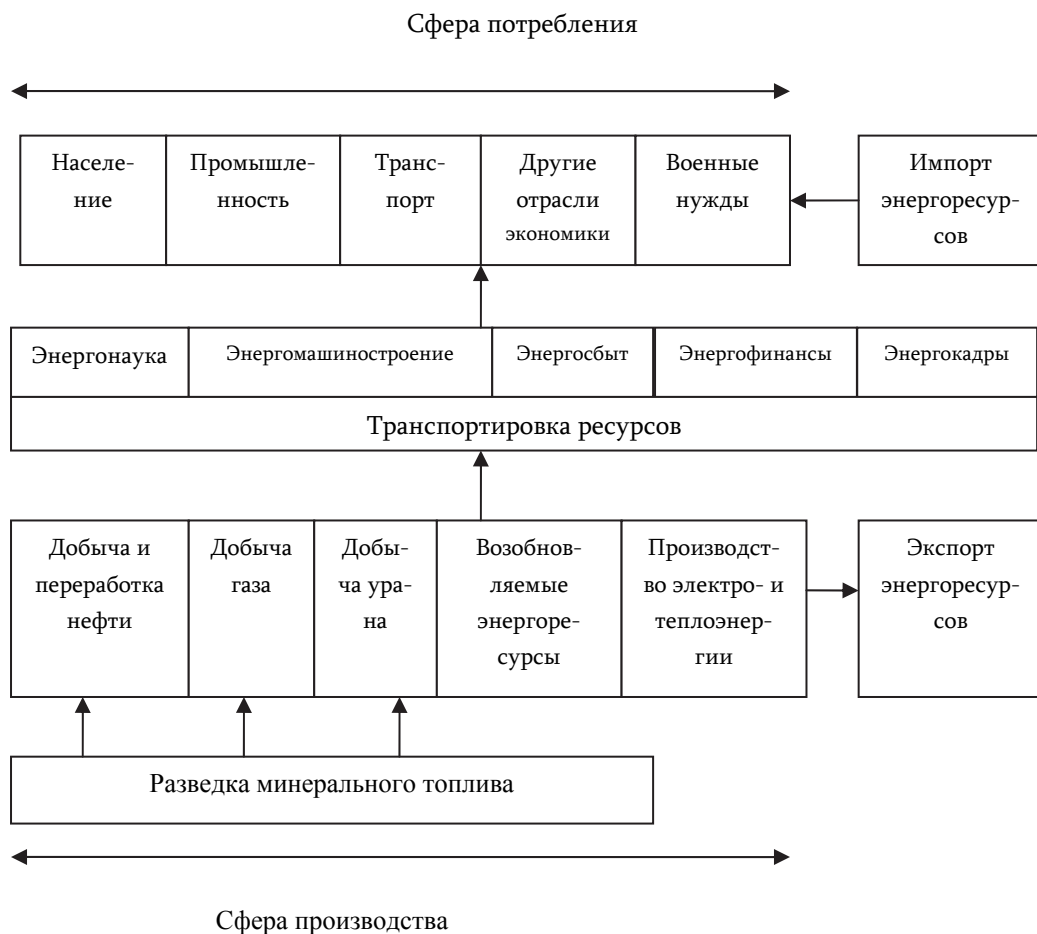
Для России выяснение инновационных приоритетов в энергосекторе имеет важнейшее значение, не только потому, что в силу больших запасов минерального топлива и климатических условий топливно-энергетический комплекс является крупнейшим источником ВВП и полем занятости миллионов работников, но и вследствие особого места страны в энергообеспечении ряда стран Европы и Азии, определяющего роль и судьбу России в глобальном экономическом и энергетическом пространстве.

В данном виде понимание энергосектора экономики более широкое, чем в традиционном представлении о топливно-энергетическом комплексе.

За период с 1989 года Россия сумела значительно укрепить и приобрести новые позиции на самом престижном и платёжеспособном европейском газовом рынке, существенно увеличив поставки газа в различные страны Европы. Предприняты серьёзные шаги по проникновению российского газа в Турцию. Рассматриваются проекты экспорта газа в Китай, Корею и Японию.

Россия предпринимает активные шаги по использованию своих преимуществ в энергетике для восстановления утраченных политических позиции в Южном Кавказе, в Каспийском бассейне и Центральной Азии.

Азербайджан нуждается в российском газе и мазуте для замещения своих нефтяных ресурсов, которые выгодно экспортировать. При этом надо учитывать, что энергосистема Азербайджана стала убыточной.

От решения вопросов надежных поставок российского газа зависит политическая и социально-экономическая ситуация в Грузии, Армении и Азербайджане. Отсутствие заинтересованности России в сооружении нефтепровода Баку-Джейхан стало причиной высокой проблематичности данного проекта.

Политика правительства Армении в последнее время была направлена на максимальную интеграцию энергосистемы Армении с российской энергосистемой. Возможно, Армения сумела бы решить проблемы обеспечения топливом атомной станции, рентабельного функционирования и технического развития теплоэнергетики – Разданской и Ереван-

ских тепловых электростанций, импорта природного газа из Ирана, развития энергораспределительной системы. Но это, несомненно, потребует крупных внешних заимствований, что увеличит и без того огромный внешний долг.

В условиях принятых решений и достигнутых армяно-российских договоренностей в сфере энергетики Армения имеет возможность заниматься развитием своей энергетики с более предпочтительных позиции, а именно с решения двух кардинальных задач:

1. организация импорта иранского газа посредством иранской газотранспортной системы
2. сооружение второй атомной электростанции (или нового блока), без которой трудно представить благополучие существования армянского государства.

Однако передача 1865 тыс. кВт мощностей базовой энергетики из 3560 тыс. кВт (52%) имеющихся в Армении электрогенерирующих мощностей России, при всех благоприятных условиях военно-политического сотрудничества, привело к возрастанию зависимости Армении. Поэтому перед нами стоит задача максимально нивелировать это положение. Идея об экспортной ориентации армянской энергетики, в которой заинтересованы российские электроэнергетические компании, не приносит Армении политических выгод.

Надо также учитывать, что Армения имеет возможности создать производство электролизного алюминия и алюминиевого проката, металлического молибдена, рафинированной меди и медного проката. Армения, обладающая 2.0 млрд. запасами алюминиевого сырья и сотнями миллионов тонн руды, содержащей редкоземельные элементы, и возможностями для производства новых материалов, могла бы стать поставщиком не только традиционных видов цветных металлов, но и композиционных материалов. Данные производства в целесообразных объёмах потребуют от 4.5 до 6.5 млрд. кВт электроэнергии.

При реализации этих задач у Армении появляется шанс стать субъектом в региональной геоэкономической ситуации.

Решая данные задачи, Армения в части энерготранзита будет занимать гораздо более благоприятные позиции, чем даже наши соседи. Сооружение в Армении пятого энергоблока Разданской ТЭС мощностью 500 тыс. кВт приведет к образованию новой геоэкономической и политической ситуации на Южном Кавказе, так как противники Армении столкнутся с новыми условиями, когда Армения действительно станет индустриальной страной с диверсифицированной экономикой.

Июнь, 2017г.

**ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԴԻՎԵՐՍԻՖԻԿԱՑՎԱԾ ՏՆՏԵՍՈՒԹՅԱՄԲ
ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՀՆԱՐԱՎՈՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ**

Իշխան Սոխակյան

Ամփոփագիր

Հայաստանի էներգետիկ սեկտորը ներդրումների կիրառման ամենագրավիչ և ռեսուրսներով ապահովված ոլորտներից է, այդ թվում և բազիսային: Դա կապված է նրա հատուկ դերի հետ՝ որպես հիմնական կամուրջ, որով երկիրը կապված է համաշխարհային տնտեսության և նրանում զարգացող գլոբալացման գործընթացների հետ:

Լուծելով էներգետիկ սեկտորի զարգացման խնդիրները՝ Հայաստանն ավելի նպաստավոր դիրքեր կզբաղեցնի: Հայաստանում Հրազդանի ՋԷԿ-ի հինգերորդ էներգաբլոկի կառուցումը կհանգեցնի նոր աշխարհատնտեսական և քաղաքական իրավիճակի ստեղծման Հարավային Կովկասում, քանի որ Հայաստանի հակառակորդները կհայտնվեն նոր պայմաններում, երբ Հայաստանն իսկապես կդառնա դիվերսիֆիկացված տնտեսությամբ արդյունաբերական երկիր:

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ АРМЕНИИ С ДИВЕРСИФИЦИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Ишхан Сохакян

Резюме

Энергосектор Армении является одной из самых привлекательных и ресурсообеспеченных сфер применения инноваций, в том числе и базисных. Это связано с его особой ролью в качестве основного моста, которым страна связана с мировой экономикой и развивающимися в ней процессами глобализации.

Решая задачи развития энергосектора, Армения займет более благоприятные позиции. Сооружение в Армении пятого энергоблока Разданской ТЭС приведет к образованию новой геоэкономической и политической ситуации на Южном Кавказе, так как противники Армении столкнутся с новыми условиями, когда Армения действительно станет индустриальной страной с диверсифицированной экономикой.

OPPORTUNITIES FOR ARMENIA'S DEVELOPMENT WITH DIVERSIFIED ECONOMY

Ishkhan Sokhakyán

Resume

The energy sector of Armenia is one of the most attractive and well-resourced industries for innovations, including the fundamental ones. This circumstance is related to the sector's special role as a main bridge through which the country is connected with the world economy and processes of globalization occurring there.

Armenia can gain better positions by solving the issues of energy sector development. Construction of the fifth unit of Hrazdan TPP would bring about a new geo-economic and political situation in South Caucasus, as the opponents of Armenia would encounter with new conditions, whereby Armenia might become an industrial nation with diversified economy.

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НКР В УСЛОВИЯХ ТРАНСПОРТНОЙ БЛОКАДЫ¹

Ваге Давтян^{}, Армен Арутюнян^{**}, Лиана Самвелян^{***}*

Ключевые слова: Нагорно-Карабахская Республика, торговля экспорт, независимость, транспортная блокада.

Исторические предпосылки

После того, как в 1822г. Карабахское ханство было преобразовано в российскую провинцию, торговые караваны стали свободно двигаться по карабахским дорогам. Именно в этот период началось строительство транспортной инфраструктуры. В 1823-1825гг. была проложена дорога от Майраберг-Аскерана в крепость Шуши и оттуда до Амараса, до этого же был построен отрезок Джульфа-Баку, а в 1912г. к северу от г.Степанакерт была открыта железнодорожная станция Закавказской железной дороги, законсервированная в связи политической обстановкой в 1989г. [1].

Нагорный Карабах и, в частности, город Шуши были связаны с внешним миром в основном двумя дорогами, имеющими военно-стратегическое значение. Одна проходила через Ереванские ворота и связывала Карабах с Сюником, Нахичеваном и другими армянскими областями, а другая – через Елизаветпольские ворота и протягивалась до Персии, Грузии, Каспийского края и России. Эти дороги сыграли огромную роль в становлении г.Шуши как одного из основных торгово-экономических центров Восточной Армении и всего Закавказья.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного комитета по науке МОН РА в рамках научного проекта № 16YR-5F072.

^{*} Кандидат политических наук, доцент Российско-Армянского университета, руководитель исследовательской группы.

^{**} Старший преподаватель кафедры политологии Российско-Армянского университета.

^{***} Магистрант Американского университета Армении.

В 1840г. в Закавказье были образованы Грузино-Имеретинская губерния и Каспийская область. Армянская область вошла в состав губернии, а Карабах – в Каспийскую область. Карабахская провинция стала уездом из шести участков: Зангезурского, Мегринского, Варандинского, Челябинского, Кяберлинского и Джеванширского [2, с. 7]. Были образованы уездное и участковое управления на основе русского законодательства, охватывающего также вопросы строительства транспортных инфраструктур.

Ситуация резко изменилась после советизации стран региона и вхождения Нагорного Карабаха в состав Азербайджанской ССР. Как известно, 10 августа 1920г. на основе соглашения между Республикой Армения и РСФСР Карабах, Зангезур и Нахичеван были признаны спорными районами. В эти территории предусматривался ввод советских войск для определения статуса, мирного урегулирования территориального конфликта между Арменией и Азербайджаном. Было заявлено об отсутствии предвзятости у советской стороны, однако наличие «советской власти» в Азербайджане и национально-дашнакского правительства в Армении ставило под сомнение декларируемую объективность. Установление советской власти в Армении побудило ревком Азербайджана признать Нагорный Карабах, Зангезур и Нахичеван составными частями Армянской ССР. 4 июля 1921г. пленум Кавказского бюро ЦК РКП(б) принял решение о передаче Нагорного Карабаха в состав Армении, однако на следующий день, без обсуждения и голосования, он был подарен Азербайджану в качестве «областной автономии». Постановление явилось проявлением стратегического замысла превратить Азербайджан в «форпост социализма на Востоке», воздействующий на Иран и Турцию. Под попечительством Азербайджана, благодаря усилиям Турции, оказалась и Нахичеванская автономная область [2, сс. 8-9].

В течение всех последующих лет пребывания НКАО в составе Азербайджанской ССР на территории автономии не строились дороги с твердым покрытием, а уже эксплуатируемые дороги в течение многих десятилетий не благоустраивались и не реконструировались. При изучении карт 1926 и 1930 гг. становится ясно, что в результате государственной политики по изоляции армян Нагорного Карабаха буквально за несколь-

ко лет изменилось расположение границ между Арменией и Карабахом. Как видно из карты 1926г., Армянская ССР и НКАО связаны между собой единой границей, более того, Нахичеванская АССР не имела общей границы с Турцией [1].

Однако начиная с 1930г. границы между Армянской ССР и НКАО были значительно изменены, на карте уже появился Лачинский коридор, а Нахичеванская АССР уже имела общую границу с Турцией [1].

Экономическое значение Лачинского коридора

Важными показателями социально-экономического развития территории являются уровень ее транспортной обеспеченности, состояние, плотность и конфигурация дорожной сети. Единственная железная дорога – Агдам-Степанакерт, функционирующая в Нагорном Карабахе в советский период, имеющая протяженность 18 км, располагала небольшим удельным весом в общем объеме грузовых перевозок. Основным видом транспорта Нагорного Карабаха являлся автомобильный. Главными дорогами, пересекающими территорию НКАО, были Евлах-Лачин и Евлах-Кельбаджар. Они имели союзно-республиканское значение и содержались в более или менее удовлетворительном положении. В крайне плохом состоянии находились местные дороги, не говоря уже о том, что многие селения вообще не имели непосредственной транспортной связи с районными и областными центрами. Дорожная сеть была построена таким образом, чтобы эта связь осуществлялась через соседние районы, расположенные за пределами автономной области. Была искусственно затруднена транспортная связь НКАО с Армянской ССР, хотя их разделял коридор шириной в 7 км. В условиях крайне плохого состояния этого участка дороги автомашины из НКАО в Армянскую ССР и обратно вынуждены были проезжать сотни километров по территории Азербайджанской ССР через Казах-Кировабад-Евлах-Агдам [3, с. 15].

Проявлением и результатом явной политизации экономики и азербайджанского национализма, а также стремления изолировать НКАО от внешнего мира являются ее крайне слабые экономические связи с другими республиками СССР и, особенно, с Армянской ССР. По данным азербайджанской прессы, в экономических связях НКАО доля оборота с Грузинской и Армянской ССР составляла лишь 2%. На долю Армянской ССР приходилось всего 0,3% общей стоимости вывоза из области и 1,4% ввоза в область. Как было отмечено на заседании Президиума Верховного Совета СССР, связи НКАО даже с районами Азербайджана деформированы и не имеют взаимовыгодного характера [3, с. 16].

Сложилась ситуация, когда армяне Карабаха не могли полноценно использовать уже имеющуюся транспортную инфраструктуру, особенно с

целью развития торговых связей с Армянской ССР. В частности, чтобы осуществить перевозку грузов или пассажиров из НКАО в Армянскую ССР, вместо 10-15 км надо было проехать более чем 400-километровую дорогу, пролегающую по территории Азербайджана. Таким образом, лачинский отрезок дороги годами не ремонтировался, в то время как для армян Нагорного Карабаха эта дорога имела как экономическое, так и морально-психологическое значение. Конечной целью блокадной политики властей Советского Азербайджана, разумеется, являлась депортация армян из Карабаха. Надо отметить, что данная политика привела к определенным результатам. В 1923г. численность армян Карабаха составляла 149,6 тыс. чел., или 94,8%, а в 1979г. – 123, 1 тыс. чел., или 75,9%. Количество азербайджанцев, соответственно, составило 7,7 тыс. чел. (4,9%) и 37,7 тыс. чел. (23%), т.е. выросло в пять раз [4, сс. 22-28]. Значительный вклад в этот процесс внес политический лидер Азербайджана Гейдар Алиев, заявлявший: «Благодаря мне сократилось армянское население Карабаха» [5, сс. 11-12].

Осознавая стратегическое, политико-экономическое значение Лачинского коридора, после его освобождения армянской стороной велась политика его скорейшей реконструкции и восстановления исторической сухопутной связи между двумя армянскими государствами. С взятием Лачинского коридора была прорвана блокада Нагорного Карабаха и образован коридор в Армению, открывший возможности для военной и гуманитарной помощи. Отметим, что в октябре 1992 г. Азербайджаном была предпринята военная операция по возвращению контроля над коридором, которая закончилась полным провалом [6, с. 269].

До освобождения Лачинского района Нагорный Карабах пребывал в условиях жесточайшей экономической блокады. Было прекращено электро- и газоснабжение. Единственным и весьма опасным методом переправки в Карабах необходимых боеприпасов, продуктов питания, лекарств были авиаперевозки с применением многоцелевых вертолетов «Ми-8» и приспособленных для грузоперевозок пассажирских самолетов «ЯК-40» и «АН-2» [7].

Наличие сухопутной связи между Арменией и Нагорным Карабахом было одним из основных условий, поставленных Арменией в рамках

переговорного процесса. Со своей стороны Азербайджан настаивал на освобождении коридора как оккупированной территории. Начиная с 1997г. стороны пришли к соглашению о рассмотрении вопроса Лачина отдельно. С целью решения проблемы Лачинского коридора выдвигались предложения об одновременном создании под международной протекцией особого режима на данной территории и в районе Мегри, а также предложения об обмене территориями [8, с. 91]. Один из сценариев по обмену территориями был назван «планом Гобла» в честь бывшего сотрудника Государственного департамента США Пола Гобла, составившего в 1992г. меморандум, выдвигавший идею решения карабахской проблемы посредством обмена территориями. Согласно плану, Азербайджану предлагался коридор через Мегринский район Армении, соединяющий его с Нахичеванью, в обмен на Лачинский коридор между Нагорным Карабахом и Арменией. Отметим, что этот «план Гобла» обсуждался на встрече Гейдара Алиева и Роберта Кочаряна в Вашингтоне в апреле 1999г., однако был отвергнут представителями азербайджанской элиты. Вследствие разногласий по этому вопросу ряд высокопоставленных чиновников Азербайджана подали в отставку, среди которых были министр иностранных дел Тофик Зульфугаров и руководитель администрации президента Эльдар Намазов. План вызвал большую полемику также в Армении, для которой потеря Мегри означала бы потерю границы с Ираном [9, сс. 310-312]. В настоящий момент по ущелью проходит автодорога Ереван-Горис-Степанакерт, которая является единственным путем, связывающим Нагорно-Карабахскую Республику с Арменией.

«Закавказский тигр»

Как известно, в академической литературе и СМИ понятие «экономические тигры» применяется в отношении к странам, демонстрирующим высокие темпы экономического роста (см., например, «четыре азиатских тигра», «кельтский тигр», «балтийский тигр», «балканский тигр», «татранский тигр» и т.д.). В июле 2014г. российский телеканал РБК охарактеризовал Нагорно-Карабахскую Республику как «закавказского тигра» ввиду быстрого экономического роста. Достаточно отметить, что экономиче-

ский рост в НКР по итогам 2015г. составил 9,1%, в 2016г. – 9,2%, при этом в 2007г. данный показатель равнялся 8,8%, а в 2008г. был совершен значительный рывок с достижением 14,3% экономического роста [10].

Вместе с тем проблемы внешней торговли для Нагорно-Карабахской Республики сохраняют актуальность по сей день. Если в советские годы транспортные инфраструктуры целенаправленно уничтожались со стороны властей Азербайджанской ССР, то сегодня проблемы экспорта в первую очередь связаны с непризнанным статусом НКР.

Ввиду непризнанности НКР сегодня осуществляет внешнюю торговлю через зарегистрированные в Армении юридические лица и выходит на международный рынок с надписью «*made in Armenia*». В настоящее время торговля является одним из самых динамично развивающихся направлений экономики НКР. Достаточно отметить, что по данным 2007г., 87,7% субъектов бизнес-регистра НКР составили представители торговли и услуг. При этом в 2010г. потребительский рынок НКР составил 98,4 млрд. драмов, 82,7% которых было обеспечено за счет розничной торговли.

Основными экспортными направлениями НКР, реализуемыми через территорию Республики Армения, являются товары легкой, пищевой, машиностроительной, деревообрабатывающей промышленности, а также стройматериалы. Среди основных статей экспорта можно выделить ковры, кожаную обувь, конденсаторы, коньяк, вина, тутовую водку, консервированные фрукты и овощи. Значительный рост торговой активности НКР выпадает на 2010г., когда общий объем внешнеторгового оборота составил \$348,2 млн., из которых: экспорт – \$74,8 млн., импорт – \$273,4 млн. При этом 94,7% внешней торговли осуществляется со странами СНГ.

По данным Национальной статистической службы НКР, по итогам 2016г. объем внешнеторгового оборота НКР составил 162 млрд. драмов, или \$338 млрд. из которых экспорт составил 38,9 млрд. драмов (\$81,1 млн.), а импорт – 123,2 млрд. драмов (\$256,9 млн.). Важно отметить, что по сравнению с 2015г. объем внешнеторгового оборота в НКР увеличился на 7,4%, при этом экспорт – на 30,6%, импорт – на 1,7%, а отрицательный торговый баланс, таким образом, понизился на 7,7%.

Очевидно, что повышение внешнеторговых показателей в НКР напрямую сопряжено с ростом валового внутреннего продукта (ВВП), который в 2016г. составил 229,7 млрд. драмов вместо 209,3 млрд. драмов в 2015г. Вместе с тем важно отметить, что за 2016г. в НКР были произведены промышленные товары стоимостью 59 млрд. драмов и было реализовано готовой продукции стоимостью 58,6 млрд. драмов [10].

Как известно, с 2008г. по 2013г. официальный Ереван вел активные переговоры по подписанию соглашения об ассоциации с Европейским Союзом. С первых дней переговоров на предмет европейской интеграции, а также после 2013г., в рамках переговорного процесса по вступлению Армении в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), одним из самых актуальных вопросов для армянской стороны являлся дальнейший статус Нагорного Карабаха при вступлении Республики Армения в ту или иную организацию. Можно констатировать, что членство Армении в ЕАЭС открывает для НКР дополнительные возможности, так как позволяет активизировать товарооборот и привлечь инвесторов. Следует отметить, что за последние три года экспорт в Россию из Армении, в основном состоящий из продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности, вырос на 87%. Товарооборот между двумя странами вырос более чем на 10% [11], что, разумеется, было обеспечено в том числе ввиду торговой активности НКР. Как пишет Т.Манасерян, в процессе евразийской интеграции «...немаловажен вопрос Нагорного Карабаха, который де-факто является частью Армении, и со вступлением последней в союз она фактически выйдет на новый, огромный рынок. Было бы желательно, чтобы Нагорный Карабах также вступил в ЕврАзЭС как самостоятельный субъект, что также положительно повлияет на разрешение данного конфликта с Азербайджаном, особенно, если последний также присоединится к указанной форме экономической интеграции» [12].

В целом, товары из НКР экспортируются в страны СНГ, преимущественно в Армению и Россию (95%), Китай, Италию, Францию, Иран и Великобританию. В рассматриваемом контексте весьма интересны торговые отношения, которые де-факто осуществляются между НКР и Китаем.

В 2005г. товарооборот между странами ограничился лишь тем, что Карабах импортировал из Китая товары на общую сумму всего в \$41,1 тыс. В 2006г. товарооборот также ограничился лишь односторонним импортом из Китая, увеличившись до \$124,2 тыс. Однако уже в 2008г. в двусторонней торговле с Китаем у НКР впервые появился экспорт, составивший \$161,4 тыс. Сотрудничество между НКР и Китаем охватывает такие сферы, как строительная техника, обработка камней и гидроэнергетическое оборудование [13, сс. 145-146].

Выводы

1. Важными показателями социально-экономического развития являются уровень транспортной обеспеченности, состояние, плотность и конфигурация дорожной сети. В этом смысле в период советской власти транспортная инфраструктура Нагорного Карабаха находилась в состоянии физической и моральной изношенности, что препятствовало осуществлению полноценных экономических коммуникаций между субъектами автономной области. Более того, была искусственно затруднена транспортная связь НКАО с Армянской ССР, что являлось следствием националистической политики Азербайджанской ССР, нацеленной, прежде всего, на депортацию армян из Карабаха.
2. Взятие Лачинского коридора армянскими вооруженными силами в 1992г. создало возможность для прорыва транспортной блокады Нагорного Карабаха, что, во-первых, позволило обеспечить переброску боеприпасов и поставку гуманитарной помощи, во-вторых, способствовало внешнеторговой активности НКР в последующий период.
3. Проблемы внешней торговли для Нагорно-Карабахской Республики не теряют актуальность по сей день. Если в советские годы транспортная инфраструктура целенаправленно уничтожалась Азербайджанской ССР, то сегодня проблемы экспорта и импорта, прежде всего, связаны со статусом НКР как непризнанного государства. Ввиду непризнанности НКР сегодня осуществляет внешнюю торговлю через зарегистрированные в Армении юридические лица и выходит на международный рынок, в том числе в страны ЕАЭС, с надписью «*made in Armenia*».

4. Членство Армении в ЕАЭС открывает для НКР дополнительные возможности, так как позволяет активизировать товарооборот и привлечь инвесторов. Более того, фактическое нахождение с Арменией в одной экономической зоне создает базовые условия для обеспечения экономической активности НКР, которая начиная с 2008г. демонстрирует высокие темпы роста. Последним обусловлено частое отождествление НКР с «экономическим тигром».

Май, 2017г.

Источники и литература

1. *Мкртчян Ш., Давтян Ш.*, Шушинские дороги и загадка «Лачинского коридора» // Шуши. Город трагической судьбы. – Ер.: Амарас, 1999. / www.bvahan.com/armenianway/aw/shushi/html/roads-r.html.
2. Тунян В.Г., Карабахский конфликт: историко-геополитический аспект. – Ер.: ГИУА, 1999. – 100 с.
3. *Валесян Л.А., Мурадян Ю.А.*, О некоторых итогах и проблемах экономического развития Нагорного Карабаха // Вестник общественных наук АН Армянской ССР // <file:///C:/Users/Uset/Desktop/1989-5%25283%2529.pdf>, сс. 4-18.
4. Статус Нагорного Карабаха в политико-правовых документах и материалах. – Ер., 1995, #1-5, сс. 22-28.
5. *Балаян З.*, Мир – это когда матери не хоронят сыновей // Диалог, 1997, #5, сс. 11-12.
6. *Жирохов М.А.*, Семена распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. – СПб., 2012. – 688 с.
7. 22 года тому назад была прервана блокада НКР // www.panarmenian.net/rus/details/178993/.
8. *Цуциев А.А.*, Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М.: Европа, 2007, с. 91.
9. *де Ваал Т.*, Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. – М.: РОССПЭН, 2014, сс. 310-312.
10. Национальная статистическая служба НКР // <http://www.stat-nkr.am/>.
11. Официальный сайт Евразийской комиссии // www.eurasiancommission.org.
12. *Манасерян Т.*, Присоединение Армении к ЕВРАЗЭС: миф и реалии // http://www.soyuzinfo.am/rus/analytics/detail.php?ELEMENT_ID=216.
13. *Бабаян Д.*, Непризнанные, полупризнанные и де-факто самостоятельные государства в геополитической повестке КНР // 21-й ВЕК. – 2012, #4(24), сс. 129-150.

ԼՂՀ ԱՐՏԱՔԻՆ ԱՌԵՎՏՐԱՅԻՆ ԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ՏՐԱՆՍՊՈՐՏԱՅԻՆ ՇՐՋԱՓՈՎՄԱՆ ՊԱՅՄԱՆՆԵՐՈՒՄ

Վահե Դավթյան, Արմեն Հարությունյան, Լիանա Սամվելյան

Ամփոփագիր

Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության արտաքին առևտրի հետ կապված խնդիրների վերլուծության ընթացքում հաշվի են առնվել ԼՂՀ՝ որպես պետություն ճանաչված չլինելու փաստը և տրանսպորտային շրջափակման պայմանները: Տրանսպորտային ենթակառուցվածքների զարգացման վերաբերյալ պատմական հղումներ են արվել, ինչպես նաև վեր են հանվել ԼՂՀ՝ խորհրդային ժամանակաշրջանի տնտեսական զարգացմանը խոչընդոտող խնդիրները: Ընդգծվել է ԼՂՀ արտաքին առևտրային ակտիվությանը նպաստող Լաչինի միջանցքի քաղաքական-տնտեսական նշանակությունը: ԼՂՀ այժմյան տնտեսական խնդիրները կապված են որպես պետություն ճանաչված չլինելու կարգավիճակի հետ, ինչի պատճառով առևտուրն իրականացվում է Հայաստանի Հանրապետության միջոցով: Գրանցվել են ԼՂՀ տնտեսական աճի բարձր ցուցանիշներ, ինչպես նաև վերլուծվել են ԼՂՀ տնտեսական զարգացման հնարավորությունները՝ կապված ԵԱՏՄ-ին ՀՀ անդամակցության հետ:

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НКР В УСЛОВИЯХ ТРАНСПОРТНОЙ БЛОКАДЫ

Vage Davtyan, Armen Arutyunyan, Liana Samvelyan

Резюме

Проанализированы внешнеторговые проблемы Нагорно-Карабахской Республики (НКР) в условиях непризнанности и транспортной блокады. Даны исторические предпосылки развития транспортной инфраструктуры Нагорного Карабаха и выявлены основные трудности, препятствовавшие экономическому развитию НКАО в советский период. Показана политико-экономическая важность Лачинского коридора, способствующего внешнеторговой активности НКР. Выявлено, что на сегодняшний день экономические проблемы НКР связаны со статусом непризнанного государства, ввиду чего внешняя торговля осуществляется через Армению. Отмечены высокие темпы экономического роста НКР и проанализированы экономические возможности, открывшиеся для НКР с вхождением Армении в ЕАЭС.

**FOREIGN TRADE PROBLEMS OF NKR
UNDER THE CONDITIONS OF TRANSPORTATION BLOCKADE**

Vahe Davtyan, Armen Harutyunyan, Liana Samvelyan

Resume

The foreign trade problems of Nagorno-Karabakh Republic under the conditions of the lack of recognition and transportation blockade are analyzed. The historical pre-conditions of the transportation infrastructure development of Nagorno-Karabakh are presented and the main difficulties that prevented the economic development of the NKAA during the Soviet period are uncovered. The political and economic importance of the Lachin corridor contributing to NKR's foreign trade activity is noted. It is shown that today, the economic problems of NKR are connected with the status of the unrecognized state, therefore foreign trade is carried out through Armenia. High rates of economic growth of NKR are noted and economic opportunities opened for NKR with the entry of Armenia into the EEU are analyzed.

ОТРАЖЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ В ФОКУСЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ (РА – НКР)

*Сурен Вардумян**

Ключевые слова: третье тысячелетие, глобализация, глобальный вызов, региональные проблемы, концепт преломления, научно-технологический, геополитический процесс, власть, многополярный, радикальный, перекройка, административно-политический, угроза, мироустройство, несправедливость, доверие, глокализация.

«Ничто и никогда не изменишь, если будешь
бороться с существующими реалиями.

Если же хочешь по-настоящему изменить
что-то, создай Свое Новое Видение –
и старое исчезнет само собой...!»

*Ричард Бакминстер Фуллер,
выдающийся изобретатель и архитектор XX века*

Часть первая: Предложение дискурса о новом Концепте преломления

Уже очевидно и бесспорно, что мы живем в такую «сконцентрированную» и стремительно меняющуюся эпоху, непрогнозируемые развития которой возрастают в геометрической прогрессии. Стремительно и кардинально меняются не только мир и миропорядок, но также представления людей об окружающих их реалиях и угрозах. Причем современные люди, в значительной степени являясь прямыми «потомками» второго тысячелетия, зачастую не успевают вовремя осмыслить эпохальную суть и осознать глубину этих всеохватных трансформационных процессов, из-за чего «медлят», вынужденно «отстают» перед явными или еще чаще – завуалированными вызовами и, теряя момент, шаг за шагом отстают по-

* К.э.н., доцент кафедры Управления и планирования образованием Ереванского государственного университета им. В.Брюсова, член Евразийского экспертного клуба.

зиции в этой жесточайшей конкурентной борьбе, поражение в которой сулит развитие необратимых геополитических процессов, в свою очередь инициирующих разного рода негативные «брожения» и на локально-региональных уровнях.

За последние четверть века произошли значительные качественные сдвиги во всеобщей геополитической, геоэкономической и геокультурной панораме. На рубеже тысячелетий Мир, в течение одного поколения людей, из диполярного превратился в однополярный, после чего – в многополярный [1]. И нынешнее подрастающее поколение может оказаться свидетелем крушения (супер)держав, возникновения новых центров влияния и геодержавных образований (альянсов, союзов и прочих – явных или латентных), а также иных радикальных процессов перекройки административно-политической карты мира. Сегодня из плоскости всеобщих противодействий двух онтологических представлений (либерально-демократического и тоталитарно-административного) мы перешли в плоскость всеобщей корректировки моральных и этических норм мироустройства, другими словами – в плоскость диалога различных культур и цивилизаций, а зачастую, к несчастью, и в плоскость прогрессирующих процессов противостояния и/или открытых конфликтов между ними.

С точки зрения всего вышеизложенного, в качестве неотложных нерешенных проблем современного мира, на наш взгляд, были и остаются:

Разработка и внедрение максимально эффективных систем управления, при отсутствии или несовершенстве которых деформированные и все деградирующие системы ценностей и коррупция (почти всюду, и во всех своих изощренных проявлениях) продолжают являться главными препятствиями для экономического, общественного и цивилизационного развития преобладающего большинства стран не только «второго» и «третьего» миров, но также развитых стран и даже признанных сверхдержав.

Экономический прогресс, который, как уже общеизвестно, зачастую не приводит также к социальному развитию, т.е. к осязаемому сокращению бедности, и уж тем более – к реальному повышению качества жизни: не уменьшается разрыв в уровнях благосостояния в богатых и бедных странах, а количество последних все увеличивается (несмотря на беспре-

цедентный технологический прогресс), в обществах и общностях обостряются проблемы социальной поляризации и отчуждения, поверхностные и несвоевременно инициированные реформы во множестве стран не получают одобрения их народонаселения, поскольку углубляют социальное расслаивание и затрудняют проявления солидарности и социального взаимодействия между этими – отчужденными между собой слоями общества, более того, эти псевдореформы все чаще приводят к массовым гражданским протестам и неповиновению, социальным взрывам и даже инородным «цветным» революциям или криминальным переворотам.

Повальное чувство социально-правовой несправедливости и неравенства, охватившее большую часть населения Земли, создает благоприятную основу для проявлений бестолково-спекулятивного политического популизма, или же для беспардонного применения амбициозных тоталитарно-административных принципов и средств правления почти во всех странах мира, и наконец почти во всех (в т.ч. вполне «благопристойных» и обеспеченных) обществах усугубляются социальная напряженность, страхи и реальные риски в отношении к потенциальным опасностям, ставшим уже хроническими неопределенности и неуверенности в будущем.

Наряду с очевидным замедлением демократических процессов и/или с их нарочито-вырожденными проявлениями, во всем мире прослеживается насильное, с нарушением всех принципов и норм человеческого и гражданского сосуществования, расшатывание и дискредитация как христианской (в частности католической), так и в особенности мусульманской, фундаментальных идеологических основ и институциональных систем, запрограммировано организованная экспансия различных сектантских движений и распространение радикально-воинствующих институтов и миропонимания носителей различных конфессий и направлений исламской идеологии.

Углубление и расширение глобализации процесса научно-технологического прогресса, которое вместо гармоничного повышения качества жизни и всеобщего благосостояния населения земного шара безрассудно увеличивает непредсказуемую взрывоопасность возможных сценариев развития человеческих общностей и параллельно создает новые виды

оружия массового уничтожения, средств устрашения и дополнительные угрозы их распространения, которые делают мир на Земле гораздо более хрупким, а мир в целом – гораздо более ранимым.

Уже не только в развитых странах наблюдаются феномен «старения» населения и другие демографические диспропорции и гендерные аномалии, и плюс ко всему этому – нарастающая опасность инфекционных пандемий, обусловленных возникновением новых вирусов (ВИЧ-инфекции, различные «птичьи» и «свиные» гриппы, и последние напасти – непонятные никому толком «Эбола», «Зика» или «Папилома», совсем недавно только в США унесший 50 тыс. жизней).

До сих пор, по состоянию на завершение второго десятилетия нового тысячелетия, и даже по результатам переломного Парижского Всемирного климатического форума, продолжает оставаться спорным вопрос изменения климата нашей планеты и его последствия на предстоящие 20–30 лет. А новоиспеченный и эксцентричный президент США Д.Трамп вовсе отрицает актуальность и важность решений Парижского ВКФ, априори угрожая отказом США в исполнении последних. И все это, парадоксальным образом, происходит на фоне беспрецедентных за всю историю научно-метеорологических наблюдений – климатических аномалий и связанных с ними (и превращающихся в закономерность) стихийных бедствий, что в целом, в глобальном масштабе, порождает перманентно-подсознательное чувство массового страха и параноидальной незащищенности у людей во всем мире. Стало быть, может оказаться пророческим опасение одного из умнейших людей нашего времени, английского физика-теоретика и космолога Стивена Хокинга о будущем разума на Земле: ***«Опасность заключается в том, что наша способность разрушать и губить окружающую среду и друг друга возрастает гораздо быстрее, чем наша мудрость в использовании этой способности».***

Перечисленные выше проблемы сами по себе могут представляться как **вызовы, возникшие на старте третьего тысячелетия**, для противостояния которым и дальнейшего решения которых необходимо **разработать Видение** с пониманием того, решение какой из тех или иных задач будет первоочередным и/или определяющим для прогнозирования будущего

или разработки наиболее вероятных сценариев развития? Для максимального осознания и материализации «Назревших в нас» или «Прибывших извне» и превратившихся в «Неизбежное настоящее» вызовов, нам жизненно необходимо уметь предвидеть еще и «Наиболее вероятное, но не столь желаемое будущее», которого нужно и можно Избежать! А для того, чтобы с возможно большей вероятностью предвидеть это будущее и суметь многовариантно смоделировать его, необходимо в нас самих выработать способность и практические навыки Восприятия – Интерпретации – Применения к *изменению нашего образа мышления и осознанию уже созданных знаний и представлений* – качественно-востребованных с точки зрения абсолютно новых, непривычных нам реалий [2]. И если мы хотим сделать прорыв в этом архиважном деле, то должны создать, освоить и развить созвучные с третьим тысячелетием качественно новые знания и представления об окружающем нас мире, а также методы и практические навыки их претворения в жизнь.

Главным концептуальным вызовом третьего тысячелетия, согласно нашим изысканиям, является выработка кардинально иной парадигмы формирования и развития способности человека к изменению восприятия реальности. Следовательно, без изменения представлений о реалиях современного мира, невозможно истинное (а не мнимое), качественное и восходящее развитие всего сотворенного людьми на свете. Изменение представлений о реалиях современного мира нацелено на обеспечение и последовательное расширение пределов размышления вокруг возможных изменений мироустройства будущего. Итак, можно резюмировать, что *изменения представлений/ожиданий приводит к изменению реальности, и в свою очередь, изменение реальности приводит к пересмотру, равновариантной трансформации и развитию представлений об ожидаемой/новой реальности.*

Далее в статье, с помощью новых методов моделирования схем системно-мыследеятельности [3], приводятся представления будущего миропорядка – с общим контурным описанием его основных черт. После чего, локализуя, дабы понять главные вызовы, возникшие перед Республикой Армения (вместе с Республикой Арцах (НКР)), представляются и

анализируются три сценария развития «сопредельного нам мира» на 10, 20 и 30 лет вперед, и возможные влияния-отголоски последних на вероятные изменения и прогнозируемые реальности нашего региона, в частности Республики Армения.

Первый сценарий: «Американский мир» (являющийся продуктом англо-американских или т.н. западных технологий [4], или относительно плавная глобализация гегемонии Запада под предводительством США, которая предполагает сохранение и укрепление доминирующей роли и диктата США (вкуче с НАТО) во всем мире. США будут «ответственны» (как именно – решат сами?) за глобальные системы безопасности, а их военная мощь и система ценностей не будут иметь альтернативы. В представлениях мировой общественности будут отождествляться «американизация» и «глобализация», параллельно будут усиливаться антиамериканские и/или «антизападнические» настроения и разного рода протесты против явной и латентной экспансии так называемых европейских ценностей (семейное законодательство, ювенальное и гендерное право и т.п.).

Второй сценарий: «Противоборства», предполагающий дальнейшую активизацию и расширение радикальных религиозных движений, которые объединятся, с одной стороны, против американизированного «западничества», а с другой – в поисках путей построения неомиропорядка на основе централизованного государственного управления или же религиозно-конфессионального (в преобладающем большинстве случаев – радикально мусульманского) толка, склонных к неовосточным системам ценностей, которые еще предстоит формировать и институционализировать. Будет брошен вызов западным нормам и системам ценностей, т.е. будет подвергнуто сомнению давно и несправедливо укоренившееся убеждение, что эти ценности и стереотипы являются «глобальными» и незыблемыми, стало быть универсальными и прогрессивно-культуроформирующими [5]. Процесс этот будет сопровождаться дальнейшим расширением и активизацией террористических движений, локальных войн, и стихийно расползающимися трудно управляемыми миграционными процессами. Будет также усиливаться угроза обладания разными видами оружия и средств массового уничтожения быстро меняющимися

«окраску» экстремистско-террористическими организациями, стремящимися к (само)институциональной легитимации. Последняя, в свою очередь, приведет к новому витку гонки вооружений, с целью защиты национально-государственных интересов и/или обеспечения дополнительных гарантий национальной безопасности. Кстати, «глобальные игроки» давно уже «вынуждены» применять подобного рода превентивно-предупредительные и ограничительные меры и санкции – вплоть до вторжений в «горячие точки» на территориях других государств, а действенная роль таких авторитетных международных организаций, как в первую очередь ООН (с его Советом Безопасности, Юнеско, Юнисеф, Юнифем и другими структурами), Всемирного Банка, Международного Валютного Фонда, Международных организаций торговли, труда, здравоохранения и др. (и их соответствующих структур) неуклонно падает и становится преобладающе формальной или лишь консультативно-рекомендательной [6].

Третий сценарий: «Диалог цивилизаций», предполагающий, что до конца 1-ой четверти 21-ого столетия глобализация потеряет «западнический» образ и характер. В глобальных консолидационных процессах (или во всемирных объединениях) усилится роль «незападных цивилизаций» (российской, иранской, арабской, индийской, китайской и др.), одновременно разрешение культурологических, межкультурных и мировоззренческих разногласий будет осуществляться путем и средствами гуманистического цивилизованного диалога. Не исключена возможность устойчивого экономического развития, которое возглавят Китай и Индия, в союзе с Россией (во главе с более расширенными ЕАЭС-ТС и ОДКБ), Ираном, Бразилией (и еще с некоторыми из латиноамериканских стран), ЮАР, Индонезией, возможно с Пакистаном и др. Многомиллиардные жители перечисленных стран, составляющих более половины населения Земли, обладающих относительно дешевой рабочей силой и далеко не удовлетворенным уровнем спроса большей части людей в этих странах (т.е. почти неограниченными рынками спроса к основным видам ресурсов и товарам широкого потребления) станут долговременными гарантами развития экономик этих стран, динамично превратив их в «глобальных игроков» как в плане экономическом, так и геополитическом. Последнее и

сделает неотложным поиск форм глобально-солидарного сосуществования различных цивилизаций, создаст условия и освободит пространства для самостоятельного развития и совместного сосуществования локальных, но одновременно гигантских и самобытно-актуализированных цивилизационно-культурологических систем [7].

Очевидно, что ни один из вышеописанных сценариев не осуществится один к одному, однако в пределах предстоящих десятилетий тенденции, по всей вероятности, будут проявляться в формате и векторах развития, исходящих из прерогатив и аргументов, описанных в этих сценариях. При этом, в течение первого десятилетия максимально осуществляются прогнозы, приведенные в первом сценарии, в течение второго десятилетия – доминирующие тенденции, приведенные во втором сценарии, а в течение третьего десятилетия – соответственно тенденции третьего сценария.

Какими же будут, следуя логике прогнозирования сценариев предстоящих глобальных ожиданий, наиболее вероятные основные вызовы, которыми чреватые предстоящие три десятилетия для Армении вкупе с НКР – Арцахом?

Часть вторая: сценарии развития – проблемы национальной самоидентификации, обеспечения безопасности и нового качества прогресса

«Уровень личных, моральных качеств, более того – Патриотизм управленца должны быть очень высоки! Если у него не будет такого Самосознания, чтобы он болел за всю Страну, навряд ли он воистину будет болеть за свою область, организацию, компанию и подразделение, или даже – Семью и своих Потомков».

*Георгий Щедровицкий,
философ и методолог, создатель и идейный
вдохновитель новой школы управления,
в 1960-ые годы – основатель Московского
методологического кружка¹*

¹ Хромченко М.С. (составитель), «Московский Методологический Клуб в лицах». – М.: Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2006 – 436 с.

В рамках первого сценария «Американский (или западнический) мир» в предстоящие десять лет относительный и в определенной степени хрупкий мир будет обеспечен военно-стратегической мощью США и НАТО, т.е. устоявшимися уже правилами миропорядка заранее будут предопределены векторы и география (а также дозированы темпы и уровни) геополитического развития в основных регионах «соприкосновения интересов» Запада и Востока. Решение «Карабахской проблемы» будет продолжать «регулироваться» в рамках переговорных процессов – с более активным посредническим участием международных организаций, а также надгосударственных структур и наднациональных организаций (и не обязательно традиционно – в рамках лишь давно исчерпавшей себя «Минской группы»), форматы воздействия которых на создавшееся в регионе статус-кво переживут определенные и неординарные трансформации в сторону ощутимой радикализации.

Как известно, именно после Первой мировой войны, в результате сформированных «русско-турецкой архитектурой» границ мы унаследовали давящие на нашу государственность обе проблемы современности – т.н. Карабахскую проблему и транспортную блокаду. Необходимо будет наконец осознать, что эти проблемы могут найти решение лишь в более широком контексте – в рамках нового политического проектирования Большого Ближнего Востока, которое потребует от нас большое общенациональное напряжение сил, однако позволит наконец армянской государственности в обозримом будущем обрести возможности для реализации нашей традиционной цивилизационной миссии в этом важнейшем регионе. Из-за блокады железной дороги со стороны Нахичевана Армения лишена своего естественного права *Отдельного звена* в представляющей самостоятельную геополитическую значимость цепи с Персидского залива к Черному морю, и на глобальных осях Запад-Восток, Север-Юг. В то же время, ближайшие региональные потрясения, связанные с курдской проблемой, не могут обойти нас и наши интересы. Эпицентр этих встрясок в скором будущем переместится к Западной Армении (восточной Анатолии) – в непосредственной близости от турецко-армянской границы. А единственный международный документ, в котором как-то оговорен вопрос о создании курдского государства – Севрский союзный

договор, который на этот раз будет снят с исторических полок не армянами, а курдами, и что будет дальше? Готовы ли мы ко всему этому? С другой стороны, принятый не так давно почти единогласно в американском конгрессе и сенате и возымевший эффект политического землетрясения Закон о санкциях (в отношении РФ, Ирана и КНДР) свидетельствует о том, что сценарий нового российского отступления из нашего региона не только **НЕ** из области фантастики, но становится все более реальным и может в общих чертах повторить предыдущие российско-советские отступления – в 1918-20гг. и в начале 90-ых годов, уже имевшее место во времена рейгановской администрации в США. Армянство должно быть готово и к этому и по возможности без потрясений обеспечить достаточно благопристойное российское отступление. Одновременно возникнет потребность, опираясь на положительный опыт современного армяно-американского военно-политического сотрудничества, коренным образом расширить его. Следовательно армяно-американское союзничество, в своих корнях, должно основываться на уникальном наследии, сформированного после Первой мировой войны армяно-американского сотрудничества, включая и «Вильсонское правоопределяющее решение». Создание предстоящей осенью при американском содействии курдского государства может, по сути, ознаменовать начало тектонического процесса перекройки существующих границ в регионе. Понятно уже, что это может быть новым многолетним этапом кардинальной перекройки силовых векторов в Ближневосточном регионе, стремящихся также к пересмотру всей ныне действующей «русско-турецкой архитектуры» безопасности.

Здесь нужно подчеркнуть также исключительное значение армяно-иранских отношений. Парадоксальным образом именно Армения может стать местом соприкосновения региональных американо-иранских интересов, потребность в котором обе стороны будут иметь всегда. С другой стороны, фактическое «роsgазпромoвское» блокирование армяно-иранских экономических отношений и новая волна экономических трудностей, чреватых американскими санкциями в отношении РФ, еще более усугубят недовольство в экономических кругах – обостряя и предельно актуализируя действенную развязку клубка *ГЛокальных* геополитических проблем.

В рамках второго сценария «Противостояния» в стремительно меняющемся мире станет неотложно актуальной задача поиска этнической идентификации, и на этом фоне обострятся проблемы национальной и конфессиональной идентификации турок, курдов, езидов, ассирийцев (айсоры), аджарцев, лазов, черкесов, сирийских алавитов, заза, хемшилов и алеви, персов, других народностей северо-запада Ирана, Азербайджана, кавказского юга России и Крыма (таты, талыши, удины, лезгины, кавказские албанцы, горские евреи, крымские татары, мегрелы, турки месхетинцы и др.), множества этнических общностей арабского мира на Ближнем и Среднем Востоке, а также противоборствующих племен в странах северной и центральной Африки. Из-за эскалации со стороны ИГИЛ и других сторон фактической локальной войны, расплзающейся к юго-востоку азиатского континента, ужесточатся религиозные тенденции и уже хаотично начавшиеся миграционные потоки ставших предельно маргинальными народонаселений Ливии, Сирии, Ирака и юга Арабского полуострова. Все вышеотмеченное, безусловно, уже больно затрагивает и грозит физическому существованию как находящейся там в бедственном положении армянской диаспоры, так и ассимилированных (в т.ч. принудительно исламизированных) армян, в достаточно больших количествах проживающих до сих пор на территории Турции, Сирии, Ирака и в др. странах Ближневосточного региона. Со стороны ведущих европейских стран, а под предводительством Великобритании – в первую очередь со стороны Британского Содружества Наций (насчитывающем 52 страны), под аккомпанемент США будет поставлен под сомнение не только вопрос интеграции Турции в Евросоюз, но существование Евросоюза вообще («зачатки раздора» которого давно уже заметны и все усиливаются не только пережившей «Брексит» Великобританией, но, как ни парадоксально, также «слабыми звеньями» ЕС – Грецией, Польшей, Венгрией, Болгарией). Армения окажется на стыке противостояния и размежевания двух глобальных цивилизаций перекраивающегося мира. Главной и первоочередной задачей для Республик Армения и Арцах станет обеспечение собственной безопасности и элементарного выживания ввиду того, что усилятся угрозы опасности применения в локальных конфликтах как обыч-

ного вооружения, так и оружия массового уничтожения (что уже неоднократно имело место в качестве военной экспансии и неприкрытых сен-тенций ИГИЛ на севере Сирии и Ирака – у границ с Турцией, в 300 км от юго-западной границы РА) [8]. Относительное ослабление позиций Российской Федерации на международной арене и экономический спад в результате санкций со стороны США, Великобритании и стран Евросоюза могут привести в большинстве стран ЕАЭС к необходимости разработки и претворения в жизнь новой военно-политической доктрины – о форма-тах и доминирующей парадигме которой не столь трудно, но пока можно лишь догадываться. Продолжающаяся более 20 лет блокада с востока и запада – по линии границ Республики Армения с севера на юг, будет тор-мозить экономическое развитие Армении и увеличит политические рис-ки, со всеми вытекающими отсюда малоприятными последствиями по дестабилизации положения в стране. Как причинно-следственный ре-зультат, будет поставлена под сомнение возможность мирного урегу-лирования Карабахской проблемы. В деле содействия экономическому рос-ту и относительной стабильности в Армении частные денежные транс-ферты гражданам РА и Арцаха останутся превалирующими, в том числе и над государственными и международными трансфертами, кредитами и разного рода грантами (несмотря на то, что все они, вероятнее всего, не-уклонно будут уменьшаться по причине минимизации доверия к РА), и как результат всего этого – фактор надежности и максимального служе-ния интересам общества и экономики страны со стороны информаци-онно-телекоммуникационных и др. высокотехнологичных и наукоемких отраслей, а также финансово-банковской и страховой систем, будет наи-важнейшей и актуальной задачей для выживания.

С точки зрения третьего сценария, «Диалога цивилизаций», станет предельно актуальной задача самоидентификации наций, которая создаст новые условия и потребности для переосмысления прошлого, настоящего и будущего – в том числе **и армянского народа**. Переосмысление прошло-го, в первую очередь, предоставит нам возможность раскрыть ту особен-ность черт идентификации самости, которая позволила армянам, в раз-ные исторические периоды, выживать в условиях различных религиозно-

конфессиональных догматов и экономико-культурных формаций, в пределах разных цивилизаций – при этом сохраняя свою этническую самобытность и армянский язык, и тем самым выдвигая свою формулу мирного диалога между цивилизациями. Возникнет потребность поиска путей самостоятельного развития, переосмысления основных причин Геноцида армян 1884-1923гг. [9], разработки собственной теории (доктрины) сосуществования с другими цивилизациями. **Предоставление миру собственное видение мирного, гармоничного и созидательного сосуществования цивилизаций станет главной миссией и гарантией долговечности армянского народа на старте третьего тысячелетия [10].**

В рамках представленных выше всеобщих сценариев, начертив контуры основных вызовов, стоящих перед Арменией, предполагаем следующую повестку развития Армянского мира на предстоящие десять лет.

Преодоление интеллектуальной бедности

Создание эффективной и гибкой системы управления Страной армян, что в современной теоретической интерпретации означает в первую очередь стремительный рост интеллектуального потенциала и преодоление цивилизационно-культурной отсталости нации (понимай как: осознание необходимости приобретения технологично-современных навыков мышления, грамотная аккумуляция и своевременное «освежение» созидательно-целевой информации, а также умение наращивания, усвоения знаний и использования наукоемких результатов). Очевидно, что обеспечение устойчивого и долгосрочного роста созидательного потенциала Армянства возможно лишь при консолидации всего совокупного интеллектуального и высокопрофессионального потенциала Армянского мира, т.е. всей армянской диаспоры и двух армянских республик – и при условии возникновения «критической массы» и периодической актуализации возможностей мышления, воли и стремления к целенаправленно-эффективной системо-мыследеятельности, согласно известной терминологии Георгия Щедровицкого [3]. **Только нация, способная создать качественную, т.е. эффективную и присущую себе систему управления, умеющая адаптироваться к стремительно меняющимся условиям миропорядка,**

способная предопределить и адекватно осмыслить стечение как локальных, так и глобальных событий и вызовов – в силах управлять, а на индивидуальном/сетевом уровне – (само-)управлять не только процессом собственно нуклеарного выживания, но также процессами своего консолидированно-качественного развития в нашем тысячелетии.

Задача самоидентификации армянского народа

Проще говоря, это означает найти наконец ответы на вопросы: «Кто мы?», «Чем мы отличаемся от других?», «Какова наша осознанная (и что не менее важно – неосознанная) система ценностей?», «Что необходимо менять в нашей системе ценностей?», «Что есть искусственно приобретенное, наносное в нас?», «От чего нам необходимо размежеваться, и что желательно актуализировать и активизировать в нас?», и так далее... [11,12].

Можно сформулировать следующие насущные постановки задач по определению главных приоритетов, характеризующих армянский народ (и комментарии к последним):

- Современные особенности этно-цивилизационного вида «армяне» – с исторической, культурологической, идеологической и поведенческой точек зрения;
- Факторы, формирующие менталитет армян (как кредо жизни каждого из них – в доминирующих характеристиках);
- Историческая миссия и видение будущего армянской нации – есть ли они, и если да, то как проявляются и в чем заключаются?
- Влияние наличия суверенного армянского государства на стереотипы мышления и поведенческий образ жителей Армении;
- Сознает ли «среднестатистический» житель Армении роль и значение факта «Независимости» и видит ли свое ролевое целеполагание в деле ее укрепления и построения истинно суверенной армянской государственности?
- Национальная Идея(-ология) – реальная ли это категория, которая способна стать для нации движущей силой, наметив путь к будущему, или давно уже является несостоявшимся анахронизмом, неким излишним рудиментом прошлого, несопоставимым со стремительными

процессами глобализационно-космополитической мозаики перманентно трансформирующегося миропорядка третьего тысячелетия?

- Что мешает нам, армянам, построить «нормальную страну» в нашем понимании (в том числе, что очень важно, и в плане обывательских представлений о комфортности и притягательности не «этой», «той», а «нашей», «своей» страны, родного очага, родины-матери и родины предков в конце концов?!
- Являются ли все наши проблемы недоработками ныне властвующих структур, управляющих государством и страной «с эффективностью наоборот», или же – по причине почти тысячелетнего неимения армянами государственности, в наших проблемах уже глубоко заложена прерогатива иррациональности в деле выяснения и урегулирования назревших морально-этических и культурологических задач нашего общественного, внутренне личностного, еще и этнического мышления?
- Является ли наша сегодняшняя система ценностей достаточной предпосылкой для становления Армении воистину свободной, демократической страной; и в плане образа мыследеятельности и целеполагания – какой путь мы должны пройти, какие трансформации пережить, чтобы быть готовыми определить, осмыслить, принять и освоить «присущие» нам каноны и особенности если не «передовой западной демократии», то простого гражданского народовластия?

Изыскав и сформулировав ответы по разрешению-заполнению вышеставленных характеристик, мы сможем достичь необходимого уровня как национального самопознания де-факто, так и относительно долговечного горизонта расширения кругозора де-юре – самосознания по определению Парадигмы синергетики нации – восходящего пути к более высокой «энергоёмкой» степени созидательного и достойного (само-) проявления, утверждения и развития [13].

Таким образом, необходимо определить нашу роль и наше место в цивилизационном диалоге, претендуя на место самостоятельной местной (локальной), уникальной, а значит – в определенном смысле – Незамени-

мой цивилизации. Игнорирование этой насущной задачи может привести к тому незавидному положению, когда мы будем вынуждены идентифицировать нас с той или иной глобальной (или еще хуже – локальной) цивилизацией, как, к сожалению, уже традиционно повелось (то мы Запад, то мы Восток, то связующий мост между ними, и пр.), или же превратиться в «неудавшуюся производную» одной из них.

Проблема обеспечения безопасности Нации

Безопасность в данном контексте включает следующие составляющие: **физическая, политическая, экономическая, культурологическая, экологическая, этнологическая** (включая, конечно же, проблемы по состоянию и трансформациям армянской диаспоры), **информационная и др.**, из которых мы в общих чертах (и на достаточно высоком уровне абстракции) сфокусируем внимание пока на первых трех, ввиду того, что именно эти три на настоящий момент более всего насущны и не обеспечены, а также ввиду того, что четыре последние и далее – являются предметами отдельных и весьма обширных обсуждений.

Физическая безопасность, гарантирующая необходимые и достаточные условия выживания, предполагает переформулировку и корректировку военной доктрины Республики Армения и окончательное уточнение вопросов эффективного и взаимовыгодного сотрудничества с различными военными и оборонительными союзами и структурами, как внешними, так и внутренними. Армия РА, силы полиции и внутренние войска, контингенты СНБ, МЧС и другие военизированные структуры (включая негосударственные) должны быть перманентно готовы (как в плане технико-технологическом, так и в морально-психологическом) к наихудшим развитиям в ближайшем будущем, а все народонаселение Армении, равно как личный состав и резервы вышеуказанных структур, должны обладать реальными навыками самообороны и действенной системой самообеспечения как в чрезвычайных ситуациях и при возможных террористических действиях, так и в случае прямой военной агрессии со стороны противника и применения им обычного оружия или ОМУ (не путать с декларированным с начала с.г. Министерством обороны РА кон-

цептом «Нация – Армия» или с мобилизационными программами наподобие «Честь имею» или «Я гражданин»).

Политическая, а в данном контексте неотъемлемая от нее **гражданская безопасность** предполагает создание, сохранение и развитие зрелой, независимой, сбалансированной и самодостаточной **Системы истинного народовластия**, раскрепощенной от деструктивно-самопроизводящейся партийно-кастовой и олигархическо-клановой паутины, и способной даже в экстремальных условиях ситуационно-оперативного управления принимать адекватные все усложняющимся условиям (чреватым трудно предсказуемыми рисками) легитимные, действенные и эффективные решения (**проблема претворения в жизнь данной политической составляющей – также предмет отдельного и весьма многогранного обсуждения**).

Экономическая безопасность означает обретение способности к жизнеобеспечению, экономическому функционированию и развитию в экстремальных условиях блокады путей и средств коммуникации, кризисных и других экстренных ситуаций. Система **экономической безопасности – это и комплекс предпосылок** для обеспечения надежной основы устойчивого развития экономики, обусловленной экономико-географическими условиями и ограничениями, объективными, а не номинальными возможностями раздутых, но малоэффективных на настоящий момент государственных систем управления (и местного самоуправления) и др. институциональных структур, подвижным наличием ресурсных, финансовых и человеческих резервов. Очевидно, что эта адаптивно-универсальная система должна максимально осознанно и бесперебойно функционировать не только в Армении (включая НКР – Арцах), но также на всем «сетевом пространстве», объединяющем все армянство, весь Армянский мир [13,14,15]. **Необходимо также разработать соответствующую программу с целью осуществления политики поэтапного преодоления ментальной закомплексованности и выраженного или латентного чувства:**

- маргинальности почти всех слоев нашего народа в отношении прошлого (включая, как это ни обидно – последние 25 лет истории побед и становления нашей символически независимой Третьей Республики),

- социально-правовой и морально-психологической незащищенности людей в настоящем, и
- панически-подсознательного страха перед «ничего хорошего не предвещающим, но заведомо рискованно-неопределенным» будущим.

В качестве концептуального стержня для данной программы, нацеленной на обеспечение способности и гарантирования готовности нации и управляемой ею Республикой Армения к преодолению опасности угроз их достойному существованию в стремительно меняющемся мире, необходимо заложить следующее действенно-консолидирующее жизненное кредо: *«Будь стоек к трудным условиям настоящего времени, не ропщи, не отрекайся от Родины и не убегай, а стремись улучшить жизнь в ней, тогда и жить и творить станет легче и спокойнее (где бы ты ни оказался), а видение будущего – как Родины, так и твоего (и твоей семьи), станет предсказуемее, четче и безусловно – лучше»¹.*

И в заключение (рефлексируя с дискурсом о новом концепте преломления в первой части статьи) нам представляется, что:

Новое видение будущего проецирует и представляет это будущее, формирует ожидания и преобразуется в политику, после чего становится если не программой к действию, то целенаправляющим принципом (парадигмой), без которого цели и ориентиры стираются, а потенциал нации тормозится и в стагнации – расплывается;

Если же мы желаем наконец построить мирное, обеспеченное и суверенное государство настоящего и будущего, т.е. единую страну самодостаточных и относительно счастливых людей [16], то должны не жаловаться или заносчиво-мечтательно грезить, а научиться неустанно действовать, бороться и созидать не столько «светлое», сколько реальное, достойное и долговечное будущее, которое станет для наших благодарных

¹ За последние годы неоднократно предпринимались попытки разработки подобных «образующих будущее» программ, как, например, предпринятая в 2014-15гг. Армянским комитетом фонда «Галуст Гюльбенкян» программа «Армяне в 2115-ом: стратегические направления для 21-го века» (www.carmenias.gulbenkian.pt); проект «Армянский интерес», возглавляемый американцем российского происхождения Арегом Галстяном (The Armenian Interest); или же «Концепция глобального всеармянского НеоОбщества», разработанная еще в 2008г. армянским исследователем Масисом Погояном в Гарвардском университете (mpoghoyan@yahoo.com), и др.

потомков счастливым настоящим – в нашей, а значит и их любимой, безусловно желанной и единственной, тысячелетиями обетованной Родине – Армении [18,19].

«Армянская интеллигенция, в своей целостности, должна освободиться от психологии раболепия и ужаса, она должна наконец стать храброй!»

*Гарегин Нжде,
выдающийся армянский военачальник,
государственный деятель и национальный
мыслитель XX века*

Часть третья, завершающая

Итак, каково сегодня, в конце 2017-го и до 2020 года, наше Видение об ожидаемых в Армении в предстоящие 2-3 года, а также среднесрочных – до 2025г. развитиях событий?

«В настоящее время в любой стране и общности, находящейся в условиях Переходного периода, главным процессом должно являться формирование Слоя высококлассных оргуправленцев, которое возможно при построении Этно-культурных идеологических основ и образа мышления в данной стране, соответствующих требованиям Организации, Руководства и Управления и их надлежащего предоставления новому поколению оргуправленцев, призванных быть их Носителями!»

*Петр Георгиевич Щедровицкий,
президент Института развития
им. Г.П.Щедровицкого*

Действительность последних лет свидетельствует о том, что начавшиеся в 2008-2009гг. и нареченные как «всемирный финансово-экономический кризис» переломные и всеохватные системные процессы уже ознаменовали собой переход человеческой цивилизации в совершенно иную историческую эпоху, в котором глобальное развитие привело к состоянию, когда степень зависимости разных стран друг от друга превысила возможности «ненавязчивой» координации этим развитием, что и привело чело-

вечество к многочисленным и сложнейшим проблемам на всех уровнях (глобальном, региональном, локальном и т.д., вплоть до межличностных) цивилизационных отношений. И, как нам представляется, по всей вероятности есть **два варианта** выхода из создавшегося непростого положения.

Первый вариант – Центростремительно-пирамидальный: создание гораздо более действенной и жесткой (чем номинально действующие в настоящее время, и порядком дискредитированные в глазах мировой общественности структуры – начиная с ООН и ее Совета Безопасности, и по нисходящей...) – **Международной надгосударственной координирующей системы и ее соответствующих структур по урегулированию глобальных процессов** (но не глобализации) [6], о назревшей необходимости которой еще в 2009г. декларировала Большая двадцатка, однако не смогла по объективным причинам реализовать (или, скорее всего, пока не сочла нужным).

И второй – Центробежно-сетевой (в определенной степени рискованный, но несмотря на это, в принципе, во многих отношениях гораздо более приемлемый подход) – по возможности не отдавая дань роли международного жандарма, одновременно и предусмотрительно сохраняя косвенные, но жесткие и действенные рычаги контроля, по дифференцированно-программному принципу **минимизировать степени зависимости различных стран-государств-союзов и народов друг от друга**, позволяя естественным центробежным процессам формировать свободные региональные объединения, т.е. что называется – **«деглобализироваться» или «глокализироваться»** (*Glocalization* – с формированием автономной сети локальных образований стран *Glocal-Net* – термины, которые уже стойко вошли в политологическую лексику). И если трезво смотреть на происходящее в близлежащем мире – всемирные процессы в реальности протекают именно по данному сценарию, одной из «жертв» которого является такая значительная для восточноевропейского региона страна, как Украина, которая поневоле оказавшись на стыке военно-политических амбиций переформирующихся, расширяющихся с Запада на Восток региональных объединений, стала «яблоком раздора» на сцене столкновения их интересов и фронтом военного конфликта, а по сути братоубийственной гражданской войны между представителями почти идентичных сла-

вянских народов. От подобной участи, кстати, не застрахована и Армения, причем не только в плане столкновения разновекторных интересов сторон «больших игроков» с запада на восток, но также – и с севера на юг.

Руководствуясь логикой вышеизложенного, можно предположить, что те многообразные «процессы брожения», которые, несмотря на свою противоречивость и непредсказуемость, происходят и в Восточной Европе, в частности в Российской Федерации и на Украине, а также в прилегающих к ним с юга и юго-востока административно-политических единицах и государствах, перманентно пребывающих под влиянием различных, одновременно формирующихся и перестраивающихся, экономических и военно-политических союзов и альянсов (СНГ, ЕАЭС-ТС, ОДКБ, БРИКС, ШОС, страны Каспийского региона и многих других), создали ту потенциально дестабилизирующую стихийную волну, которая, к несчастью, обостряет и углубляет комплексные проблемы и нашей страны, угрожая Республике Армения качественно новыми, стремительно меняющимися и опасными развитиями событий.

Итак, преобладающие за последние пять лет в Армении многовекторные процессы экономического спада и оказания за чертой бедности почти половины населения в очередной раз сигнализируют – пришло время осознать, что **невозможны какие-либо положительные сдвиги, а тем более качественное развитие** в условиях иррационального социально-экономического состояния нашей страны, а также **в рамках давно уже изжившей себя – действующей поныне экономико-управленческой модели ведения хозяйства, а по сути – модели комплексной деградации всей социально-экономической системы.** Давно пора ее менять, что, при наличии грамотно-реалистического подхода к создавшейся критической ситуации в стране и необходимой политической воли, в состоянии сделать и ныне действующая коалиционная администрация, стоящая у власти в РА. Однако давно превратившаяся в рудимент прошлого тысячелетия экономико-управленческая модель с упорством продолжает эксплуатироваться по той банальной причине, что **пока** с трудом обеспечивает сверхприбыли сросшимся друг с другом нескольким десяткам олигархическим кланам, партийным бонзам всех мастей, коррумпированным чиновникам разных ран-

гов, а также обеспечивает скромное государственное жалование чрезмерно раздутому классу госслужащих (и приравненных к ним общинным аппаратчикам) и бюджетным работникам социально-культурной сферы. **Весь социально-экономический комплекс нашей страны** вступил в бюджетный 2017г., сильно качаясь, и едва двигается вперед – фактически без потенциально-стабильного и реально выполнимого бюджета. Результат таков, что жизнедеятельность и без того слабого экономического организма Республики, пребывающий в кризисном состоянии, лишенный корреляционной инерционности и финансово-содержательного иммунитета, при дальнейшем отсутствии значительных инвестиций в реальную экономику, через пол года – к весне 2018г. может пережить системный коллапс! Необходимо с сожалением отметить, что экономика любой страны, лишенная внешних и внутренних вливаний креативных финансовых потоков, подобна организму, лишенному элементарной пищи и кровеносной системы, в который за последние несколько лет превратилась наша страна, экономика которой целиком поставлена «на иглу» увеличивающегося «донельзя» (по отношению критического порога к ВВП) кредитного бремени. Фактически находясь в положении, лишенном собственных основных производительных сил и достаточных оборотных средств для жизнедеятельности, Республика обречена кое-как выживать лишь в качестве сырьевой базы (т.е. почти бесконтрольно добываемых за счет эксплуатации экосистемы страны и полностью экспортируемых за границу горнорудных ресурсов), и перерабатывающего транзитно ввозимое сырье алмаза и золота придатка, а также за счет неуклонно уменьшающихся государственных и частных трансфертов и малоэффективных кредитных вливаний – под натиском все увеличивающегося внешнего долга (перевалившего уже за грань \$6 миллиардов).

К слову, и это следует отметить с решительностью, **пока мы не будем в состоянии представить другие – присущие нам, а значит эффективные для нас модели ведения хозяйства, развития экономики и цивилизационного бытия (формации)**, чем те, что подсовывает нам (и всему миру) в качестве универсальной панацеи фетиширующий рынок «цивилизованный Запад», **пока в нас не перестанут доминировать комплексы внутренней неполноценности и внешней ориентации** (неважно в какую сторону...), **чуже-**

преклонный зуд бегства из собственной страны и от собственной идентичности, нам не удастся скомпоновать ясное **Видение жизнеразвития Армянской государственности** в тандеме с разбросанным по всей армянской диаспоре Армянским миром и построить достойную, конкурентоспособную, а значит перманентно обновляемую и долговечную модель претворения в жизнь этой программной и ведущей в будущее миссии. Итак, каким может быть, на наш взгляд, выход из создавшегося в стране экономического (и не только) положения. **Можно предложить как минимум два основных поочередных «сценария перезапуска» экономики Армении (первый – неотложно-оперативный на предстоящие 2-3 года, и второй – «перезагрузочный», на среднесрочную перспективу до 2025г.).**

- 1. Мобилизационно-аккумулятивный (или самодостаточно-распределительный):** обязывающий учет (инвентаризацию) и мобилизацию всех наличных ресурсов, средств и рычагов, их максимально рачительное перераспределение в первую очередь за счет, как минимум, 30%-го сокращения расходных статей госбюджета, главным образом за счет резкого уменьшения расходов на сохранение чрезмерно раздутых и малоэффективных госструктур и привилегий их высокопоставленных должностных лиц (начальников всех рангов) – в результате их беспрецедентной и реальной (а не отчетно-формальной) оптимизации, и сокращения неприемлемо больших отчислений на административные расходы. Далее, в результате и в размере этих освободившихся и перераспределенных бюджетных средств – **осуществление государственных капиталовложений с целью резкого увеличения доли государства в деле активизации реального сектора экономики и увеличения экспорта товаров и услуг отечественного производства, а также обеспечение гарантий защиты социальной сферы от дальнейшего спада благосостояния, от повышения уровня бедности и от ненормированной инфляции.**
- 2. Либерально-рыночный (среднесрочный – расширенно-воспроизводительный):** предполагающий создание высокой степени доверия и предоставление режима наибольшего благоприятствования для формирования качественно новой деловой и инвестиционной (част-

ной – внутренней, и притягательной – внешней) среды, и на этой основе – постепенная диверсификация экономики, ее интенсивное оздоровление и поэтапная перезагрузка, в купе с единовременным радикальным пересмотром не только экономической, но также организационно-управленческой модели хозяйствования и построения Государства-Родины для (и с активным участием) всего Армянства...[17, 19]!

В заключение: если же, в условиях создавшегося неблагоприятного положения в нашей стране вообще, и в экономике в частности, до конца 2017г. не предпринять ничего переломно-решительного; если в 2018-ом и далее будет продолжаться порочная инерция с трудом функционирующей, ситуационно управляемой и еле действующей «традиционной-изношенной» экономико-управленческой модели и никакого «чуда» не произойдет вовсе (в т.ч., не дай бог, в смысле «чудовищного»), включая различные проявления внешней нестабильности в регионе и/или вмешательства извне, или внутренней – разнородных обострений внутриполитической ситуации или всплесков гражданского неповиновения, и в результате социального взрыва, переворота, смены не обладающей достаточным кредитом доверия и порядком дискредитировавших себя равно как власти, так и политической оппозиции¹, наконец самое худшее – масштабная война... и мы кое-как доживем до выбора президента и назначения председателя нового правительства РА весной 2018 года, то наша

¹ «Уже после провозглашения независимости, параллельно с построением новой политической системы, разные политические группировки в выборе методов и средств политического противоборства наиболее часто предпочтение отдавали именно насильственным методам политической борьбы. Достаточно вспомнить нашедшие и так и нераскрытые политические убийства высокопоставленных государственных деятелей в середине 1990-ых, нашедшее дело «Дро», разгром парламента 1996г., беспрецедентный террористический акт, совершенный в здании Национального Собрания РА 1999 г., когда была обезглавлена исполнительная и законодательная власть Армении, трагическое столкновение власти и оппозиции после выборов 2008 г., унесенные жизни 10 наших соотечественников, массовые акции гражданского неповиновения молодежи 2014-15гг. – «Электрик Ереван» и другие, и, наконец, июльская вспышка 2016г. сторонников радикальной оппозиции «Сасна Црер», в которой также не удалось избежать человеческих жертв. Для четвертьвековой независимой государственной традиции, согласитесь, вышеперечисленные случаи, к сожалению, говорят о доминировании культуры конфликта и насилия. Их даже можно считать повседневной политической практикой» [20].

страна и народ, монопольно правящая политическая власть и нехотя управляемое народонаселение встретят этот выбор и это назначение изначально без толики веры в их легитимность и результативность, т.е. абсолютно не адекватными, а скорее всего – адекватными «со знаком минус», т.е. (взаимо-)отрицательно настроенными, после чего просто невероятно, чтобы не изменилось вообще ВСЕ, если, конечно, не будет поздно и для этого ВСЕГО...

Июль, 2017г.

Источники и литература

1. Арутюнян Г., Марджанян А., Научно-технологический ландшафт в полицентричном миропорядке // «21-й ДАР», НОФ «Нораванк», №3, 2017, на арм.яз., сс. 5-27.
2. Черниговская Т., Свобода воли и нейроэтика. Лекция в Геологическом музее им. В.И.Вернадского в рамках лекционного цикла, запущенного проектом «Сноб» и коммуникационной группой Aegis Media в 2012г. в рамках дискуссионного клуба «Интеллектуальный базар».
3. Щедровицкий Г.П., Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание», <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/57>.
4. Арутюнян Г., Критические инфраструктуры и идеология // «21 ДАР», НОФ «Нораванк», #4, 2017г., на арм.яз., сс. 47-59.
5. Арзуманян Р., Религия в операционной среде иррегулярных войн // «21-й ВЕК», НОФ «Нораванк», #3, 2015, сс. 28-39.
6. Агмян В., О некоторых структурных особенностях иерархичных международных систем // «21 ДАР», НОФ «Нораванк», #5, 2015г., на арм. яз., сс. 25-40.
7. Арутюнян Г., Рост экстремизма и фактор «интеллектуального паритета» // «21-й ВЕК», НОФ «Нораванк», #3, 2015, сс. 5-15.
8. Навасардян А., Проблемы малых государств Южного Кавказа после окончания Холодной войны // «21 ДАР», НОФ «Нораванк», #5, 2015, на арм. яз., сс. 17-24.
9. Манасян А., Геноцид армян: императив политического переосмысления век спустя // «21-й ВЕК», НОФ «Нораванк», #3, 2015, сс. 67-81.
10. Вардумян С., Вардумян Г., Национально-цивилизационные ценности армянства и армянское общество на старте 3-его тысячелетия // Материалы международного научного форума «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов» (междисциплинарные аспекты) в Российско-Армянском (Славянском) университете, Ереван, 3-5 ноября, 2016, сс. 189-197.
11. Галикян Г.Э., Глобализация и свобода самоидентификации человека // Материалы международного научного форума «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов» (междисциплинарные аспекты) в Российско-Армянском (Славянском) университете, Ереван, 3-5 ноября, 2016, сс. 82-88.
12. Саркисян О.Л., Осмысление некоторых аспектов понятий и «национальная идентичность» и «глобализация» // Материалы республиканской научной конфе-

- ренции «Проблема национальной идентичности в условиях глобализации, 5 ноября 2013г., изд. РАУ, Ереван, 2014, сс. 6-20.
13. Багирян И.Г., Идеология стратегии национального развития. – изд. Научно-образовательного фонда «Нораванк», 2003г., на арм.яз. – 55 с.
 14. Багирян И.Г., Национальная инновационная система (НИС) – амбициозный, но единственный вариант адекватного движения в будущее: перспектива развития (монография). – Ереван: «Гракан айреник», 2008. – 42 с.
 15. Арутюнян Г., Задачи информационной организации Армянства // сборник научных докладов «Основополагающие правовые требования западного армянства» международного научно-практического форума в апреле 2008г. (Никосия, Кипр) Международного организационного комитета по подготовке Национального съезда Западных армян. – Ереван, 2009, на арм.яз., сс. 167-181.
 16. Вардумян С.Д., Опыт разработки, развития и внедрения «Системы контроля и оценки, основанной на результатах» в институциональных структурах РА // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета, #1, 2012, сс. 29-39, изд. РАУ, Ереван.
 17. Багирян И., Пять измерений государственной экономической политики // «21-й ВЕК», НОФ «Нораванк», #3, 2015, сс. 97-119
 18. Вардумян С., Армянская цивилизация – как непреложная отправная точка и непреклонный стержень для разработки Армянской Национально-государственной идеологии // Исследовательско-аналитический армянский интернет-домейн Евразийского экономического союза, 2015, 6 стр. http://www.soyuzinfo.am/rus/analitics/detail.php?ELEMENT_ID=1650.
 19. Вардумян С., Национальный цивилизационный проект в качестве конкретного проявления решений основных общих вопросов безопасности // Материалы республиканской научной конференции «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации (междисциплинарные аспекты) в Российско-Армянском (Славянском) университете, Ереван, 4-5 ноября, 2014, на арм.яз., сс. 25-38.
 20. Галстян Х., Культура конфликта VS Культура диалога: дихотомический выбор армянского общества? // Исследовательско-аналитический армянский интернет-домейн Евразийского экономического союза, 2016, http://www.soyuzinfo.am/rus/analitics/detail.php?ELEMENT_ID=2006&print=Y.

ԳԼՈՒԲԱԼ ՄԱՐՏԱՀՐԱՎԵՐՆԵՐԻ ԱՆԴՐԱԴԱՐՁԸ ՏԱՐԱԾԱՇՐՋԱՆԱՅԻՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԻ ԿԻՋԱԿԵՏՈՒՄ (ՀՀ - ԼՂՀ)

Մուրեն Վարդումյան

Ամփոփագիր

Երրորդ հազարամյակի զլխավոր հայեցակարգային մարտահրավերը մարդու կողմից իրականության ընկալման փոփոխության հանդեպ ունակության ձևավորման և զարգացման՝ արմատապես տարբեր պարադիգմի մշակումն է:

Հետևապես, առանց ժամանակակից աշխարհի իրողությունների մասին պատկերացումների փոփոխության՝ անհնար է հետագա էական, որակական և վերընթաց զարգացումն այն ամենի, ինչ ստեղծվել է մարդու կողմից: Ժամանակակից աշխարհի իրողությունների մասին պատկերացումների փոփոխությունն, իր հերթին, միտված է ապագա աշխարհակարգի հնարավոր փոփոխությունների շուրջ խորհրդածությունների սահմանների ապահովմանն ու հետևողական ընդարձակմանը: Համակարգա-մտածելա-գործունեական սխեմաների մոդելավորման նոր մեթոդների կիրառմամբ ներկայացվում են ապագա աշխարհակարգի վերաբերյալ ընդհանրական պատկերացումները՝ դրանց հիմնական բնութագրիչների ուրվագծերով: Այնուհետև, Հայաստանի (Արցախի հետ միասին) առջև ծառայած գլխավոր մարտահրավերները պարզելու համար՝ տեղայնացնելով ներկայացվում են «մեզ հարակից աշխարհի» զարգացման երեք սցենար առաջիկա 10, 20 և 30 տարվա համար և դրանց հնարավոր ազդեցությունարձագանքները մեր տարածաշրջանում և, մասնավորապես, Հայաստանում:

ОТРАЖЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ В ФОКУСЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ (РА – НКР)

Сурен Вардумян

Резюме

Главным концептуальным вызовом третьего тысячелетия является выработка кардинально иной парадигмы формирования и развития способности человека к изменению восприятия реальности. Следовательно, без изменения представлений о реалиях современного мира, невозможно истинное, качественное и восходящее развитие всего сотворенного людьми. Изменение представлений о реалиях современного мира, в свою очередь, нацелено на обеспечение и последовательное расширение пределов размышления вокруг возможных изменений мироустройства будущего. Далее в статье, с помощью новых методов моделирования схем системо-мыследеятельности, приводятся представления будущего миропорядка – с общим контурным описанием его основных черт. После чего, локализуя, дабы понять главные вызовы, возникшие перед Республикой Армения (вместе с Республикой Арцах), представляются и анализируются три сценария развития «сопредельного нам мира» на 10, 20 и 30 лет вперед, и возможные влияния-отголоски последних на вероятные изменения и прогнозируемые реальности нашего региона, в частности Республики Армения.

**THE REFLECTION OF GLOBAL CHALLENGES IN THE FOCUS
OF REGIONAL PROBLEMS (RA – NKR)**

Suren Vardumyan

Resume

The main conceptual challenge of the Third Millennium is the development of a fundamentally different paradigm of the formation and development of a Person's ability to change the perception of Reality. Consequently, without changing the ideas about the realities of the modern World, the true, qualitative and ascending development of the Total Created by Man is impossible. The change of ideas about the realities in the modern World, in its turn, is aimed at securing and consistent expansion of the limits of reflection around the possible changes in the World Order of the future. Further in the article, with the help of new methods for modeling systemic-thinking-activity schemes, representations of the future Global Order – with a general outline description of its main features are provided. Thereafter, through localization in order to understand the main challenges faced by the Republic of Armenia (together with the Republic of Artsakh/NKR), three scenarios for the development of “our nearby World” are presented and analyzed for 10, 20 and 30 years ahead, along with possible influences-echoes of the latter on the probable changes and predictable realities of the region in general, and the Republic of Armenia in particular.

ПОЧЕМУ ПОСЛЕДНИЕ ТЕРАКТЫ СЛУЧИЛИСЬ ИМЕННО В ИСПАНИИ

*Георгий Коларов**

Ключевые слова: терроризм, ислам, война, преступность, иммигрант, жертва, правые, левые.

Представители ИГ выбрали именно Барселону и Каталонию не случайно: это центр и символ европейского туризма. А в понимании исламистов – греха. Барселона – общеевропейская столица гедонизма.

Кроме того, там на последних парламентских выборах большого успеха добились левые партии, в том числе местная организация «Подemos» и сепаратистски настроенные крайне левые республиканцы. На фоне победы правых центристов в Испании в целом и создания нового правительства «каталонский вопрос» приобрел новую остроту и неимоверно усилил напряжение между Мадридом и Барселоной. Предстоящий референдум о независимости Каталонии чреват столкновениями между центральными и провинциальными силовыми органами. Они приведут к дополнительному ослаблению системы безопасности Барселоны.

Определенную лепту в это внесла крайне левая мэр Барселоны Ада Колау. Ей принадлежала идея превратить город в распределительный центр для иммигрантов из Магриба, предоставляя большинству из них постоянное местожительство. Одновременно она запретила строительство новых гостиниц и открыто выступает за ограничение туристического потока. Получается, что на этом посту она содействует исламистам. Ада Колау, конечно, сейчас старается исправить подорванную репутацию срочными мерами по улучшению личной безопасности жителей Барселоны и туристов: увеличивается полицейское присутствие на вокзалах и

* Кандидат политических наук, докторант РУДН (Москва, Российская Федерация), преподаватель ЭУ (Варна, Республика Болгария) и РАУ (Ереван, Республика Армения).

остановках, в местах скопления туристов; усиливается система проверки документов; вводится постоянное видеонаблюдение ключевых туристических объектов; устанавливаются препятствия для транспортных средств и расширяются пешеходные зоны в центре города; улучшается взаимодействие между (местной) каталонской полицией и (общенациональной) испанской Национальной Гвардией. Меры, однако, слишком запоздали...

И эти теракты – послание и ей лично, и каталонским левым, и испанским правым: «что бы вы ни делали, мы будем вас убивать и исламизировать во славу Аллаха и вернем Иберийский полуостров обратно в Дар Ал Ислам – государство ислама». То есть будут ликвидированы последствия Реконкисты, освободившей местных католиков от 800-летнего арабского рабства.

Именно это и было сказано в видеообращении испаноязычных джихадистов из ИГ в адрес испанского государства и народов, проживающих в нем. Боевики упоминают жертвы среди мусульман в результате средневековых крестоносных походов и за последние десятилетия. Указывают, что удары направлены на мирных граждан королевства и на туристов, потому что так христианский мир почувствует большую боль. Оправдываются тем, что в «доме крестоносцев нет невинных». Угрожают вернуть территорию Испании в исламский халифат.

ИГ увеличивает угрозу для стран ЕС (а также и для постсоветского пространства) из-за военных побед антитеррористической коалиции в Сирии и Ираке, вынудившей исламистских фанатиков вернуться в государства постоянного проживания. Стратеги исламского терроризма не будут иметь проблем с набором экзекуторов-самоубийц в цивилизованном мире.

По мнению директора Аналитического центра Института международных исследований МГИМО, доктора политических наук Андрея Казанцева, «лица, связанные с конфликтом на территории Сирии, фигурировали в 72 эпизодах проявления терроризма на территории Франции, где соответствующая угроза особенно велика» [1, с. 4]. (Это утверждение эксперта подтверждается фактом, что 4 дня до теракта в Барселоне, по

данным французской полиции, террористы побывали в Париже и купили находящихся в свободной продаже нужных для реализации их планов вещей). Он также подчеркивает факторы, ведущие к попаданию молодых людей в террористические структуры ИГ (запрещена в России): «духовный кризис секулярной культуры эпохи постиндустриализма, низкая степень интеграции исламской молодежи, в особенности мигрантов, в общество, эффект исламистской пропаганды, особенно ИГ» [1, сс. 8-9]. По его мнению, «в связи с тем, что именно молодежь относится к основной группе риска, самая большая ответственность за контртеррористическую пропаганду ложится на систему образования» [1, с. 32], и «необходимо интенсифицировать обмен информации о международных боевиках-террористах, как по линии двустороннего сотрудничества между спецслужбами, так и по линии взаимодействия, в рамках международных структур» [1, с. 34]. Эксперт заключает, что «большую актуальность приобретает налаживание взаимодействия с соответствующими ведомствами ЕС, контактов по линии научного и экспертного сообщества, развитие гуманитарного сотрудничества, направленного на искоренение терроризма и религиозного экстремизма» [1, с. 34]. Нельзя не согласиться с ним, на фоне случившегося в Барселоне, Турку, Марселе, Сургуте, Ницце, Париже, Берлине...

Провал испанских спецслужб выглядит катастрофическим, потому что именно они дольше всех боролись с террористами: их противником была баскская террористическая организация ETA. И «Красные бригады» в Италии, и фракция «Красной Армии» в Германии, и «Акссион Директ» во Франции, и ИРА в Великобритании раньше прекратили террористическую деятельность. По этой же причине именно в испанской разведке и контрразведке до сих пор есть больше всего обстрелянных офицеров – в других больших европейских странах они уже пенсионеры. Верно, конечно, что испанские спецслужбы понесли самый тяжелый удар, во время войны в Ираке: семеро высших разведчиков погибли во время теракта, и спецслужбы надолго остались без руководства.

ETA приобрела и «Пособие террориста» Рикардо Гарсия Дамборенеа (автор этих строк перевел и издал его на болгарском языке в 1996г.,

вместе со своей книгой «Мистика и терроризм: кровавая смесь «Сендеро Луминосо»). В нем встречаются интересные аксиомы:

«Можешь презирать чужую жизнь, однако всегда имей оправдание своих действий». [2, с. 100];

«Хотя эффективность насилия не зависит от численности террористов, одинокий террорист – бесполезный террорист» [2, с. 101];

«Разрешено убивать с высшей целью. Нужно как можно раньше оповестить ее» [2, с. 102];

«Прилагая закон концентрации сил, атакуем точно определенную, конкретную, заранее изученную цель. В момент нападения нас больше, мы сильнее неприятеля» [2, с. 104];

«Вопрос не в том, чтобы убить многих, а в том, чтобы многие заметили. Убийство, не разглашенное публично, – бесполезное усилие» [2, с. 107];

«Элементарный принцип терроризма – нападать на самую слабую сторону врага» [2, с. 111];

«Покажи силу и твердость. Твоя задача – разбудить ненависть в обществе» [2, сс. 111-112].

Хотя это пособие давно изучено и проверено испанскими спецслужбами, они не могут обеспечить спокойствие и безопасность граждан: раньше была ЕТА, сейчас – ИГ. Не могут, потому что, видимо, его хорошо изучил и проверил и Абделбаки Ес Сати – уже мертвый имам каталонского города Рипой. (Его спецслужбы только сейчас стали считать главным организатором терактов, на основании показаний раненого во время взрыва на базе джихадистов в городе Альканар 26-летнего террориста Мохамеда Хоули Хемлала. Хотя до его освобождения из испанской тюрьмы в январе 2012г. местные антитеррористы не увидели в нем радикального исламиста. Однако появляются данные, что над ним стоял более высший мусульманский духовник в Испании – Мохамед Мрабет, сидящий в тюрьме с 2006г. и оттуда направляющий деятельность джихадистских ячеек) [3]. Так что теракты продолжатся. Причем не только в Испании, а во всех европейских средиземноморско-атлантических странах,

развивающих морской туризм: Португалии, Франции, Италии, Греции, Кипре, Болгарии.

Общее между терактами в и вокруг Барселоны и в финском порту Турку – это не только ИД. Все физические исполнители – марокканцы. Это так, хотя один из них житель Каталонии, другой из французского Марселя, третий – из испанского анклава Мелиля.

Заместитель председателя самой большой национал-патриотической партии в Республике Болгария – Внутренней Македонской Революционной Организации (ВМРО), евро-депутат Ангел Джамбазкий обобщает данные террориста из Марокко: «18-летний, беженец, кандидат на убежище и статус» [4]. Это точные параметры марокканского террориста-смертника из Турку.

Почему так много марокканцев перебралось на испанский берег, если 2000 из них стали боевиками-исламистами и воюют в Сирии, Ираке, Афганистане и уже и в Европе? [2 – 13].

Ангел Джамбазкий согласен с автором этих строк, что «Барселона и Испания выбраны не случайно». И приводит, прежде всего, историческую аргументацию, в поддержку своего утверждения: «Испания – то государство, которое внесло самый большой вклад в спасение сегодняшней Европы от ислама и шариата. Кстати, вместе с нами (болгарами – *Г.К.*). 8 веков продолжается арабская исламская оккупация и испанское христианское сопротивление» [4].

Ангел Джамбазкий называет испанскую Реконквисту «эпической и героической битвой против арабского поработителя. Ее результаты впечатляют. Это и есть причина для идеологов исламистского наступления в Риаде и их последователей-фанатиков, легитимированных и замаскированных под «несчастных беженцев», так отчаянно и озлобленно стремиться вернуть Испанию в границы Халифата, восстановить Ал Андалус» [4]. Любым способом.

До мирового экономического кризиса Испания была одним из самых быстро развивающихся крупных европейских государств, остро нуждающихся в рабочих руках, преимущественно в сфере строительства и ги-

гиены, чтобы ответить потребностям развития туризма и строительства новых производственных мощностей. Поэтому началась вербовка трудовых мигрантов, прежде всего из близкого в культурном отношении района Латинской Америки и в географическом – Магриба. Марокканцы выделялись среди всех иммигрантов криминальными наклонностями и установками. И именно они пополнили преступный контингент, который увеличился в опасных масштабах: статистика ставит Мадрид и Барселону в десятку самых опасных городов мира (происшедшее подтвердило репутацию каталонской столицы). После вступления королевства в ЕС испанская полиция не имеет достаточно полномочий, чтобы репрессировать преступников-иммигрантов, хотя внимательно наблюдает за ними – недостаток европейского правопорядка.

Очень часто после совершения преступлений их освобождают, или они успевают отделаться легкими приговорами (например, погибший в Альканаре имам Абделбаки Ес Сати). Проблема не столько в коррупции, сколько в несовершенствах испанского и европейского права, неспособности справляться с религиозно-этническими сообществами, ставящими свои морально-этические нормы и традиционный образ жизни выше верховенства закона. В Испании оформились паразитические марокканские гетто, живущие за счет криминальной деятельности и социальных пособий. Ангел Джамбазкий указывает, что «анклавы и сотни исламистских гнезд превращаются в инкубаторы поколений воинов джихада» [4].

Испанцы бессильны справиться с эксплуатацией своей социальной системы со стороны этой этно-религиозной группы. Типичным является город Альхесирас: там живут разнообразные иммигрантские общины. И даже литовцы зарабатывают на хлеб тяжелым трудом, вопреки непривычному для них горячему климату, близкого к сахарскому. Только многочисленная, паразитическая и постоянно нарастающая (североафриканский берег отстоит в нескольких десятках километрах) марокканская община рассчитывает на социальные пособия. Их получение не стимулирует прекращение преступной и террористической деятельности. Большинство терактов в Испании и в Европе устраивают марокканские иммигранты.

В курорте Марбелья марокканская уличная преступность превратилась в бич для местного туризма. Наглые грабежи происходят перед глазами бездействующих полицейских. Такое же положение и в других испанских средиземноморских курортах, расположенных в близости к марокканскому берегу. Особенно тяжелое положение в двух анклавах Сеута и Мелиля.

Однако, по данным Министерства труда Королевства Испании, самое большое количество уроженцев Марокко сидит на социальных пособиях именно в Каталонии – 26,8% (60 439), и никто из них не собирается искать работу или возвращаться на родину. Причем, по мнению многих испанских экспертов, стратегия и тактика местных властей и политической элиты к обретению независимости только стимулирует заселение иммигрантов, не владеющих кастильским (испанским) языком. Не зря местная марокканская община поддерживает выход Каталонии из состава Испании: экс-президент автономии Артур Мас запустил в течение последних трех лет «План Марокко: 2014-2017», в котором предусматриваются разные меры укрепления связей с североафриканским государством. В том числе, введение арабского и берберского языков в систему школьного образования [5]. Результат этой политики уже известен всему миру. Видимо, накануне референдума о независимости центральная власть в Мадриде приобретает аргументы для защиты территориальной целостности королевства.

Пока не ясно, сколько еще испанцы будут терпеть вызовы со стороны марокканских преступников. Тенденцию не трудно предвидеть: появление чего-нибудь типа Национального фронта в соседней Франции, с возможностью быстрого привлечения последователей. Это означает отмирание традиционных и новых левых партий и рестрикции в отношении криминально-паразитических общин. А также увеличение благосостояния трудящихся и наведение порядка.

Конечно, это невозможно без поддержки консервативных политических сил, правящих в ЕС, США, Российской Федерации. Именно они составляют костяк антитеррористической коалиции.

Испанией сейчас (и надолго) правит правоцентристская коалиция, пытающаяся сохранить территориальную целостность страны (удастся ей это или нет, выяснится только после предстоящего референдума – его результаты нетрудно предвидеть, однако вопрос в том, как отреагируют на них официальные Мадрид и Брюссель). Следующей целью, на верное, станет подавление исламистского экстремизма и терроризма, социального паразитизма и бытовой преступности. Решение этих вопросов не предвещает возврат левых к власти в обозримом будущем. Ему не способствует неадекватное поведение каталонских политических сил левой ориентации.

Переход в оппозицию Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) и левой партии «Подemos», отставка и уход из Кортесов бывшего председателя ИСРП Педро Санчеса (безуспешно попытавшегося потянуть партию еще левее) вписались в общую тенденцию спада влияния крайне левых в мире в целом и конкретно в Иберо-Америке. Двукратное проведение парламентских выборов в течение полугода утвердило во власти двух право-центристских партий – Народную и «Сюдаданос». В будущем к ним могут присоединиться и крайне-правые.

Последние теракты могут привести к двум видам последствий: усиление крайне-правых тенденций в составе правящей коалиции; появление испанского варианта французского Национального Фронта. Это означает возрождение и реабилитацию франкизма. В таком случае Испания, через 80 лет после окончания кровавой гражданской войны и больше чем через 40 лет после смерти Франко, может снова превратиться в оплот консерватизма и клерикализма.

Август, 2017г.

Источники и литература

1. *Казанцев А.А.*, Проблема вербовки и возврата террористов: опыт Европы и перспективы России // Рабочая тетрадь, №27, 2016, 37с.
2. *Коларов Г.И.*, Мистика и терроризм: кървавата смес на «Сендеро Луминосо». Приложение. Рикардо Гарсия Дамборенеа. Наръчник на терориста. – Варна: АКАДЕМ, 1986, 124с.

3. www.abc.es/espana/abci-fiscalia-pide-prision-para-terrorista-herido-alcanar-201708221436_noticia.html.
4. www.offnews.bg/analizi/lazhat-strah-gi-e-pri-tova-mnogo-663405.html.
5. www.abc.es/economia/abci-cataluna-region-donde-trabajan-mas-marroquies-268-porciento-total-espana-201708232110_noticia.html.

**ԻՆՉՈՒՒ ՎԵՐՋԻՆ ԱՀԱԲԵԿՉՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
ԿԱՏԱՐՎԵՑԻՆ ՀԵՆՑ ԻՍՊԱՆԻԱՅՈՒՄ**

Գեորգի Կոլարով

Ամփոփագիր

Հոդվածում դիտարկվում է բարդ սոցիալ-տնտեսական և ռազմաքաղաքական իրավիճակը Իսպանիայի Թագավորությունում՝ Բարսելոնայում և Կատալոնիայի այլ բնակավայրերում ահաբեկչությունների շարքից առաջ և հետո: Նկատվում է որոշ ձախ կուսակցությունների և քաղաքական գործիչների պատասխանատվությունը երկրում վերջին ժամանակներս սրընթացորեն հոգուտ սուննի մուսուլմանների (հիմնականում Մադրիբից) խախտվող ժողովրդագրական հավասարակշռության համար: Փորձ է արվել վերլուծել ծագումով մարոկկոցիների քրեածին սոցիալական դիրքորոշումները Իսպանիայում կենցաղային հանցագործության անթույլատրելիորեն բարձր մակարդակի և պետական ուժային մարմինների կողմից ահաբեկչության սպառնալիքի հարցը լուծելու անկարողության ֆոնին:

**ПОЧЕМУ ПОСЛЕДНИЕ ТЕРАКТЫ
СЛУЧИЛИСЬ ИМЕННО В ИСПАНИИ**

Георгий Коларов

Резюме

В статье рассматривается сложная социально-экономическая и военно-политическая ситуация в Королевстве Испания до и после серии терактов в Барселоне и других населенных пунктах Каталонии. Прослеживается ответственность некоторых левых партий и политиков за стремительное нарушение демографического баланса в стране за последнее время в пользу мусульман-суннитов, в основном из Магриба. Делается попытка анализа криминогенных

социальных установок уроженцев Марокко на фоне недопустимо высокого уровня бытовой преступности в Испании и неспособности силовых государственных органов справиться с угрозой терроризма.

WHY THE RECENT TERRORIST ATTACKS HAPPENED SPECIFICALLY IN SPAIN

Georgi Kolarov

Resume

The article reviews the complicated socioeconomic and military-political situation in the Kingdom of Spain before and after the terrorist attacks in Barcelona and other towns of Catalonia. The responsibility of some left-wing parties and politicians is noted for the recent drastic change in the demographic balance of the country with increased number of Sunni Muslims, mostly from Maghreb. An attempt is made to analyze the criminogenic social positions of people of Moroccan descent, against the background of impermissibly high levels of crime in Spain and inability of Spanish law enforcement agencies to tackle the threat of terrorism.

И.К.АЙВАЗОВСКИЙ. МИР КАК ВЕТЕР С МОРЯ

Цель этой работы – показать, насколько человек и художник Иван Константинович Айвазовский (1817-1900) вписан в армянский мир. Можно ли считать Айвазовского как русским, так и армянским художником? Постановка и анализ такого вопроса очень важны как для объективного понимания сложного и во многом не изученного творчества самого художника, так и для двух великих культур, чьи исторические судьбы часто соприкасаются, а в иные времена приобретают более тесные формы.

1. Мир и мировоззрение

Геворг (Константин) Гайвазовски (1771-1841) после долгих мытарств около 1810г. обосновался в Феодосии, где женился на местной красавице-армянке Рипсиме. 17(29) июля 1817г. у них родился младший из сыновей Ованес (Иван), будущий великий маринист.

В 1783г. Крым стал российским. И его стали покидать турки-османы и другие мусульманские народы. Османская империя, владевшая Крымом с XVв., потеряла реальную власть над полуостровом к 1802г. Маленький городок Феодосия лежал в руинах. Российское правительство сделало феодосийский порт беспошлинным, стремясь оживить экономику города. Городок был многонациональным. Армяне здесь жили с незапамятных времен. Построенная в 1267г. армянская церковь Сурб Саркис была свидетельницей многих важных событий города и края. Церковь была лучшим армянским скрипторием в Крыму. Именно здесь крестили Ованеса, здесь же он научился грамоте, венчался, здесь его отпевали, здесь его и похоронили. Армянская диаспора за века выработала три важнейшие составляющие её жизни: церковь, издание книг и газет, школа. Именно такая конструкция жизни спасала разбросанные по миру армянские колонии от ассимиляции.

Меня интересует, как у Айвазовского выстраивалось здание его понимания искусства. Что становилось определяющим в его мировоззрении? Прежде всего надо сказать, что Айвазовские – традиционная армянская семья, и она была, образно говоря, впаяна в уклад небольшой армянской колонии. Повторюсь, Феодосия того времени была многонациональной. Население города говорило на многих языках: на греческом, итальянском, армянском, хазарском, турецком, татарском, а с конца XVIII века и на русском языке. Армянская колония Феодосии существовала с IX-XVвв. и была типичной для своего времени (XIXв.). Армянская колония была очень динамичной и имела обширные торгово-культурные связи как на Западе (особенно с Конгрегацией мхитаристов), так и на Востоке (в первую очередь с Эчмиадзином). В Феодосии при церкви Сурб Саркиса была хорошая приходская школа, куда и пошел за знаниями маленький Ованес. Здесь, как и дома, он получил хорошее воспитание и образование. Этим и объясняется его превосходный стиль изложения и красота почерка. Имея хороший слух, он прекрасно играл на скрипке. Айвазовский всю жизнь был чувствителен в отношении национального достоинства и человеческой гордости. Он первым поднял голос против резни армян в Османской Турции, дав своему псу в зубы награды, полученные от султана. В то же время он отправлял значительные суммы, вырученные от продажи своих картин в Европе, нуждающимся армянам и грекам. Он высоко ценил тех, кто поднял голос против турецкой деспотии.

Начиная с учебы в Императорской Академии художеств (с 1833 года), он обратил на себя внимание: в 1836г. он получил серебряную медаль, а в 1837г. – Большую золотую медаль за свои картины. Ввиду особых успехов Айвазовского Академия разрешила ему завершить учёбу на два года раньше положенного срока. Благосклонность императора Николая I, далее работа и высокий пост в Адмиралтействе, а также признание двора создали уникальное мировоззрение Айвазовского как человека русской культуры и армянского миропонимания. И именно с этих позиций Айвазовский как русский, так и армянский художник. Но не надо сбрасывать со счетов и европейскую культуру, которая была глубоко им воспринята. Признание пришло быстро и повсеместно – от русского царя и

до папы, от европейских академий, турецких султанов и до американских миллионеров... Итак, вот уже более 170 лет Айвазовский волнует любителей искусства во всём мире и ставит всё новые загадки, которые также останутся загадками для новых поколений. А цена на его картины неизменно будет продолжать свой рост.

2. Творчество

Старый художник устало смотрел на море. Всего час тому назад он закончил свою последнюю картину. Возможно, она самая желанная. Там, за спиной в просторной мастерской трепетало море, новорожденное дитя его воображения, частица его сердца... Он давно думал, как назвать эту картину. Решил – просто «Волна». «Сила сердца, воля сердца, ритм сердца, острота воображения, пластичность и чувствительность кистей рук и фаланг пальцев – все на месте», – подумалось ему. Усмехнулся и вновь бросил взгляд на море. Стихия моря и есть его загадка. Эта неукротимая стихия воды в его воображении, или еще точнее, он часть этой живой неукротимой стихии... Только ли воды? Как жить людям с этой стихией? А как быть с пространством внутри его тревоги за судьбы людей и судьбу своего народа? И это ли не смысл его картин? Есть ли доблесть у человека, который захотел бы победить божественный замысел?

«Волна» (Русский музей, 1889г.) – живая, мощная и всепроникающая картина, не доверчивая, не добрая, но и не враждебная, магически действующая на душу зрителя. Картины «Волна» и «Хаос» (Венеция, Конгрегация мхитаристов на острове Святого Лазара, 1841г.) несут общечеловеческие ценности философского содержания, раскрывая масштаб мышления художника, его понимания роли природы как важнейшей и единственной системы для жизни человека. Мастер предстает не художником, изображающим море, а сыном и отцом этой стихии. Художник создаёт ситуацию конфликта, когда зритель чувствует себя одновременно и перед картиной, и внутри неё. И в этих ситуациях (буря, беспокойное море и т.д.) энергетический потенциал художника мощнейший. Он как будто бросает в это морское пространство сильнейший импульс постижения бытия. Такого его творческое и человеческое «Я». Он помогает не только

здесь – на твёрдой земле, нуждающимся людям, но и тем морьям, которых он изображает. И здесь Айвазовский по внутренней наполненности смысла жизни, по мощи проникновения в природу подобен Микеланджело... Вот что пишет Гёте о Микеланджело: «Я уже не ощущаю вкуса к природе, т.к. я не могу на нее смотреть такими большими глазами, как Микеланджело».

Теперь посмотрим, как меняется у художника композиционное изображение моря в картине. Люди и земная суша в картинах Айвазовского лишь уточняют, кто главный в каждом сюжете. И.К.Айвазовский в своем творчестве не занят разрушением-строительством художественной формы реальности, чем были заняты мастера интеллектуальных игр, – он мудрец и романтик! Именно поэтому многие не видят его заслуг в истории искусства, хотя и восторгаются уникальностью его творчества. Возможно первым из мировых авторитетов, кто высоко оценил творчество Айвазовского, стал английский гений Уильям Тёрнер. Из русских же гениев, высоко ценивших И.К.Айвазовского, вспомним М.А.Врубеля.

3. Еще раз об армянских картинах Айвазовского

Как человек, он не отрывался от своих корней, был глубоко погружен в жизнь армян, подчеркивая достоинства и гордясь своим творческим и духовным народом. Он высоко чтит традиции армян, собственно он был воспитан в традиционной армянской семье. Это и было для него перво-степенным. Он был человеком армянского мира и армянской диаспоры. На армянскую тему он написал более сорока картин. Часть из них посвящена духовной и героической истории Армении, часть – это портреты домашних и близких людей, а также портреты выдающихся армян: католикос всех армян Мкртич Хримян, министр Лорис-Меликов, городской голова Нового Нахичевана А.Халибян. Крайне любопытна картина Айвазовского «Посещение Байроном мхитаристов на острове Св. Лазара в Венеции» (1898г., Национальная картинная галерея Армении). Эта картина имеет культурно-историческую ценность, так как изображает первое посещение великого английского романтика армянской конгрегации в 1816 году для изучения армянского языка и литературы. Байроном в этот пе-

риод было написано предисловие к армянской грамматике на английском языке. Интересна картина «Айвазовский в кругу друзей». А также пейзажи священной для армян горы Арарат и араратской долины. Интересны картины по теме мхитаристов, которые доказывают глубинную связь художника со своим братом Габриелем. Это лишь краткий список картин с армянской тематикой.

После пожара в армянской церкви Сурб Саркис он её полностью расписал, таким образом выказав уважение и любовь к своей церкви. Он завещал 50000 рублей на реставрацию церкви и желал, чтобы его там и похоронили.

Для него Россия была страной, где он нашел сочувствие, внимание, дружелюбие, а потом и подлинное высокое признание. Он любил преданность России к морю, восхищался смелостью и героизмом русских моряков.

Он никогда не отделял себя от родного армянского народа, где бы ни был, он всегда чувствовал пульс исторической Родины.

Рубен Ангаладян
4 мая – 25 августа 2017г.
Лос-Анджелес – Ереван

Памятка автору

Журнал «21-й ВЕК» публикует статьи аналитического характера, в которых преобладают темы, затрагивающие актуальные проблемы РА. *Заказанные* редакционным советом журнала статьи и материалы являются собственностью Фонда «Нораванк».

Принимаемые редакцией статьи рецензируются. Публикации журнала выражают точку зрения их авторов.

Требования к представляемым материалам

1. Статьи должны быть представлены в виде распечатки и в компьютерном наборе (*MS WORD*) шрифтом «*Sylfaen*» размером 11 и не превышать 12 страниц.
2. Со статьей обязательно представляется автобиография (*CV*) автора, а также ключевые слова.
3. Страница статьи должна соответствовать формату А4 и иметь поля – по 2 см слева, справа, сверху и снизу. Межстрочный интервал – 1.5. Обязательно наличие резюме (на армянском, русском и английском).
4. Ссылки на использованную литературу приводятся в квадратных скобках, в сквозной нумерации по порядку их следования в статье, с указанием страниц (ы) после номера источника. Страница указывается на языке оригинала: «էջ» (на армянском), с. (на русском), р. (на английском, французском и т.д.). Например: [1], [2, с. 11-12]. В конце статьи, в разделе «Источники и литература», приводится список использованных источников по порядку их следования в статье на языке оригинала, шрифтом 10-ого размера, например:

1. *Մարգարյան Ա.*, Երկրի ւրցակցային ռազմավարությունը տնտեսական անվտանգության համատեքստում, «21-րդ դար», # 1, էջ 5, 2003:

2. *Шарипова Р.*, Панисламизм сегодня: идеология и практика Лиги Исламского Мира, с. 15, М., 1986.

3. *Yasha Lange*, Media in the CIS, Center for Civil Society International, Amsterdam, 1997, from <http://www.internews.ras.ru/books/media>, Sept. 28, 1998.

5. Ссылки на интернет-источники желательно давать в сносках.
6. При языке источника, отличном от армянского, латинского алфавита и кириллицы, ссылки приводятся латинской транслитерацией. В скобках указывается перевод и язык, например: *Al-Arman fi Lubnan* (Հայերը Լիբանանում, шршр.).

Редакция

«21-й ВЕК» информационно-аналитический журнал
Редакционный совет

Учредитель – научно-образовательный фонд «НОРАВАНК»

Свидетельство № 221 Государственного регистра
Министерства юстиции РА, выданное 17.05.2001г.
Адрес: РА, 0026, г. Ереван, ул. Гарегина Нжде, 23/1

Сайт: www.noravank.am

e-mail: 21dar@noravank.am, office@noravank.am

Телефон: + (374 10) 44 38 46

Факс: + (374 10) 44 04 73

Ответственная за номер – Лусине Баграмян

Подписано к печати 11.10.2017г.

Номер 3 (44), 2017г.

Тираж 150

Бумага офсетная, формат 70x100 1/16

Усл. п. л. 8. Шрифт: Sylfaen

Издательство ООО «Айкарли»